

Эдуард
АСАДОВ

Annotation

В сборник Эдуарада Асадова, замечательного российского поэта, вошли наиболее известные, давно любимые читателям стихотворения, лирическая повесть `Галина`, а также новые произведения, в которых автор ищет ответы на непростые, волнующие многих современников вопросы сегодняшней жизни.

- [Эдуард Аркадьевич Асадов.](#)
 - [ТВОРЧЕСТВО ВЫСШЕЙ ПРОБЫ](#)
 - [СТИХОТВОРЕНИЯ](#)
 - [ДОРОЖИТЕ СЧАСТЬЕМ, ДОРОЖИТЕ!](#)
 - [x x x](#)
 - [РОССИЯ НАЧИНАЛАСЬ НЕ С МЕЧА!](#)
 - [ДОРОГИЕ ОКОВЫ](#)
 - [РЕЛИКВИИ СТРАНЫ](#)
 - [ПЕРЕКРОЙКА](#)
 - [ОДНО ПИСЬМО](#)
 - [ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?](#)
 - [ГРЯДУЩИЙ ДЕНЬ](#)
 - [МИКРОКЛИМАТ](#)
 - [«ВЕСЕЛЬЕ РУСИ»](#)
 - [ПАДАЕТ СНЕГ](#)
 - [ЛЮБОВЬ И ТРУСОСТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЫЙ ВЕК](#)
 - [ТРУСИХА](#)
 - [РАЗНЫЕ НАТУРЫ](#)
 - [СКОЛЬКО ЛЕТ МЫ НЕ ВИДЕЛИСЬ С ВАМИ](#)
 - [ДРЕВНЕЕ СВИДАНИЕ](#)
 - [ИВАНАМ НЕ ПОМНЯЩИМ РОДСТВА](#)
 - [ЧУДАЧКА](#)
 - [КОГДА ПОРОЙ ВЛЮБЛЯЕТСЯ ПОЭТ...](#)
 - [ПЕСНЯ-ТОСТ](#)
 - [ЛЮБИМ МЫ ДРУГ ДРУГА ИЛИ НЕТ?](#)
 - [НЕ ПРИВЫКАЙТЕ НИКОГДА К ЛЮБВИ](#)
 - [ОНА УСНУЛА НА ПЛЕЧЕ МОЕМ](#)
 - [ГИБНУЩАЯ ДЕРЕВНЯ](#)

- [«ПЕРЕОЦЕНКА»](#)
- [ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ](#)
- [СЕРДЦА МОИХ ДРУЗЕЙ](#)
- [РОЗА ДРУГА](#)
- [Я ПРАВДУ СОБИРАЮ ПО ЧАСТИЦАМ](#)
- [МОЯ ЛЮБОВЬ](#)
- [ДОБРОТА](#)
- [ЗВЕЗДНЫЙ БАРС](#)
- [СТИХИ О РЫЖЕЙ ДВОРНЯГЕ](#)
- [ДЕВУШКА И ЛЕСОВИК](#)
- [ДВА СЛОВА О ЛЮБВИ](#)
- [НЕ УХОДИ ИЗ СНА МОЕГО](#)
- [РАЗДУМЬЕ НАД КЛАССИКОЙ](#)
- [СЛОВО И ДЕЛО](#)
- [ВЕРЮ ГЕНИЮ САМОМУ](#)
- [ЛУННЫЙ ВЕЧЕР](#)
- [ЛЕДЯНАЯ БАЛЛАДА](#)
- [НОЧНАЯ ПЕСНЯ](#)
- [БАЛЛАДА О НЕНАВИСТИ И ЛЮБВИ](#)
- [СУДУ ПОТОМКОВ](#)
- [ПРОВЕРЯЙТЕ ЛЮБОВЬ](#)
- [КОГДА МНЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ В ЛЮДЯХ ДУРНОЕ..](#)
- [АХ, КАК ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО В МИРЕ ЭТОМ!..](#)
- [НЕЖНЫЕ СЛОВА](#)
- [ВЕРОНИКЕ ТУШНОВОЙ И АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ](#)
- [х х х](#)
- [РАЗНЫЕ СВОЙСТВА](#)
- [ДРУГ БЕЗ ДРУГА У НАС ПОЛУЧАЕТСЯ ВСЕ...](#)
- [ТЫ ДАЖЕ НЕ ЗНАЕШЬ](#)
- [«ВЕРХОВНЫЙ СУД»](#)
- [СУДЬБЫ И СЕРДЦА](#)
- [РОССИИ](#)
- [МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИ](#)
- [ИМЕНЕМ СОВЕСТИ](#)
- [АПТЕКА СЧАСТЬЯ](#)
- [МНЕ ТАК ВСЕГДА ХОТЕЛОСЬ ВЕРИТЬ В БОГА](#)
- [ГРЕХИ ЧЕЛОВЕЧЬИ, ИЛИ КТО ВИНОВАТ?](#)
- [ХОЧУ ПОНЯТЬ](#)
- [ЗДРАВСТВУЙ, ГОРОД ОДИНЦОВО!](#)

- [СПАСИБО](#)
- [ДУМА О СЕВАСТОПОЛЕ](#)
- [ЭДЕЛЬВЕЙС](#)
- [АХ, КАК ЖЕ Я В ДЕТСТВЕ ЛЮБИЛ ПОЕЗДА](#)
- [БАЛЛАДА О ДРУГЕ](#)
- [ПИСЬМО С ФРОНТА](#)
- [МОЕЙ МАМЕ](#)
- [ВЕЧЕР В БОЛЬНИЦЕ](#)
- [х х х](#)
- [ЗИМНЯЯ СКАЗКА](#)
- [ЛЮБОВЬ, ИЗМЕНА И КОЛДУН](#)
- [ЛИТЕРАТУРНЫМ НЕДРУГАМ МОИМ](#)
- [О СКВЕРНОМ И СВЯТОМ](#)
- [ПОДРУГИ](#)
- [ТРИ ДРУГА](#)
- [ОНИ СТУДЕНТАМИ БЫЛИ](#)
- [ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ](#)
- [СТУДЕНТЫ](#)
- [СТИХИ О ЧЕСТИ](#)
- [«СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ»](#)
- [ТРУДНАЯ РОЛЬ](#)
- [ВОЗВРАЩЕННОЕ ВРЕМЯ](#)
- [ОСЕННИЕ СТРОКИ](#)
- [НОЧЬ](#)
- [ДЕВУШКА](#)
- [ОДНА](#)
- [ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ](#)
- [У НОЧНОГО ЭКСПРЕССА](#)
- [ВЕЛИКИЙ СЕКРЕТ](#)
- [МОДНЫЕ ЛЮДИ](#)
- [ЛЮДИ СТАРАЮТСЯ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ](#)
- [х х х](#)
- [ПЕЛИКАН](#)
- [ДИКИЕ ГУСИ](#)
- [ЭФЕМЕРА ВУЛЬГАРИС](#)
- [«РЫБЬЕ СЧАСТЬЕ»](#)
- [КОМАРЫ](#)
- [БУРУНДУЧОК](#)
- [ДАЧНИКИ](#)

- [МЕДВЕЖОНОК](#)
- [ЗАРЯНКА](#)
- [ОРЕЛ](#)
- [БЕНГАЛЬСКИЙ ТИГР](#)
- [ЯШКА](#)
- [БАЛЛАДА О БУЛАНОМ ПЕНСИОНЕРЕ](#)
- [ВЫСОКИЙ ДОЛГ](#)
- [ОШИБКА](#)
- [НАДЕЖНОЕ ПЛЕЧО](#)
- [СУДЬБА СТРАНЫ](#)
- [ПОДМОСКОВНЫЙ РАССВЕТ](#)
- [КРИСТИНА](#)
- [ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ](#)
- [ОДИНОЧЕСТВО](#)
- [СЛАДКАЯ ГОРЕЧЬ](#)
- [ВЕЧНАЯ РАНА](#)
- [СЕРЕНАДА ВЕСНЫ](#)
- [СЕРДЕЧНЫЙ СОНЕТ](#)
- [ВЕЧНОЕ БЕСПОКОЙСТВО](#)
- [ТЩЕСЛАВНАЯ ВРАЖДА](#)
- [Я МЕЛКОЙ ЗЛОСТИ В ЖИЗНИ НЕ ИСПЫТЫВАЛ...](#)
- [БАНКРОТЫ](#)
- [НЕ БЕЙТЕ ДЕТЕЙ!](#)
- [ВЛАСТНОЙ ЖЕНЩИНЕ](#)
- [НАИВНОСТЬ](#)
- [СОН В ВЕШНЮЮ НОЧЬ](#)
- [МАГНЕТИЗМ](#)
- [ВСЕ, ЧТО СЕРДЦУ ДОРОГО И СВЯТО](#)
- [ВОЛШЕБНАЯ СТРЕЛА](#)
- [АНГЕЛ И БЕС](#)
- [НА ОСЕННЕМ ПОРОГЕ](#)
- [ВЕЧЕР В ЕРЕВАНЕ](#)
- [ШАГАНЭ](#)
- [ХМЕЛЬНОЙ ПОЖАР](#)
- [ПОЮТ ЦЫГАНЕ](#)
- [ЕЕ ЛЮБОВЬ](#)
- [«АДАМ» И «ЕВА»](#)
- [БЕЛЫЕ РОЗЫ](#)
- [ВЕРНАЯ ЕВА](#)

- [X X X](#)
- [О РЕФОРМАХ](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [ОТЕЦ НАРОДОВ](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [ОШИБКА](#)
- [X X X](#)
- [ПО МОТИВАМ АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА](#)
- [X X X](#)
- [ПРАКТИЧЕСКИЙ СОВЕТ](#)
- [X X X](#)
- [ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ](#)
- [X X X](#)
- [РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ](#)
- [X X X](#)
- [СЕРЕБРО И ЗОЛОТО](#)
- [X X X](#)
- [СКРОМНОЕ ПРИЗНАНИЕ](#)
- [СЛАВА И ЖИЗНЬ](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)

- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [СЧАСТЬЕ И ГОРЕ](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [ТАЛАНТ И БЕЗДАРЬ](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [«ТВЕРДОЕ СЛОВО»](#)
- [X X X](#)
- [УЛЫБКА ЛИРИКА](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [УСЛОВНОСТИ ЖИЗНИ](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [ФРИВОЛЬНАЯ ШУТКА](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)
- [X X X](#)

- [ХРАБРЕЦ](#)
- [х х х](#)
- [х х х](#)
- [«ЧИСТАЯ ДУША»](#)
- [х х х](#)
- [ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ГУЛЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ](#)
- [ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ЛОВЕЛАСА](#)
- [ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ОБЖОРЫ](#)
- [ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ХОЛОСТЯКА](#)
- [ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ЧЕСТНОГО ЧИНОВНИКА](#)
- [х х х](#)
- [х х х](#)
- [х х х](#)
- [х х х](#)
- [ПОЭМЫ](#)
 - [ГАЛИНА](#)
 - [ЧАСТЬ 1](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [ЧАСТЬ 2](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [ЧАСТЬ 3](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [ЧАСТЬ 4](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Глава 10.](#)
 - [Глава 11.](#)
 - [Глава 12.](#)

- [ПОЭМА О ПЕРВОЙ НЕЖНОСТИ](#)

Эдуард Аркадьевич Асадов.
Избранное

ТВОРЧЕСТВО ВЫСШЕЙ ПРОБЫ

Если я скажу, что золото никогда не тускнеет, то вряд ли кого-нибудь удивлю. Оно действительно не поддается ни времени, ни щелочам, ни кислотам. То же самое происходит и с произведениями больших и ярких мастеров искусства и литературы. К сожалению, как и золото, в жизни нашей литературные шедевры встречаются довольно редко. Впрочем, встречайся они часто – золото перестало бы быть золотом. Но они есть, и мы, чтобы не путать их с произведениями менее яркими и глубокими, привыкли называть подобные книги классикой. И мы сейчас не будем, пользуясь прежними консервативными критериями, считать классикой лишь произведения прошлых веков. Да, классика есть. Она живет и сегодня, если только внимательно ко всему приглядеться. О произведениях Эдуарда Асадова так же, как и об их авторе, мне доводилось писать и говорить в своих лекциях как в институтских аудиториях, так и по линии общества «Знание». Книги Асадова прошли самое главное и самое трудное испытание – испытание временем. Вот уже более пяти десятилетий книги Эдуарда Асадова являются едва ли не самыми любимыми и самыми читаемыми как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. Чтобы не быть голословной, с абсолютной уверенностью скажу, что вряд ли найдется человек, который, не кривя душой, видел хотя бы раз книгу Эдуарда Асадова, пылящуюся на полках книжного магазина. Но не только испытание временем прошли эти книги, они прошли абсолютно невредимыми сквозь кислоты и щелочи завистливой и недоброжелательной критики. Почему так получилось? Ответ, как говорится, прост до смешного: да потому, что на стороне Эдуарда Асадова были миллионы читателей всех возрастов и профессий – от школьника до ветерана и от рабочего до прославленного ученого. Сразу же возникает вопрос: чем же волнуют и покоряют эти стихи читателей? Да прежде всего огромной художественной и жизненной правдой, самобытностью и неповторимостью интонаций, полифоничностью звучания. И все-таки самое главное – то, что не поддается практически

никакому анализу, никаким препарированием критики, короче говоря, то, что Михаил Исаковский назвал когда-то «секретом поэзии», а именно – литературный талант.

Каких бы тем ни касался Асадов, о чем бы он ни писал, это всегда интересно и ярко, это всегда волнует душу. Обратите внимание на широту и многогранность его палитры, на глубину и страстность каждой его строки. Тут и горячие, полные предельных эмоций стихи на гражданские темы, такие как «Реликвии страны», «Россия начиналась не с меча!», «Иванам непомнящим родства», знаменитая «Трусиха», «Моя звезда» и другие. Тут и пронизанные лиризмом, то нежные, то проникновенно-доверительные тихи о любви.

Асадов любит не только людей и родную землю. Он любит все живое на ней. Немного найдется у нас поэтов, у которых было бы столько образных, ярких и глубоко взволнованных стихов о природе.

Есть в творчестве Асадова один совершенно уникальный и до трепета взволнованный цикл о наших четвероногих и крылатых друзьях. Вспомните стихи этого цикла: «Медвежонок», «Бенгальский тигр», «Пеликан», «Баллада о буланом Пенсионере», «Яшка», «Зарянка» и, может быть, самое знаменитое стихотворение этого цикла «Стихи о рыжей дворняге». После Сергея Есенина ни один поэт в нашей литературе не мог бы похвастать таким удивительным циклом. При этом автор не просто любит, но проникает в душу каждой лошади, пеликана, медвежонок или собаки.

Откуда в стихах Асадова столько силы, мужества, столько неукротимой страсти в борьбе за правду, совесть, за красоту человеческих отношений, за все прекрасное на земле? Откуда черпает он темы для своих произведений? Ответим уверенно: прежде всего из жизни! Из той самой жизни, в борьбе за которую Эдуард Асадов отдал едва ли не все, что может отдать, сражаясь за нее, человек! Напомним же коротко некоторые вехи его биографии. Эдуард Аркадьевич Асадов родился седьмого сентября 1923 года в Туркмении, в городе Мары, в армянской семье. Родители будущего поэта, Лидия Ивановна и Аркадий Григорьевич, были школьными учителями, воспитавшими в сыне с первых лет его жизни честность, благородство, искренность и вообще самые светлые качества души. К сожалению, отец

Эдуарда умер очень рано, когда мальчику было только пять лет. И Лидия Ивановна переехала с сыном на Урал, в Свердловск (ныне Екатеринбург), туда, где жил дедушка будущего поэта, Иван Калустович Курдов, которого Эдуард Аркадьевич называл потом с доброй улыбкой «историческим дедушкой». А дедушка-то и в самом деле был историческим. Живя в Астрахани, он с 1885 по 1887 год служил секретарем-переписчиком у Николая Гавриловича Чернышевского, после того, как тот возвратился из Вилуйской ссылки, и навсегда проникся его высокими философскими идеалами. В 1887 году по совету Чернышевского он поступил в Казанский университет, где познакомился со студентом Володей Ульяновым и участвовал вместе с ним в деле организации нелегальных студенческих библиотек. В дальнейшем, окончив естественный факультет университета, он работал на Урале земским врачом. Глубина и неординарность мышления Ивана Калустовича оказали огромное влияние на формирование души внука, на его веру и совесть, в доброту, горячую любовь к людям. Первые свои стихи Эдуард написал в восьмилетнем возрасте. И в дальнейшем писал их и в школьные годы, и на фронте, и в госпитальной палате, и вообще всегда и везде.

В 1938 году Лидия Ивановна переехала с сыном в Москву, где Эдуард продолжал учиться, он мечтал о поступлении в Литературный институт и с головой погрузился в книги, молодежные споры и поэзию, продолжая писать запальчивые и взволнованные стихи. Выпускной бал в 38-ой московской школе состоялся 14 июня 1941 года, а ровно через неделю – война. И Эдуард Асадов, не дожидаясь призыва, с первых же дней уходит на фронт добровольцем. Воевал он на четырех фронтах – Волховском, Ленинградском, Северо-Кавказском и 4-м Украинском. И за годы войны прошел путь от наводчика орудия до офицера, командира батареи Гвардейских минометов «Катюши»). В боях за освобождение Севастополя в ночь с 3 на 4 мая 1944 года при выполнении важнейшего боевого задания лейтенант Асадов был тяжело ранен и навсегда потерял зрение. Но даже обрушенный в тяжелейшее горе, он не потерял ни мужества, ни души, ни веры в светлые идеалы. Смыслом его жизни была поэзия. И в госпитале между операциями он упорно продолжает писать стихи, которые впоследствии были одобрены

сначала мэтром нашей литературы Корнеем Ивановичем Чуковским, а затем и приемной комиссией Литературного института им. Горького. Далее пять лет учебы в институте, напряженных, упорных и трудных, пять победоносных ступеней и в учебе, и в творчестве. Пять лет без единой тройки и как результат – диплом с отличием, так называемый «красный диплом», и в год окончания института (в 1951 г.) первая книга стихов «Светлые дороги». И снова годы горячего и упорнейшего труда и все новые и новые книги. До настоящего времени их выпущено всего тридцать пять. И каждая новая книга, это, без всяких преувеличений, новый прорыв в прекрасное.

Как живет, над чем сегодня работает и за что ратует Эдуард Асадов? На это в значительной мере ответит книга, которую вы держите в руках. В ней опубликованы и стихи, которые вы любите с давних пор, и огромное количество новых произведений. Несмотря на постигшее его громадное горе – смерть от сердечного приступа близкого друга и талантливой артистки Галины Валентиновны Асадовой (Разумовской), жены поэта, – он, проявив самые сильные стороны своей души, продолжает упорно работать! Глубочайшее ему за это спасибо!

Пожелаем же Эдуарду Аркадьевичу Асадову новых творческих успехов, здоровья и счастья!

АЛЕКСАНДРА ЗОСИМОВА, кандидат филологических наук

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДОРОЖИТЕ СЧАСТЬЕМ, ДОРОЖИТЕ!

Дорожите счастьем, дорожите!
Замечайте, радуйтесь, берите
Радуги, рассветы, звезды глаз –
Это все для вас, для вас, для вас.

Услыхали трепетное слово –
Радуйтесь. Не требуйте второго.
Не гоните время. Ни к чему.
Радуйтесь вот этому, ему!

Сколько песне суждено продлиться?
Все ли в мире может повториться?
Лист в ручье, снегирь, над кручей вяз...
Разве это будет тыщу раз!

На бульваре освещают вечер
Тополей пылающие свечи.
Радуйтесь, не портите ничем
Ни надежды, ни любви, ни встречи!

Лупит гром из поднебесной пушки.
Дождик, дождь! На лужицах веснушки.
Крутит, пляшет, бьет по мостовой
Крупный дождь в орех величиной.

Если это чудо пропустить,
Как тогда уж и на свете жить?!
Все, что мимо сердца пролетело,
Ни за что потом не возратить!

Хворь и ссоры временно оставьте,
Вы их все для старости оставьте.
Постарайтесь, чтобы хоть сейчас
Эта «прелесть» миновала вас.

Пусть бормочут скептики до смерти.
Вы им, желчным скептикам, не верьте –
Радости ни дома, ни в пути
Злым глазам, хоть лопнуть, – не найти!

А для очень, очень добрых глаз
Нет ни склок, ни зависти, ни муки.
Радость вам сама протянет руки,
Если сердце светлое у вас.

Красоту увидеть в некрасивом,
Разглядеть в ручьях разливы рек!
Кто умеет в буднях быть счастливым,
Тот и впрямь счастливый человек!

И поют дороги и мосты,
Краски леса и ветра событий,
Звезды, птицы, реки и цветы:
Дорожите счастьем, дорожите!

1968 г.

Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно.

Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что все не зря,
Что тебе это вправду надо!

Я могу за тобой идти
По чащобам и перелазам,
По пескам, без дорог почти,
По горам, по любому пути,
Где и черт не бывал ни разу!

Все пройду, никого не коря,
Одолею любые тревоги,
Только знать бы, что все не зря,
Что потом не предашь в дороге.

Я могу для тебя отдать
Все, что есть у меня и будет.
Я могу за тебя принять
Горечь злейших на свете судеб.

Буду счастьем считать, даря
Целый мир тебе ежечасно.
Только знать бы, что все не зря,
Что люблю тебя не напрасно!

РОССИЯ НАЧИНАЛАСЬ НЕ С МЕЧА!

Россия начиналась не с меча,
Она с косы и плуга начиналась.
Не потому, что кровь не горяча,
А потому, что русского плеча
Ни разу в жизни злоба не касалась...

И стрелами звеневшие бои
Лишь прерывали труд ее всегдашний.
Недаром конь могучего Ильи
Оседлан был хозяином на пашне.

В руках, веселых только от труда,
По добродушью иногда не сразу
Возмездие вздымалось. Это да.
Но жажды крови не было ни разу.

А коли верх одерживали орды,
Прости, Россия, беды сыновей.
Когда бы не усобицы князей,
То как же ордам дали бы по мордам!

Но только подлость радовалась зря.
С богатырем недолговечны шутки:
Да, можно обмануть богатыря,
Но победить – вот это уже дудки!

Ведь это было так же бы смешно,
Как, скажем, биться с солнцем и луною,
Тому порукой – озеро Чудское,
Река Непрядва и Бородино.

И если тьмы тевтонцев иль Батыя
Нашли конец на родине моей,
То нынешняя гордая Россия

Стократ еще прекрасней и сильней!

И в схватке с самой лютой войною
Она и ад сумела превозмочь.
Тому порукой – города-герои
В огнях салюта в праздничную ночь!

И вечно тем сильна моя страна,
Что никого нигде не унижала.
Ведь доброта сильнее, чем война,
Как бескорыстье действеннее жала.

Встает заря, светла и горяча.
И будет так вовеки нерушимо.
Россия начиналась не с меча,
И потому она непобедима!

1974 г.

ДОРОГИЕ ОКОВЫ

*Россия без каждого из нас обойтись может.
Но никто из нас не может обойтись без России.*

И.С. Тургенев

Париж. Бужеваль. Деятнадцатый век.
В осеннем дожде пузыряются лужи.
А в доме мучится человек:
Как снег, голова, борода, как снег,
И с каждой минутой ему все хуже...

Сейчас он слабей, чем в сто лет старик,
Хоть был всем на зависть всегда гигантом:
И ростом велик, и душой велик,
А главное – это велик талантом!

И пусть столько отдано лет и сил
И этой земле, и друзьям французским,
Он родиной бредил, дышал и жил,
И всю свою жизнь безусловно был
Средь русских, наверное, самым русским.

Да, в жилах и книгах лишь русская кровь,
И все-таки, как же все в мире сложно!
И что может сделать порой любовь –
Подчас даже выдумать невозможно!

Быть может, любовь – это сверхстрана,
Где жизнь и ласкает, и рвет, и гложет,
И там, где взмывает свой стяг она,
Нередко бывает побеждена
И гордость души, и надежда тоже.

Ну есть ли на свете прочнее крепки,
Чем песни России, леса и снег,

И отчий язык, города и степи...
Да, видно, нашлись посильнее цепи,
К чужому гнезду приковав навек.

А женщина смотрится в зеркала
И хмурится: явно же не красавица.
Но рядом – как праздник, как взлет орла,
Глаза, что когда-то зажечь смогла,
И в них она дивно преображается.

Не мне, безусловно, дано судить
Чужие надежды, и боль, и счастье,
Но, сердцем ничьей не подсуден власти,
Я вправе и мыслить, и говорить!

Ну что ему было дано? Ну что?
Ждать милостей возле чужой постели?
Пылать, сладкогласные слыша трели?
И так до конца? Ну не то, не то!

Я сам ждал свиданья и шорох платья,
И боль от отчаянно-дорогого,
Когда мне протягивали объятья,
Еще не остывшие от другого...

И пусть я в решеньях не слишком скор,
И все ж я восстал против зла двуличья!
А тут до мучений, до неприличья
В чужом очаге полыхал костер...

– О, да, он любил, – она говорила, –
Но я не из ласковых, видно, женщин.
Я тоже, наверно, его любила,
Но меньше, признаться, гораздо меньше.

Да, меньше. Но вечно держала рядом,
Держала и цель-то почти не пряча.
Держала объятьями, пылким взглядом,
И голосом райским, и черным адом

Сомнений и мук. Ну а как иначе?!

С надменной улыбкою вскинув бровь,
Даря восхищения и кошмары,
Брала она с твердостью вновь и вновь
И славу его, и его любовь,
Доходы с поместья и гонорары.

Взлетают и падают мрак и свет,
Все кружится: окна, шкафы, столы.
Он бредит... Он бредит... А может быть, нет?
«Снимите, снимите с меня кандалы...»

А женщина горбится, словно птица,
И смотрит в окошко на тусклый свет.
И кто может истинно поручиться,
Вот жаль ей сейчас его или нет?..

А он и не рвется, видать, смирился,
Ни к спасским лесам, ни к полям Москвы.
Да, с хищной любовью он в книгах бился,
А в собственной жизни... увы, увы...

Ведь эти вот жгучие угольки –
Уедешь – прикажут назад вернуться.
И ласково-цепкие коготки,
Взяв сердце, вовеки не разомкнутся.

Он мучится, стонет... То явь, то бред...
Все ближе последнее одиночество...
А ей еще жить чуть не тридцать лет,
С ней родина, преданный муж. Весь свет
И пестрое шумно-живое общество.

Что меркнет и гаснет: закат? Судьба?
Какие-то тени ползут в углы...
А в голосе просьба, почти мольба:
– Мне тяжело... Снимите с меня кандалы...

Но в сердце у женщины немота,
Не в этой душе просияет пламя.
А снимет их, может быть, только ТА,
В чьем взгляде и холод, и пустота,
Что молча стоит сейчас за дверями.

И вот уж колеса стучат, стучат,
Что кончен полон. И теперь впервые
(Уж нету нужды в нем. Нужны живые!)
Он едет навечно назад... назад...
Он был и остался твоим стократ,
Прими же в объятья его, Россия!

13 октября 1996 г. Красновидово-Москва

РЕЛИКВИИ СТРАНЫ

Скажи мне: что с тобой, моя страна?
К какой сползать нам новой преисподней,
Когда на рынках продают сегодня
Знамена, и кресты, и ордена?!

Неважно, как реликвию зовут:
Георгиевский крест иль орден Ленина,
Они высокой славою овеяны,
За ними кровь, бесстрашие и труд!

Ответьте мне: в какой еще стране
Вы слышали иль где-нибудь встречали,
Чтоб доблесть и отвагу на войне
На джинсы с водкой запросто меняли!

В каком, скажите, царстве-государстве
Посмели бы об армии сказать
Не как о самом доблестном богатстве,
А как о зле иль нравственном распадстве,
Кого не жаль хоть в пекло посылать?!

Не наши ли великие знамена,
Что вскинуты в дыму пороховом
Рукой Петра, рукой Багратиона
И Жукова! – без чести и закона
Мы на базарах нынче продаем!

Пусть эти стяги разными бывали:
Андреевский, трехцветный или красный,
Не в этом суть, а в том, над чем сияли,
Какие чувства люди в них влагали
И что жило в них пламенно и властно!

Так повелось, что в битве, в окруженье,
Когда живому не уйти без боя,

Последний вомн защищал в сраженье
Не жизнь свою, а знамя полковое.

Так как же мы доньне допускали,
Чтоб сопляки ту дедовскую славу,
Честь Родины, без совести и права,
Глумясь, на рынках запросто спускали!

Любой народ на свете бережет
Реликвии свои, свои святыни.
Так почему же только наш народ
Толкают нынче к нравственной трясине?!

Ну как же докричаться? Как сказать,
Что от обиды и знамена плачут!
И продавать их – значит предавать
Страну свою и собственную мать
Да и себя, конечно же, в придачу!

Вставайте ж, люди, подлость обуздать!
Не ждате же вправду гибели и трызны,
Не позволяйте дряни торговать
Ни славою, ни совестью Отчизны!

1992 г.

ПЕРЕКРОЙКА

Сдвинув вместе для удобства парты,
Две «учебно-творческие музы»
Разложили красочную карту
Бывшего Советского Союза.

Молодость к новаторству стремится,
И, рождая новые привычки,
Полная идей географичка
Режет карту с бойкой ученицей.

Все летит со скоростью предельной,
Жить, как встарь, – сегодня не резон!
Каждую республику отдельно
С шуточками клеят на картон.

Гордую, великую державу,
Что крепчала сотни лет подряд,
Беспощадно ножницы кроят,
И – прощай величие и слава!

От былых дискуссий и мытарств
Не осталось даже и подобья:
Будет в школе новое пособие –
«Карты иностранных государств».

И, свершая жутковатый «труд»,
Со времен Хмельницкого впервые
Ножницы напористо стригут
И бегут, безжалостно бегут
Между Украиной и Россией.

Из-за тучи вырвался закат,
Стала ярко-розовою стенка.
А со стенки классики глядят:
Гоголь, Пушкин. Чехов и Шевченко.

Луч исчез и появился вновь.
Стал багрянцем наливаясь свет.
Показалось вдруг, что это кровь
Капнула из карты на паркет...

Где-то глухо громыхают грозы,
Ветер зябко шелестит в ветвях,
И блестят у классиков в глазах
Тихо наворачнувшиеся слезы...

17 февраля 1992 г. Москва

ОДНО ПИСЬМО

Как мало все же человеку надо!
Одно письмо. Всего-то лишь одно.
И нет уже дождя над мокрым садом,
И за окошком больше не темно...

Зажглись рябин веселые костры,
И все вокруг вишнево-золотое...
И больше нет ни нервов, ни хандры,
А есть лишь сердце радостно-хмельное!

И я теперь богаче, чем банкир.
Мне подарили птиц, рассвет и реку, Тайгу и звезды, море и
Памир.
Твое письмо, в котором целый мир.
Как много все же надо человеку!

1965 г.

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Что же такое счастье?
Одни говорят: «Это страсти:
Карты, вино, увлеченья –
Все острые ощущения».

Другие верят, что счастье –
В окладе большом и власти,
В глазах секретарш плененных
И трепете подчиненных.

Третьи считают, что счастье –
Это большое участие:
Забота, тепло, внимание
И общность переживания.

По мнению четвертых, это –
С милой сидеть до рассвета,
Однажды в любви признаться
И больше не расставаться.

Еще есть такое мнение,
Что счастье – это горение:
Поиск, мечта, работа
И дерзкие крылья взлета.

А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста:
От кочки и до Казбека, –
В зависимости от человека!

1966 г.

ГРЯДУЩИЙ ДЕНЬ

Скажите, неужто рехнулся свет?
Ведь круглые сутки зимой и летом
От телеистерик спасенья нет,
И, бурно кидаясь то в явь, то в бред,
Плюют политикою газеты!

Законность? Порядок? – Ищи-свищи!
Вперед, кто плечисты и кто речисты!
И рвутся к кормушкам политхлыщи
И всякого рода авантюристы!

Сначала поверили: пробил час!
Да здравствует гласность и демократия!
А после увидели: глас-то глас,
Да что-то уж слишком крепки объятия...

Был ветер, что гнул по своим канонам,
Сегодня ты ветром иным гоним.
Вчера поклонялись одним иконам,
Теперь хоть умри, но молись другим.

И часто все крики о демократии
Толкают нас в хаос, как в темный лес.
Да, партий полно, только сколько партий
Куда посуровей КПСС!

И как демократию понимать?
Тебе объяснят горячо и дружно:
Что правых бранить – хорошо и нужно.
А левых – ни-ни! И не смей мечтать!

Ругали безжалостно партократию
За должности, дачи и спецпайки,
Но перед алчностью «демократии»
Партийные боссы почти щенки!

И все же я верю: часы пробьют!
А с кем я? Отвечу без слов лукавых,
Что я ни за левых и ни за правых,
А с теми, кто все же еще придут!

Придут и задушат пожар инфляций,
И цены все двинут наоборот,
И, больше не дав уже издеваться,
Поднимут с колен свой родной народ!

Не зря же о правде в сиянье света
Мечтали поэты во все века,
И раз этой верой земля согрета,
То тут хоть убей, но свершится это,
И день тот наступит наверняка!

1991 г.

МИКРОКЛИМАТ

День и ночь за окном обложные дожди,
Все промокло насквозь: и леса, и птицы.
В эту пору, конечно, ни почты не жди,
Да и вряд ли какой-нибудь гость постучится.

Реки хмуро бурлят, пузырятся пруды.
Все дождем заштриховано, скрыто и смыто.
На кого и за что так природа сердита
И откуда берет она столько воды?!

Небо, замысла скверного не тая,
Все залить вознамерилось в пух и прах.
Даже странно представить, что есть края,
Где почти и не ведают о дождях.

Где сторают в горячих песках следы
И ни пятнышка туч в небесах седых,
Где родник или просто стакан воды
Часто ценят превыше всех благ земных.

Дождь тоской заливает луга и выси,
Лужи, холод да злющие комары.
Но душа моя с юности не зависит
Ни от хмурых дождей, ни от злой жары.

И какой ни придумает финт природа,
Не навевает ни холод она, ни сплин.
Ведь зависит внутри у меня погода
От иных, совершенно иных причин.

Вот он – мудрый и очень простой секрет:
Если что-то хорошее вдруг свершилось,
Как погода бы яростно ни бесилась,
В моем сердце хохочет весенний свет!

Но хоть трижды будь ласковою природа,
Только если тоска тебя вдруг грызет,
То в душе совершенно не та погода,
В ней тогда и бураны, и снег, и лед.

Дождь гвоздит по земле, и промозглый ветер
Плющит капли о стекла и рвет кусты.
Он не знает, чудак, о прекрасном лете,
О моем, о веселом и добром лете,
Где живет красота, и любовь, и ты...

1990 г.

«ВЕСЕЛЬЕ РУСИ»

Веселье Руси – есть пити.

Владимир Мономах

Кто твердит, что веселье России есть пити? Не лгите!
У истории нашей, у всей нашей жизни спроси,
Обращаюсь ко всем: укажите перстом, докажите,
Кто был счастлив от пьянства у нас на Великой Руси?!

Говорил стольный князь те слова или нет – неизвестно.
Если ж он даже где-то за бражным столом пошутил,
То не будем смешными, а скажем и гордо, и честно,
Что не глупым же хмелем он русские земли сплотил.

А о том, что без пьянства у нас на Руси невозможно,
Что за рюмку любой даже душу согласен отдать,
Эта ложь так подла, до того непотребно-ничтожна,
Что за это, ей-богу, не жаль и плетьюми отрезвлять!

Что ж, не будем скрывать, что на праздник и вправду варили
Брагу, пиво и мед, что текли по густой бороде.
Но сердца хлеборобов не чарой бездумною жили,
А пьянели от счастья лишь в жарком до хмеля труде.

На земле могут быть и плохими, и светлыми годы,
Человек может быть и прекрасный, и мелочно-злой,
Только нет на планете ни мудрых, ни глупых народов,
Как и пьяниц-народов не видел никто под луной.

Да, меды на Руси испокон для веселья варили.
Что ж до водки – ее и в глаза не видали вовек.
Водку пить нас, увы, хорошо чужеземцы учили –
Зло творить человека научит всегда человек!

Нет, в себя же плевать нам, ей-богу, никак не годится.

И зачем нам лукавить и прятать куда-то концы.
Если водку везли нам за лес, за меха и пшеницу
Из земель итальянских ганзейские хвататы-купцы.

А о пьянстве российском по всем заграницам орали
Сотни лет наши недруги, подлою брызжа слюной,
Оттого, что мы это им тысячу раз ПОЗВОЛЯЛИ
И в угоду им сами глумились подчас над собой.

А они еще крепче на шее у родины висли
И, хитря, подымали отчаянный хохот и лай,
Дескать, русский – дурак, дескать, нет в нем ни чувства, ни
мысли,
И по сути своей он пьянчуга и вечный лентяй.

И, кидая хулу и надменные взгляды косые,
А в поклепы влагая едва ли не душу свою,
Не признались нигде, что великих сынов у России,
Может, всемеро больше, чем в их заграничном раю.

Впрочем, что там чужие! Свои же в усердии зверском
(А всех злее, как правило, ранит ведь свой человек)
Обвинили народ свой едва ль не в запойстве вселенском
И издали указ, о каком не слыхали вовек!

И летели приказы, как мрачно-суровые всадники,
Видно, грозная сила была тем приказам дана,
И рубили, рубили повсюду в стране виноградники,
И губились безжалостно лучшие марки вина...

Что ответишь и скажешь всем этим премудрым законщикам,
Что, шагая назад, уверяли, что мчатся вперед,
И которым практически было плевать на народ
И на то, что миллионы в карманы летят к самогонщикам.

Но народ в лицемерье всегда разбирается тонко.
Он не слушал запретов и быть в дураках не желал.
Он острил и бранился, он с вызовом пил самогонку
И в хвостах бесконечных когда-то за водкой стоял.

Унижали народ. До чего же его унижали!
То лишали всех прав в деспотично-свинцовые дни,
То о серости пьяной на всех перекрестках кричали,
То лишали товаров, то слова и хлеба лишали,
То считали едва ли не быдлу тупому сродни.

А народ все живет, продолжая шутить и трудиться,
Он устало чихает от споров идей и систем,
Иногда он молчит, иногда обозленно бранится
И на митинги ходит порой неизвестно зачем.

Но когда-то он все же расправит усталые плечи
И сурово посмотрит на все, что творится кругом.
И на все униженья и лживо-крикливые речи
Грохнет по столу грозно тяжелым своим кулаком.

И рассыплется вдребезги злобные, мелкие страсти,
Улыбнется народ: «Мы вовеки бессмертны, страна!»
И без ханжества в праздник действительной правды и счастья
Выпьет полную чашу горящего солнцем вина!

1990 г.

ПАДАЕТ СНЕГ

Падает снег, падает снег –
Тысячи белых ежат...
А по дороге идет человек,
И губы его дрожат.

Мороз под шагами хрустит, как соль,
Лицо человека – обида и боль,
В зрачках два черных тревожных флажка
Выбросила тоска.

Измена? Мечты ли разбитой звон?
Друг ли с подлой душой?
Знает об этом только он
Да кто-то еще другой.

Случись катастрофа, пожар, беда –
Звонки тишину встревожат.
У нас милиция есть всегда
И «Скорая помощь» тоже.

А если просто: падает снег
И тормоза не визжат,
А если просто идет человек
И губы его дрожат?

А если в глазах у него тоска –
Два горьких черных флажка?
Какие звонки и сигналы есть,
Чтоб подали людям весть?!

И разве тут может в расчет идти
Какой-то там этикет,
Удобно иль нет к нему подойти,
Знаком ты с ним или нет?

Падает снег, падает снег,
По стеклам шуршит узорным.
А сквозь метель идет человек,
И снег ему кажется черным...

И если встретишь его в пути,
Пусть вздрогнет в душе звонок,
Рванись к нему сквозь людской поток.
Останови! Подойди!

1964 г.

ЛЮБОВЬ И ТРУСОСТЬ

Почему так нередко любовь непрочна?
Несхожесть характеров? Чья-то узость?
Причин всех нельзя перечислить точно,
Но главное все же, пожалуй, трусость.

Да, да, не раздор, не отсутствие страсти,
А именно трусость – первопричина.
Она-то и есть та самая мина,
Что чаще всего подрывает счастье.

Неправда, что будто мы сами порою
Не ведаем качеств своей души.
Зачем нам лукавить перед собою,
В основе мы знаем и то и другое,
Когда мы плохи и когда хороши.

Пока человек потрясений не знает,
Не важно – хороший или плохой,
Он в жизни обычно себе разрешает
Быть тем, кто и есть он. Самим собой.

Но час наступил – человек влюбляется
Нет, нет, на отказ не пойдет он никак.
Он счастлив. Он страстно хочет понравиться.
Вот тут-то, заметьте, и появляется
Трусость – двуличный и тихий враг.

Волнуясь, боясь за исход любви
И словно стараясь принарядиться,
Он спрятать свои недостатки стремится,
Она – стусевать недостатки свои.

Чтоб, нравясь быть самыми лучшими, первыми,
Чтоб как-то «подкрасить» характер свой,
Скупые на время становятся щедрыми,

Неверные – сразу ужасно верными.
А лгуны за правду стоят горой.

Стремясь, чтобы ярче зажглась звезда,
Влюбленные словно на цыпочки встали
И вроде красивей и лучше стали.
«Ты любишь?» – «Конечно!»
«А ты меня?» – «Да!»

И все. Теперь они муж и жена.
А дальше все так, как случиться и должно:
Ну сколько на цыпочках выдержать можно?!
Вот тут и ломается тишина...

Теперь, когда стали семейными дни,
Нет смысла играть в какие-то прятки.
И лезут, как черти, на свет недостатки,
Ну где только, право, и были они?

Эх, если б любить, ничего не скрывая,
Всю жизнь оставаясь самим собой,
Тогда б не пришлось говорить с тоской:
«А я и не думал, что ты такая!»
«А я и не знала, что ты такой!»

И может, чтоб счастье пришло сполна,
Не надо душу двоить свою.
Ведь храбрость, пожалуй, в любви нужна
Не меньше, чем в космосе или в бою!

1967 г.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Ревет в турбинах мощь былинных рек,
Ракеты, кванты, электромышление...
Вокруг меня гудит двадцатый век,
В груди моей стучит его биенье.

И если я понадоблюсь потом
Кому-то вдруг на миг или навеки,
Меня ищите не в каком ином,
А пусть в нелегком, пусть в пороховом,
Но именно в моем двадцатом веке.

Ведь он, мой век, и радио открыл,
И в космос взмыл быстрее ураганов,
Кино придумал, атом расщепил
И засветил глаза телеэкранов.

Он видел и свободу и лишенья,
Свалил фашизм в пожаре грозовом,
И верю я, что все-таки о нем
Потомки наши вспомнят с уваженьем.

За этот век, за то, чтоб день его
Все ярче и добрее разгорался,
Я не жалел на свете ничего
И даже перед смертью не сгибался!

И, горячо шагая по планете,
Я полон дружбы к веку моему.
Ведь как-никак назначено ему,
Вот именно, и больше никому,
Второе завершить тысячелетье.

Имеет в жизни каждый человек
И адрес свой, и временные даты.
Даны судьбой и мне координаты:

«СССР. Москва. Двадцатый век».

И мне иного адреса не надо.
Не знаю, как и много ль я свершил?
Но ели я хоть что-то заслужил,
То вот чего б я пожелал в награду:

Я честно жил всегда на белом свете,
Так разреши, судьба, мне дошагать
До новогодней смены двух столетий,
Да что столетий – двух тысячелетий,
И тот рассвет торжественный обнять!

Я представляю, как все это будет:
Салют в пять солнц, как огненный венец.
Пять миллионов грохнувших орудий
И пять миллиардов вспыхнувших сердец!

Судьба моя, пускай дороги круты,
Не обрывай досрочно этот путь.
Позволь мне ветра звездного глотнуть
И чрез границу руку протянуть
Из века в век хотя бы на минуту!

И в тишине услышать самому
Грядущей эры поступь на рассвете,
И стиснуть руку дружески ему –
Веселому потомку моему,
Что будет жить в ином тысячелетье.

А если все же мне не суждено
Шагнуть на эту сказочную кромку,
Ну что ж, я песней постучусь в окно.
Пусть эти строки будут все равно
Моим рукопожатием потомку!

1976 г.

ТРУСИХА

Шар луны под звездным абажуром
Озарял уснувший городок.
Шли, смеясь, по набережной хмурой
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

Видно, распаясь от разговора,
Парень между прочим рассказал,
Как однажды в бурю ради спора
Он морской залив переплывал,

Как боролся с дьявольским течением,
Как швыряла молнии гроза.
И она смотрела с восхищением
В смелые горячие глаза...

А потом, вздохнув, сказала тихо:
– Я бы там от страха умерла.
Знаешь, я ужасная трусиха,
Ни за что б в грозу не поплыла!

Парень улыбнулся снисходительно,
Притянул девчонку не спеша
И сказал: – Ты просто восхитительна,
Ах ты, воробьиная душа!

Подбородок пальцем ей приподнял
И поцеловал. Качался мост,
Ветер пел... И для нее сегодня
Мир был сплошь из музыки и звезд!

Так в ночи по набережной хмурой
Шли вдвоем сквозь спящий городок
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

А когда, пройдя полоску света,
В тень акаций дремлющих вошли,
Два плечистых темных силуэта
Выросли вдруг как из-под земли.

Первый хрипло буркнул: – Стоп, цыпленки!
Путь закрыт, и никаких гвоздей!
Кольца, серьги, часики, деньжонки –
Все, что есть, на бочку, и живей!

А второй, пуская дым в усы,
Наблюдал, как, от волнения бурый,
Парень со спортивной фигурой
Стал, спеша, отстегивать часы.

И, довольный, видимо, успехом,
Рыжеусый хмыкнул: – Эй, коза!
Что надулась?! – И берет со смехом
Натянул девчонке на глаза.

Дальше было все как взрыв гранаты:
Девушка беретик сорвала
И словами: – Мразь! Фашист проклятый!-
Как огнем, детину обожгла.

– Наглостью пугаешь? Врешь, подонок!
Ты же враг! Ты жизнь людскую пьешь!-
Голос рвется, яростен и звонок:
– Нож в кармане? Мне плевать на нож!

За убийство «стенка» ожидает.
Ну а коль от раны упаду,
То запомни: выживу, узнаю!
Где б ты ни был – все равно найду!

И глаза в глаза взглянула твердо.
Тот смешался: – Ладно... Тише, гром...-
А второй проямлил: – Ну их к черту! –

И фигуры скрылись за углом.

Лунный диск, на млечную дорогу
Выбравшись, шагал наискосок
И смотрел задумчиво и строго
Сверху вниз на спящий городок,

Где без слов по набережной хмурой
Шли, чуть слышно гравием шурша,
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – «слабая натура»,
«Трус» и «воробьиная душа».

1963 г.

РАЗНЫЕ НАТУРЫ

Да, легко живет, наверно, тот,
Кто всерьез не любит никого.
Тот, кто никому не отдает
Ни души, ни сердца своего.

У него – ни дружбы, ни любви,
Ибо втайне безразличны все.
Мчит он, как по гладкому шоссе,
С равнодушным холодком в крови.

И, ничьей бедой не зажжено,
Сердце ровно и спокойно бьется,
А вот мне так в мире не живется,
Мне, видать, такого не дано.

Вот расстанусь с другом и тоскую,
Сам пишу и жду, чтоб вспомнил он.
Встречу подлость – бурно протестую,
Ну, буквально лезу на рожон!

Мне плевать на злобную спесивость,
Пусть хоть завтра вздернут на суку!
Не могу терпеть несправедливость
И смотреть на подлость не могу!

Видимо, и в прошлом, и теперь
Дал мне бог привязчивое сердце,
И для дружбы я не то что дверцу,
А всю распахиваю дверь!

Впрочем, дружба – ладно. Чаше проще:
Где-нибудь на отдыхе порой
Свел знакомство на прогулке в роще
С доброю компанией живой.

Встретились и раз, и пять, и восемь,
Подружились, мыслями зажглись,
Но уже трубит разлуку осень,
Что поделать? Жизнь – ведь это жизнь!

Люди разлетелись. И друг друга,
Может, и не будут вспоминать.
Только мне разлука – злая выюга,
Не терплю ни рвать, ни забывать.

А порой, глядишь, и так случится:
В поезде соседи по вагону
Едут. И куда поезд мчится,
Все в купе успели подружиться
По дорожно-доброму закону.

А закон тот вечно обостряет
Чувства теплоты и доброты.
И уже знаком со всеми ты,
И тебя все превосходно знают.

Поверяют искренно и тихо
Ворох тайн соседям, как друзьям.
И за чаем или кружкой пива
Чуть не душу делят пополам.

И по тем же взбалмошным законам
(Так порой устроен человек) –
Не успели выйти из вагона,
Как друг друга в городских трезвонах
Позабыли чуть ли не на век!

Вот и мне бы жить позабывая,
Сколько раз ведь получал урок!
Я ж, как прежде, к людям прикипаю
И сижу, и глупо ожидаю
Кем-нибудь обещанный звонок.

А любви безжалостные муки?!

Ведь сказать по правде, сколько раз
Лгали мне слова и лгали руки.
Лгали взгляды преданнейших глаз!

Кажется, и понял, и измерил
Много душ и множество дорог,
Все равно: при лжи не лицемерил
И, подчас, по-идиотски верил
И привыкнуть к лжи никак не мог.

Не хвалю себя и не ругаю,
Только быть другим не научусь.
Все равно, встречаясь, – доверяю,
Все равно душою прикипаю
И ужасно трудно расстаюсь!..

Ну, а если б маг или святой
Вдруг сказал мне: – Хочешь превращу
В существо с удачливой душой,
Сытой и бесстрастно-ледяной? –
Я сказал бы тихо:
– Не хочу...

1993 г.

СКОЛЬКО ЛЕТ МЫ НЕ ВИДЕЛИСЬ С ВАМИ

Сколько лет мы не виделись с вами –
Даже страшно уже считать!
Как в упряжке с лихими конями,
Прогремели года бубенцами,
И попробуй теперь догнать!

Ах, как мчались они сквозь вьюги!
Как нам веру и память жгли!
Но забыть-то мы друг о друге,
Что б там ни было, не смогли!

Впрочем, если б и захотели,
Как там, может быть, ни смешно,
Все равно бы ведь не сумели,
Не сумели бы все равно!

Чувства – страшная это сила!
И каким бы ветрам ни выть,
Слишком много у нас их было,
Чтоб хоть что-нибудь изменить.

Жизнь не вечно горит жар-птицей.
И, признаться, что, хмуря бровь,
Нам случалось не раз сразиться,
Огорчаться и вновь мириться,
И восторгами вспыхнуть вновь.

Все же, как бы жизнь ни штормила,
Только искренность наших фраз,
Честность чувства и правды силу
Нам ни разу не нужно было
Проверять, ну хотя бы раз.

Никаких-то мы тайн не держали,
И, теплом согревая речь,

Друг о друге всегда мы знали
Каждый шаг или вздох. Едва ли
Не от детства до наших встреч.

У людей есть любые чудачества,
Качеств множество у людей.
Но правдивость – вот это качество
Было, кажется, всех важней!

Звезды с вьюгой, кружась, колышатся,
Бьет за стенкой двенадцать раз...
Как живется вам? Как вам дышится?
Что на сердце сейчас у вас?

То ли радостью новой мучитесь,
То ль мечтаете в тишине?
Ну, а что, если вдруг соскучитесь,
Вот припомните и соскучитесь
Не о ком-то, а обо мне?..

Может, скрыть эту муку, ставшую
Сладкой тайной? Да вот беда –
Все равно вы с душою вашею,
А тем паче с глазами вашими
Не слукавите никогда...

Ах, как трудно мы воздвигаем
Замки праздника своего!
И как просто вдруг разрушаем
И при этом не понимаем,
Что творим мы и для чего?!

Впрочем, как бы там жизнь ни была,
Только время не двинешь вспять.
И все то, что для нас светило
И действительным счастьем было,
Никому уже не отнять!

Были праздники. Были грозы.

Шутки. Дятел в лесной тиши,
И упреки, и ваши слезы,
И ошибки моей души...

Искры счастья не брызжут долго.
Рвали сердце мне в злой борьбе.
Я считал, что я – рыцарь долга
И в другой прозвенел судьбе...

Но расплата придет, конечно,
Если мозг твой – тупей стены.
Был я предан бесчеловечно,
Так что помните, знайте вечно:
Вы стократно отомщены!

А за горечь иль даже муки,
Что принес я вам, может быть,
Сквозь года и дымы разлуки
Я вам тихо целую руки
И почти что молю простить!

И когда б синекрылый ветер
Мой привет вдруг до вас донес,
То в прозрачной его карете
Я послал бы вам строки эти
Вместе с ворохом свежих роз!

В мире светлое есть и скверное.
Только знаю я сквозь года:
Наших встреч красота безмерная
Многим людям уже, наверное,
И не выпадет никогда!

25 января 1997 г.

ДРЕВНЕЕ СВИДАНИЕ

В далекую эру родной земли,
Когда наши древние прародители
Ходили в нарядах пещерных жителей,
То дальше инстинктов они не шли,

А мир красотой полыхал такою,
Что было немислимо совместить
Дикое варварство с красотой,
Кто-то должен был победить.

И вот, когда буйствовала весна
И в небо взвивалась заря крылатая,
К берегу тихо пришла она –
Статная, смуглая и косматая.

И так клокотала земля вокруг
В щебете, в радостной невесомости,
Что дева склонилась к воде и вдруг
Смутилась собственной обнаженности.

Шкуру медвежью с плеча сняла,
Кроила, мучилась, примеряла,
Тут припустила, там забрала,
Надела, взглянула и замерла:
Ну, словно бы сразу другою стала!

Волосы взбила густой волной,
На шею повесила, как игрушку,
Большую радужную ракушку
И чисто умылась в воде речной.

И тут, волосат и могуч, как лев,
Парень шагнул из глуши зеленой,
Увидел подругу и, онемев,
Даже зажмурился, потрясенный.

Она же, взглянув на него несмело,
Не рывкнула весело в тишине
И даже не треснула по спине,
А, нежно потупившись, покраснела...

Что-то неясное совершалось...
Он мозг неподатливый напрягал,
Затылок поскребывал и не знал,
Что это женственность зарождалась!

Но вот в ослепительном озаренье
Он быстро вскарабкался на курган,
Сорвал золотой, как рассвет, тюльпан
И положил на ее колени.

И, что-то теряя привычно-злое,
Не бросился к ней без тепла сердец,
Как сделали б дед его и отец,
А мягко погладил ее рукою.

Затем, что-то ласковое ворча,
Впервые не дик и совсем не груб,
Коснулся губами ее плеча
И в изумленье раскрытых губ...

Она поражено взволновалась,
Заплакала, радостно засмеялась,
Прижалась к нему и не знала, смеясь,
Что это на свете любовь родилась!

1974 г.

ИВАНАМ НЕ ПОМНЯЩИМ РОДСТВА

Не могу никак уместить в голове,
Понимаю и все-таки не понимаю:
Чтоб в стране моей, в нашей столице, в Москве
Издевались над праздником Первое мая!

Дозволяется праздновать все почем зря
Вплоть до сборищ нудистов и проституции,
Праздник батьки Махно, день рожденья царя,
Но ни слова о празднике Октября
И ни звука отныне о революции!

Если ж что-то и можно порой сказать,
То никак не иначе, чем злое-злое,
Оболванить без жалости все бывшее
И как можно глумливее оплевать.

И хотелось бы всем нашим крикунам,
Что державу напористо разрушали,
Лезли в драку, шумели, митинговали,
И сказать, и спросить: – Хорошо ли вам?

Но не тех, разумеется, нет, не тех,
Кто шаманил в парламентах год за годом.
Те давно нахватили за счет народа,
А всех тех, кто подталкивал их успех.

Пусть не все было правильно в революции,
Пусть, ломая, крушили порой не то,
И, случалось, победы бывали куцые,
Только кто здесь виновен? Ответьте: кто?

Ваши бабки двужилые? Ваши деды?
От земли, от корыта ли, от станков?
Что за светлую долю, за стяг победы
Не щадили в сраженьях своих голов?

Так ужель они впрямь ничего не стоили:
И Магниток с Запсибом не возвели,
Днепрогэсов с Турксибами не построили,
Не вздымали воздушные корабли?!

То, что рядом, что с нами и что над нами,
Все большое и малое в том пути,
Разве создано было не их руками?
Зажжено и согрето не их сердцами?
Так куда же от этого нам уйти?!

Пусть потом их и предали, и обмерили
Те, кто правили судьбами их в Кремле.
Но они-то ведь жили и свято верили
В справедливость и правду на всей земле!

И вернутся к вам гены их, не вернутся ли,
Не глумитесь, не трогайте их сердца!
Знайте: были солдаты у революции
И чисты, и бесхитростны до конца!

Так зачем опускаться нам и к чему
Ниже самого глупого разумения?
И отдать просто-напросто на съедение
Все родное буквально же хоть кому.

Тех, кто рвутся отчаянно за границу,
Пусть обидно, но можно еще понять:
Плюнуть здесь, чтобы там потом прислужиться.
Ну а вам-то зачем над собой глумиться
И свое же без жалости принижать?

Все святое топча и швыряя в прах,
Вы любою идейкой, как флагом, машете,
Что ж вы пляшете, дьяволы, на костях,
На отцовских костях ведь сегодня пляшете!

Впрочем, стоп! Ни к чему этот стон сейчас!

Только знайте, что все может повториться,
И над вами сыны где-то в трудный час
Тоже могут безжалостно поглумиться.

И от вас научившись хватать права,
Будут вас же о прошлое стучать лбами.
Ведь Иваны не помнящие родства
Никому ни на грош не нужны и сами!

И не надо, не рвитесь с судами скорыми,
ставя жертв и виновников в общий ряд.
Это ж проще всего – все громить подряд,
Объявив себя мудрыми прокурорами!

Спорьте честно во имя идей святых,
Но в истории бережно разберитесь
И трагической доле отцов своих
И суровой судьбе матерей своих
С превеликим почтением поклонитесь!

16-18 ноября 1991 г. Переделкино

ЧУДАЧКА

Одни называют ее «чудачкой»
И пальцем на лоб – за спиной, тайком.
Другие – «принцессою» и «гордячкой».
А третьи просто – «синим чулком».

Птицы и те попарно летают,
Душа стремится к душе живой.
Ребята подруг из кино провожают,
А эта одна убегает домой.

Зимы и весны цепочкой пестрой
Мчатся, бегут за звеном звено...
Подруги, порой невзрачные просто,
Смотришь, замуж вышли давно.

Вокруг твердят ей: – Пора решаться,
Мужчины не будут ведь ждать, учти!
Недолго и в девах вот так остаться!
Дело-то катится к тридцати...

Неужто не нравился даже никто? –
Посмотрит мечтательными глазами:
– Нравиться – нравились. Ну и что? –
И удивленно пожмет плечами.

Какой же любви она ждет, какой?
Ей хочется крикнуть: «Любви-звздопада!
Красивой-красивой! Большой-большой!
А если я в жизни не встречу такой,
Тогда мне совсем никакой не надо!»

КОГДА ПОРОЙ ВЛЮБЛЯЕТСЯ ПОЭТ...

Когда порой влюбляется поэт,
Он в рамки общих мерок не вмещается,
Не потому, что он избранник, нет,
А потому, что в золото и свет
Душа его тогда переплавляется.

Кто были те, кто волновал поэта?
Как пролетали ночи их и дни?
Не в этом суть, да и неважно это.
Все дело в том, что вызвали они!

Пускай горды, хитры или жеманны, –
Он не был зря, сладчайший этот плен.
Вот две души, две женщины, две Анны,
Две красоты – Оленина и Керн.

Одна строга и холодно-небрежна.
Отказ в руке. И судьбы разошлись.
Но он страдал, и строки родились:
«Я вас любил безмолвно, безнадежно».

Была другая легкой, как лоза,
И жажда, и хмельное утоление.
Он счастлив был. И вспыхнула гроза
Любви: «Я помню чудное мгновенье».

Две Анны. Два отбушевавших лета.
Что нам сейчас их святость иль грехи?!
И все-таки спасибо им за это
Святое вдохновение поэта,
За пламя, воплощенное в стихи!

На всей планете и во все века
Поэты тосковали и любили.
И сколько раз прекрасная рука

И ветер счастья даже вполглотка
Их к песенным вершинам возносили!

А если песни были не о них,
А о мечтах или родном приволье,
То все равно в них каждый звук и стих
Дышали этим счастьем или болью.

Ведь если вдруг бесстрастна голова,
Где взять поэту буревые силы?
И как найти звенящие слова,
Коль спит душа и сердце отлюбило?!

И к черту разговоры про грехи.
Тут речь о вспышках праздничного света.
Да здравствуют влюбленные поэты!
Да здравствуют прекрасные стихи!

1972 г.

ПЕСНЯ-ТОСТ

Парень живет на шестом этаже.
Парень с работы вернулся уже,
Курит и книгу листает.
А на четвертом – девчонка живет,
Моет окошко и песни поет,
Все понежней выбирает.

Но парень один – это парень, и все.
Девчонка одна – девчонка, и все.
Обычные, неокрыленные.
А стоит им встретиться – счастье в глазах,
А вместе они – это радость и страх,
А вместе они – влюбленные!

«Влюбленный» не слово – фанфарный сигнал,
Весеннего счастья воззвание!
Поднимем же в праздник свой первый бокал
За это красивое звание!

Месяцы пестрой цепочкой бегут,
Птицы поют, и метели метут,
А встречи все так же сердечны.
Но, как ни высок душевный накал,
Какие слова бы он ей ни шептал,
Влюбленный – ведь это не вечно!

Влюбленный – это влюбленный, и все.
Подруга его – подруга, и все.
Немало влюбленных в округе.
Когда же влюбленные рядом всегда,
Когда пополам и успех, и беда,
То это уже супруги!

«Супруги» – тут все: и влюбленности пыл,
И зрелость, и радость познания.

Мой тост – за супругов! За тех, кто вступил
Навек в это славное звание!

Время идет. И супруги, любя,
Тихо живут в основном для себя.
Но вроде не те уже взоры.
Ведь жить для себя – это годы терять,
Жить для себя – пустоцветами стать,
Все чаще вступая в раздоры.

Муж – это муж, и не больше того.
Жена есть жена, и не больше того.
Не больше того и не краше.
Но вдруг с появлением смешного птенца
Они превращаются в мать и отца,
В добрых родителей наших!

И тост наш – за свет и тепло их сердец,
С улыбкой и словом признанья.
За звание «мать»! И за званье «отец»!
Два самые высшие звания!

1960 г.

ЛЮБИМ МЫ ДРУГ ДРУГА ИЛИ НЕТ?

Любим мы друг друга или нет?
Кажется: какие тут сомненья?
Только вот зачем, ища решенья,
Нам нырять то в полночь, то в рассвет?

Знать бы нам важнейший постулат:
Чувства, хоть плохие, хоть блестящие,
Теплые иль яростно горящие,
Все равно: их строят и творят.

Чувства можно звездно окрылить,
Если их хранить, а не тиранить.
И, напротив: горько загубить,
Если всеми способами ранить.

Можно находить и открывать
Все, буквально все, что нас сближает.
И, напротив: коль не доверять,
Можно, как болячки ковырять,
Именно все то, что разделяет.

То у нас улыбки, то терзания,
То упреков леденящий душ,
То слиянье губ, и рук, и душ,
То вражда почти до обожания.

То блаженство опьяняет нас,
То сердца мы беспощадно гложем,
Осыпая ревностями фраз,
Но причем ни на день, ни на час
Разлучиться все-таки не можем.

Кто ж поможет разгадать секрет:
Любим мы друг друга или нет?

5 июня 1998 г. Москва

НЕ ПРИВЫКАЙТЕ НИКОГДА К ЛЮБВИ

Не привыкайте никогда к любви!
Не соглашайтесь, как бы ни устали,
Чтоб замолчали ваши соловьи
И чтоб цветы прекрасные увяли.

И, главное, не верьте никогда,
Что будто все приходит и уходит.
Да, звезды меркнут, но одна звезда
По имени Любовь всегда-всегда
Обязана гореть на небосводе!

Не привыкайте никогда к любви,
Разменивая счастье на привычки,
Словно костер на крохотные спички,
Не мелочись, а яростно живи!

Не привыкайте никогда к губам,
Что будто бы вам издавна знакомы,
Как не привыкнешь к солнцу и ветрам
Иль ливню средь грохочущего грома!

Да, в мелких чувствах можно вновь и вновь
Встречать, терять и снова возвращаться,
Но если вдруг вам выпала любовь,
Привыкнуть к ней – как обесцветить кровь
Иль до копейки разом проиграть!

Не привыкайте к счастью никогда!
Напротив, светлым озарясь гореньем,
Смотрите на любовь свою всегда
С живым и постоянным удивленьем.

Алмаз не подчиняется годам
И никогда не обратится в малость.
Дивитесь же всегда тому, что вам

Заслуженно иль нет – судить не нам,
Но счастье в мире все-таки досталось!

И, чтоб любви не таяла звезда,
Исполнитесь возвышенным искусством:
Не позволяйте выдыхаться чувствам,
Не привыкайте к счастью никогда.

1994 г.

ОНА УСНУЛА НА ПЛЕЧЕ МОЕМ

Она уснула на плече моем
И, чуть вздыхая, как ребенок, дышит,
И, вешним заколдованная сном,
Ни чувств, ни слов моих уже не слышит...

И среди этой лунной тишины,
Где свет и мрак друг в друге растворяются,
Какие снятся ей сегодня сны?
Чему она так славно улыбается?

А кто сейчас приходит к ней во сне?
Я знаю. Ибо я умен и зорок!
Улыбки эти безусловно – мне,
Ведь я любим и непременно дорог!

Сквозь молодость и зрелость столько лет
Идем мы рядом, устали не зная,
Встречая бури радостей и бед
И в трудный час друг друга выручая.

Но мудрая и добрая луна
Вдруг рассмеялась: «Чур, не обижаться!
Ты прав, конечно, но она – жена,
Пусть милая, а все-таки жена,
А им мужья, как правило не снятся!

На свете часто все наоборот:
Ты – муж прекрасный! Глупо сомневаться!
Но вот скажи мне: ты запретный плод?
Нет, я серьезно: ты запретный плод?
Ах, нет? Тогда не стоит волноваться!

Муж существует в доме для того,
Чтобы нести обязанность любую.
Он нужен для того и для сего,

Короче, абсолютно для всего,
Но толк не для ласк и поцелуя...

А если сам захочешь навещать
Вдруг чьи-то сны под звездным небосводом,
То должен тоже непременно стать,
Хоть в прошлом, хоть теперь, но только стать
Вот этим самым «запрещенным плодом».

Она уснула на плече моем,
Неслышно ночь под потолком сгущается...
Любимая моя, согрета сном,
Совсем по-детски тихо улыбается...

Лезть к ближним в мысли люди не должны,
И споры ничего не достигают.
Ну что ж, пускай средь вешней тишины
Ей сладко снятся лишь такие сны,
Что дорогое что-то воскрешают...

И если мне никак не суждено
Быть тем, кто снится в дымке восхищений
Иль в тайне острых головокружений,
Я снов чужих не трону все равно!

И я ревнивых игл не утрашусь,
Ведь может статься, озарен судьбою,
Я все равно когда-нибудь явлюсь,
Вот именно, возьму да и приснюсь
Душе, готовой восхищаться мною...

Пусть сны любимой остро-хороши,
Однако может все-таки случиться,
Что ведь и я не олух из глуши
И в песне чьей-то трепетной души
Могу и я торжественно явиться!

ГИБНУЩАЯ ДЕРЕВНЯ

Умирают деревни, умирают деревни!
Исчезают навеки, хоть верь, хоть не верь.
Где отыщется слово суровой и гневней,
Чтобы выразить боль этих жутких потерь?!

Без печали и слез, будто так полагается,
Составляется акт, что с таких-то вот пор
Деревенька та «с данных учетных снимается»
И ее больше нет. Вот и весь разговор.

А ведь как здесь когда-то кипела жизнь!
С гулом техники, свадьбами и крестинами.
Воевали с врагами и вновь брались
И трудиться, и свадьбы справлять с любимыми.

И бурлила бы с шуткой и смехом жизнь,
И пошла бы считать она вверх ступени,
Если б в душу ей яростно не впились
Все, кто жаждал свалить ее на колени!

Почему покидают тебя сыновья?
Отчего твои дочери уезжают?
Потому что нищают твои края!
И тебя в беззакониях попирают!

Сколько сел на Руси, что от благ далеки,
Нынче брошены подло на прозябанье?!
Где живут, вымирая, одни старики,
И стираются с карты бывшие названья.

Сколько мест, где село уж давно не село,
Где потухшую жизнь только пыль покрывает,
Где репьем как быльем все до крыш поросло,
И в глазницах окон только ветры гуляют...

Впрочем, есть и деревни, где жизнь и труд,
И в сердцах еще где-то надежда бьется.
Только сел, где не сеют уж и не жнут,
Не поют, не мечтают и не живут,
С каждым годом все больше под нашим солнцем...

Так на чем же, скажите, живет Россия?
И какой поразил нас суровый гром?!
Что ж мы делаем, граждане дорогие?
И к чему же в конце-то концов придем?!

Пусть не знаю я тонкостей сельской жизни,
Пусть меня городская судьба вела,
Только всех нас деревня произвела,
Из которой все корни моей Отчизны!

Это значит... а что это вправду значит?
Значит, как там ни мучайся, ни крути,
Но для нас нет важней на земле задачи,
Чем деревню вернуть, возродить, спасти!

А покуда в нелегкие наши дни
За деревней – деревня: одна, другая,
Обнищав, словно гасят и гасят огни,
И пустеют, безропотно исчезая...

22 мая 1998 г. Москва

«ПЕРЕОЦЕНКА»

Разрушили великую страну,
Ударив в спину и пронзая сердце.
И коль спросить и пристальней взглядеться,
На чьи же плечи возложить вину?

А, впрочем, это долгий разговор.
Вопрос другой, не менее суровый:
Куда мы нынче устремляем взор
И что хотим от этой жизни «новой»?

Твердят нам: «Если прежней нет страны,
То нет былых ни сложностей, ни бренокостей.
Сейчас иные мерки нам нужны.
У нас теперь переоценка ценностей!»

Переоценка, говорите вы?
А кто для нас настроил эти стенки?
Ведь от любых границ и до Москвы.
Уж если брать не с глупой головы,
Какие тут еще «переоценки»?!

Как в прошлом каждый в государстве жил?
Не все блестяще было, что ж, не скрою.
Диктат над нами безусловно был,
И «черный воронок» мелькал порою...

Да, было управление силовое.
Теперь все это вовсе не секрет.
Но было же, но было и другое,
Чего сегодня и в помине нет!

Пусть цифры строги и немного сухи,
Но лезли круто диаграммы вверх.
То строилась страна после разрухи!
И за успехом вспыхивал успех!

Росла в плечах плотина Днепростроя,
Звенели сводки, как победный марш,
Кружились в песнях имена героев,
Турксиб летел в сиянии и зное,
Рос Комсомольск, Магнитка, Уралмаш!

Но вновь нам горло стиснула война.
Опять разруха и опять работа!
Но снова вспыхнул свет за поворотом:
И вновь, как в сказке, выросла страна!

Ну а теперь какими же мы стали?
Ведь в прошлом, бурно двигаясь вперед,
Мы из разрухи родину вздымали,
А нынче просто все наоборот!

А нынче, друг мой, сердцем посмотри:
Страшась в бою открытых с нами схваток,
Противники коварно, изнутри
Вонзили нам ножи между лопаток.

Сперва, собравшись на краю земли,
К взрывчатке тайно приложили жало,
А после: трах! И к черту разнесли,
И родины былой – как не бывало!

И все, что люди прежде воздвигали,
И чем мы все гордились столько лет,
Разрушили, снесли, позакрывали,
Разграбили державу и... привет!

И на глазах буквально у народа
Все то, что создавалось на века,
Плотины, шахты, фабрики, заводы, –
Практически спустили с молотка!

Возможно ль, впав в осатанелый раж,
Буквально все и растащить, и слопать?!

И можно ль честно деньги заработать,
Чтобы купить аж целый Уралмаш?!

А ведь купил! Нашелся скромный «гений».
Раз деньги есть, то и нахальство есть!
А Уралмаш – лишь часть его владений,
А всех богатств, пожалуй, и не счесть!

Когда же всем нам истина откроется,
Что мы идем практически ко дну,
Коль педагоги по помойкам роются,
А те, с кем даже власть уже не борется,
Спокойно грабят целую страну!

«Переоценка», говорите вы?
Вы к нищенству уже спустили планку.
Историю России и Москвы, –
Все вывернули нынче наизнанку!

Мол, Русь тупа, культура нам лишь снится,
Науки нет совсем, а потому
Нам якобы уж нечем и гордиться,
А чтобы хоть чего-нибудь добиться,
Должны мы раболепно поклониться
Любому заграничному дерьму!

Жизнь рушится и к черту рассыпается.
Ну вот и вся «переоценка ценностей»!
И если молвить без вранья и лени,
То чепуха же просто получается!

И, может, лучше в самом же начале
Признать провалом совершенный путь.
И то, что мы недавно отрицали,
Свергали и ругательски ругали,
Вновь нынче с благодарностью вернуть?!

19 марта 1998 г. Москва

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Однажды парком в предзакатный час
Шла женщина неспешно по дороге.
Красавица и в профиль, и в анфас,
И в глубине зеленоватых глаз –
Одна весна и никакой тревоги.

Была она как ветер молода,
И, видимо, наивна до предела,
Иначе б непременно разглядела
Три тени за кустами у пруда.

Не всем, видать, предчувствие дано.
Тем паче если не было примеров
Чего-то злого. В парке не темно,
И шла она уверенно в кино
Без всяческих подруг и кавалеров.

Но быть в кино ей, видно, не судьба:
Внезапно с речью остроэкзотичной
Шагнули к ней три здоровенных лба
С нацеленностью явно эротичной.

Один промолвил, сплюнув сигарету:
«Она – моя! И споров никаких!»
Другой: «Ну нет! Я сам сожру конфету!»
А третий хмыкнул: «Мы красоту эту
По-дружески разделим на троих!»

Закат погас, и в парке стало хмуро.
Вдали сверкнули россыпи огней...
«Ну, хватит! Брось таращиться как дура!
Ступай сюда в кусты!» И три фигуры,
Дыша спиртным, придвинулись плотней.

«Ребята, что вы?!»... Голос замирает,

А трое смотрят хмуро как сычи.
«Вы шутите? Ну что вас раздражает?!» –
«Мы шутим? Да серьезней не бывает!
Снимай же все, что надо, и молчи!»

Одиндохнул: «Заспоришь – придушу!
Сейчас исполнишь все, что нам угодно!
Чтоб выжить – покажи, на что способна!»
Она вздохнула: «Ладно... Покажу!»

Неторопливо сбросила жакетку
И первому, уже без лишних фраз,
Ребром ладони яростно и метко
По горлу – словно сталью: раз! И раз!

И вновь – удар! «Теперь души, скотина!»
И тут буквально чудо наяву:
Почти со шкаф величиной, мужчина
Как сноп мгновенно рухнул на траву!

Другой, взревев, рванулся к ней навстречу,
Но тут – прием и новый взмах рукой!
И вот уже второй за этот вечер
Как бык уткнулся в землю головой...

А третий, зло зубами скрежеща
И целясь впиться в горло пятернею,
Вдруг резко вырвал нож из-под плаща
И прыгнул кошкой с бранью беспощадною.

Она же резко вымолвила: «Врешь!»
И, сжавшись, распрямилась как пружина.
И вот, роняя зазвеневший нож,
На землю третий грохнулся детина.

И тут, покуда, ползая ужом,
Они стонали, мучаясь от боли,
Она, как вспышка воплощенной воли,
Шагнула к ним с подобранным ножом.

«Ну что, мерзавцы? Отвечайте, что?!
Насильничать решили? Дескать, сила?
Скажите же спасибо мне за то,
Что я вам жизни нынче сохранила!

Сейчас я вновь в кинотеатр иду,
А ровно через два часа – обратно.
Однако же прошу иметь в виду:
Чтоб даже духу вашего в саду
Здесь просто близко не было. Понятно?!

А притаитесь где-то за кустом,
Тогда, клянусь, что я на этом месте
Лишу вас вашей жеребьячьей чести
Вот этим самым вашим же ножом!

А если ж вдруг найдете пистолет,
Намного хлеще сыщете ответ:
Ведь я кладу почти что пулю в пулю
И рисковать вам даже смысла нет!»

Чуть улыбнувшись, строго посмотрела,
Губной помадой освежила рот,
Неторопливо кофточку надела
И легким шагом двинулась вперед.

Шла женщина спокойно и упрямо,
И строгий свет горел в ее глазах,
А сзади три насильника и хама,
Рыча от боли, корчились в кустах...

О, люди! В жизни трудно все предвидеть!
И все-таки не грех предупредить
Мужчин, способных женщину обидеть
И даже силу где-то применить:

Чтить женщину есть множество причин:
Когда умом, да и силенкой тоже

Она сегодня часто стоять может
И двух, и трех, и пятерых мужчин!

8 марта 1995 г.

СЕРДЦА МОИХ ДРУЗЕЙ

*Виктору Чибисову, Александру Горячевскому,
Борису Сергееву, Юрию Коровенко*

Пришли друзья. Опять друзья пришли!
Ну как же это славно получается:
Вот в жизни что-то горькое случается,
И вдруг – они! Ну как из-под земли!

Четыре честно-искренние взора,
Четыре сердца, полные огня.
Четыре благородных мушкетера,
Четыре веры в дружбу и в меня!

Меня обидел горько человек,
В которого я верил бесконечно.
Но там, где дружба вспыхнула сердечно,
Любые беды – это не навек!

И вот стоят четыре генерала,
Готовые и в воду, и в огонь!
Попробуй подлость подкрадись и тронь,
И гнев в четыре вскинется кинжала.

Их жизнь суровой всякой строгой повести.
Любая низость – прячься и беги!
Перед тобой четыре друга совести
И всякой лжи четырежды враги!

Пусть сыплет зло без счета горсти соли,
Но если рядом четверо друзей
И если вместе тут четыре воли,
То, значит, сердце вчетверо сильней!

И не свалюсь я под любую ношею,
Когда на всех и радость, и беда.
Спасибо вам за все, мои хорошие!
И дай же бог вам счастья навсегда!

7 апреля 1997 г. Переделкино

РОЗА ДРУГА

*Отважному защитнику Брестской крепости
и Герою Труда Самвелу Матевосяну*

За каждый букет и за каждый цветок
Я людям признателен чуть не до гроба.
Люблю я цветы! Но среди них особо
Я эту вот розу в душе сберег.

Громадная, гордая, густо-красная,
Благоухая, как целый сад,
Стоит она, кутаясь в свой наряд,
Как-то по-царственному прекрасная.

Ее вот такую взрастить сумел,
Вспоив голубою водой Севана,
Солнцем и песнями Еревана,
Мой жизнерадостный друг Самвел.

Девятого мая, в наш день солдатский,
Спиной еще слыша гудящий ИЛ,
Примчался он, обнял меня по-братски
И это вот чудо свое вручил.

Сказал: – Мы немало дорог протопали,
За мир, что дороже нам всех наград,
Прими же цветок как солдат Севастополя
В подарок от брестских друзей-солдат.

Прими, дорогой мой, и как поэт
Этот вот маленький символ жизни,
И в память о тех, кого с нами нет,
Чьей кровью окрашен был тот рассвет –
Первый военный рассвет Отчизны. –

Стою я и словно бы онемел...
Сердце вдруг сладкой тоскою сжало.
Ну, что мне сказать тебе, друг Самвел?!
Ты так мою душу сейчас согрел,
Любого «спасибо» здесь будет мало!

Ты прав: мы немало прошли с тобой,
И все же начало дороги славы –
У Бреста. Под той крепостной стеной,
Где принял с друзьями ты первый бой,
И люди об этом забыть не вправе!

Чтоб миру вернуть и тепло, и смех,
Вы первыми встали, голов не пряча,
А первым всегда тяжелее всех
Во всякой беде, а в войне – тем паче!

Мелькают рассветы минувших лет,
Словно костры у крутых обочин.
Но нам ли с печалью смотреть им вслед?!
Ведь жаль только даром прошедших лет,
А если с толком – тогда не очень!

Вечер спускается над Москвой,
Мягко долив позолоты в краски,
Весь будто алый и голубой,
Праздничный, тихий и очень майский.

Но вот в эту вешнюю благодать
Салют громыхнул и цветисто лопнул,
Как будто на звездный приказ прихлопнул
Гигантски-огненную печать.

То гром, то минутная тишина,
И вновь, рассыпая огни и стрелы,
Падает радостная волна,
Но ярче всех в синем стекле окна –
Пламенно-алый цветок Самвела!

Как маленький факел горя в ночи,
Он словно растет, обдавая жаром.
И вот уже видно, как там, в пожарах,
С грохотом падают кирпичи,

Как в зареве вздыбленном, словно конь,
Будто играя со смертью в жмурки,
Отважные, крохотные фигурки,
Перебегая, ведут огонь.

И то, как над грудой камней и тел,
Поднявшись навстречу свинцу и мраку,
Всех, кто еще уцелеть сумел,
Бесстрашный и дерзкий комсорг Самвел
Ведет в отчаянную атаку.

Но, смолкнув, погасла цветная вьюга,
И скрылось видение за окном.
И только горит на столе моем
Пунцовая роза – подарок друга.

Горит, на взволнованный лад настроив,
Все мелкое прочь из души гоня,
Как отблеск торжественного огня,
Навечно зажженного в честь героев!

1973 г.

Я ПРАВДУ СОБИРАЮ ПО ЧАСТИЦАМ

Я правду собираю по частицам,
Как каменщик, что строит этажи.
Ищу ее, крупицу за крупицей,
В густых завалах хитрости и лжи.

Есть люди, что картины собирают,
Другие – книги ищут и хранят;
Те марки или пленки покупают,
А эти все, буквально все подряд.

А я, точа, как говорится, перья
И веря, что лишь истина права,
Всю жизнь ищу сердечное доверье
И честные, правдивые слова.

Все сущее, как трепетную повесть,
Я мерю меркой выстраданных дней.
А эту мерку называют Совесть,
И все живое сходится на ней!

Возможно, рок подобное творит,
Но если Совесть в ком-нибудь созреет
И он отважно правду говорит,
То в нем вдруг словно лампочка горит
И весь он даже внешне хорошеет!

И наших чувств недолговечен век.
Все, говорят, на свете быстротечно,
Но счастье может длиться целый век,
Когда с тобою рядом человек,
Которому ты веришь бесконечно.

И как мне горько, если мой знакомый
Иль где-то, может статья, даже друг
Начнет о чем-то говорить и вдруг

Солжет спокойно и почти весомо.

А я от лжи мучительно страдаю,
Но вот стесняюсь обличить его.
И так бывает стыдно за него
И за себя, что это позволяю...

А собеседник, видя, что идет
Любая ложь, коль я не возражаю,
Порой еще напористее врет,
И спорить бесполезно. Понимаю.

Но как же остро хочется порою,
Устав от лжи бесчувственно-пустой,
Пробыть хоть час с открытою душой,
Где, словно луч с хрустальной водою,
Сверкает правда рыбкой золотой!

11 февраля 1996 г. Красновидово

МОЯ ЛЮБОВЬ

Ну каким ты владеешь секретом?
Чем взяла меня и когда?
Но с тобой я всегда, всегда:
Днем и ночью, зимой и летом!

Площадями ль иду большими
Иль за шумным сажу столом,
Стоит мне шепнуть твое имя –
И уже мы с тобой вдвоем.

Когда радуюсь или грущу я
И когда обиды терплю,
И в веселье тебя люблю я,
И в несчастье тебя люблю.
Даже если крепчайше сплю,
Все равно я тебя люблю!

Говорят, что дней круговерть
Настоящих чувств не тревожит.
Говорят, будто только смерть
Навсегда погасить их может.

Я не знаю последнего дня,
Но без громких скажу речей:
Смерть, конечно, сильнее меня,
Но любви моей не сильнее.

И когда мой звонок пробьет
И окончу я путь земной,
Знай: любовь моя не уйдет,
А останется тут, с тобой.

Подойдет без жалоб и слез
И незримо для глаз чужих,
Словно верный и добрый пес,

На колени положит нос
И свернется у ног твоих.

1965 г.

ДОБРОТА

Если друг твой в словесном споре
Мог обиду тебе нанести,
Это горько, но это не горе,
Ты потом ему все же прости.

В жизни всякое может случиться,
И, коль дружба у вас крепка,
Из-за глупого пустяка
Ты не дай ей зазря разбиться.

Если ты с любимой в ссоре,
А тоска по ней горяча,
Это тоже еще не горе,
Не спеши, не руби с плеча.

Пусть не ты явился причиной
Той размолвки и резких слов.
Встань над ссорой, будь мужчиной!
Это все же твоя любовь.

В жизни всякое может случиться,
И коль ваша любовь крепка,
Из-за глупого пустяка
Ты не должен ей дать разбиться.

И, чтоб после себя не корить
В том, что сделал кому-то больно,
Лучше добрым на свете быть,
Злого в мире и так довольно.

Но в одном лишь не отступай:
На разрыв иди, на разлуку,
Только подлости не прощай
И предательства не прощай
Никому: ни любимой, ни другу!

1970 г.

ЗВЕЗДНЫЙ БАРС

Трепетным песенно-звонким утром
Птиц заглушает то рык, то вой.
Это меж Гангом и Брахмапутрой
В джунглях кипит беспощадный бой.

Нет, тут не даром нарушен мир!
Взгляды и зубы здесь злее бритвы.
Нынче схватились в смертельной битве
Барс чернозвездный и хитрый тигр.

Разный барсы бывают в джунглях.
Но каждый запомнил тут как наказ:
Что легче горячие слопать угли,
Чем этого барса задеть хоть раз.

О, как он красив в золотистой шкуре,
Черные звезды по всей спине!
Он добр. И от чьей-то кусачей дури
На шалость вовек не ответит бурей,
Не тронет ни в гневе, ни в злой грызне.

Однако не дай бог его обидеть
Хоть пулей, хоть раною от зубов!
Ответа тут просто нельзя предвидеть,
Он будет яростен, и суров.

Он в битве бесстрашен. Но разве странно,
Что, раненный, если минует смерть,
Он будет все помнить, и все терпеть,
И втайнелизывать молча раны.

Он будет отныне как сгусток мести,
Стальной пружиной в лесной глуши.
В чем дело? Возможно, здесь слиты вместе
И гнев, и особое чувство чести,

И гордое пламя его души?!

Кто б ни был тот враг: человек или зверь –
Два грозных огня его не забудут
И всюду искать непременно будут
Ценою буквально любых потерь!

И враг, будь сильнее он хоть в сотню раз,
Ему все равно не уйти от мести!
От острых клыков оскорбленной чести,
От гнева в прищуре зеленых глаз!

И кто б ни свалил его в черном зле,
Он будет, сжав когти и все терпенье,
Искать оскорбителя и во мгле,
И днем, и в предгорьях, и на земле,
Пока, наконец, не свершит отмщенья!

Поэтому все, кто хитры и мудры:
Ни люди, ни хищники никогда
Повсюду от Ганга до Брахмапутры
Не смеют ему причинить вреда!

А если безумец решит сразиться,
Тогда будет только один ответ:
Тому, кто напал, все равно не скрыться!
Держись, оскорбитель! Дрожи, убийца,
Барс чернозвездный шагнул на след!

1995 г. Красновидово

СТИХИ О РЫЖЕЙ ДВОРНЯГЕ

Хозяин погладил рукою
Лохматую рыжую спину:
– Прощай, брат! Хоть жаль мне, не скрою,
Но все же тебя я покину. –

Швырнул под скамейку ошейник
И скрылся под гулким навесом,
Где пестрый людской муравейник
Вливался в вагоны экспресса.

Собака не взвыла ни разу,
И лишь за знакомой спиною
Следили два карие глаза
С почти человеческой тоскою.

Старик у вокзального входа
Сказал: – Что? Оставлен, бедняга?
Эх, будь ты хорошей породы...
А то ведь простая дворняга!

Огонь над трубой заметался,
Взревел паровоз что есть мочи,
На месте, как бык, потоптался
И ринулся в непогодь ночи.

В вагонах, забыв передряги,
Курили, смеялись, дремали...
Тут, видно, о рыжей дворняге
Не думали, не вспоминали.

Не ведал хозяин, что где-то
По шпалам, из сил выбиваясь,
За красным мелькающим светом
Собака бежит задыхаясь!

Споткнувшись, кидается снова,
В кровь лапы о камни разбиты,
Что выпрыгнуть сердце готово
Наружу из пасти раскрытой!

Не ведал хозяин, что силы
Вдруг разом оставили тело
И, стукнувшись лбом о перила,
Собака под мост полетела...

Труп волны снесли под коряги...
Старик! Ты не знаешь природы:
Ведь может быть тело дворняги,
А сердце – чистой породы!

1948 г.

ДЕВУШКА И ЛЕСОВИК (Сказка-шутка)

На старой осине в глуши лесной
Жил леший, глазастый и волосатый.
Для лешего был он еще молодой –
Лет триста, не больше. Совсем незлой,
Задумчивый, тихий и неженатый.

Однажды у Черных болот, в лощине,
Увидел он девушку над ручьем –
Красивую, с полной грибной корзиной
И в ярком платьице городском.

Видать, заблудилась. Стоит и плачет.
И леший вдруг словно затосковал...
Ну как ее выручить? Вот задача!
Он спрыгнул с сучка и, уже не прячась,
Склонился пред девушкой и сказал:

– Не плачь! Ты меня красотой смутила.
Ты – радость! И я тебе помогу! –
Девушка вздрогнула, отскочила,
Но вслушалась в речи и вдруг решила:
«Ладно. Успею еще! Убегу!»

А тот протянул ей в косматых лапах
Букет из фиалок и хризантем.
И так был прекрасен их свежий запах,
Что страх у девчонки пропал совсем...

Свиданья у девушки в жизни были.
Но если по-честному говорить,
То, в общем, ей редко цветы дарили
И радостей мало преподносили,
Больше надеялись получить.

А леший промолвил: – Таких обаятельных
Глаз я нигде еще не встречал! –
И дальше, смутив уже окончательно,
Тихо ей руку поцеловал.

Из мха и соломки он сплел ей шляпу.
Был ласков, приветливо улыбался.
И хоть и не руки имел, а лапы,
Но даже «облапить» и не пытался.

Донес ей грибы, через лес провожая,
В трудных местах впереди идя,
Каждую веточку отгибая,
Каждую ямочку обходя.

Прощаясь у вырубки обгоревшей,
Он грустно потупился, пряча вздох.
А та вдруг подумала: «Леший, леший,
А вроде, пожалуй, не так и плох!»

И, пряча смущенье в букет, красавица
Вдруг тихо промолвила на ходу:
– Мне лес этот, знаете, очень нравится,
Наверно, я завтра опять приду! –

Мужчины, встревожьтесь! Ну кто ж не знает,
Что женщина, с нежной своей душой,
Сто тысяч грехов нам простит порой,
Простит, может, даже ночной разбой!
Но вот невнимания не прощает...

Вернемся же к рыцарству в добрый час
И к ласке, которую мы забыли,
Чтоб милые наши порой от нас
Не начали бегать к нечистой силе!

ДВА СЛОВА О ЛЮБВИ

Ну зачем, ну зачем нам с тобою ссориться?
Ведь от споров, амбиций и глупых ссор
Ничего-то хорошего не построишь,
А останется только словесный сор.

Ну пускай бы мы глупыми оба были,
Так ведь признаков тупости вроде нет,
Или, скажем, друг друга б мы не любили,
Так ведь любим, и, кстати, уж сколько лет!

Да, всем хочется быть на земле любимыми.
Но большое ведь следует сберегать.
Я уверен: чтоб быть до конца счастливыми,
Надо быть терпеливыми и терпимыми,
Не стремясь ни командовать, ни подмять.

Кто сказал, что любовь – только свет и краски,
Счастье встреч и большие, как мир, слова,
Что любовь – только нежно-хмельные ласки,
От которых, как в праздник, звенит голова?!

Да, все верно. Но в самом большом деянии
Важен труд и упорство. И я не шучу.
В чувствах тоже есть умное созидание,
Где возводится замок кирпич к кирпичу.

И чем глупо острить или спорить грозно,
Лучше строить прекрасное непрестанно.
Потому что любить никогда не рано
И тем паче нигде никогда не поздно!

1 июня 1990 г.

НЕ УХОДИ ИЗ СНА МОЕГО

Не уходи из сна моего!
Сейчас ты так хорошо улыбаешься,
Как будто бы мне подарить стараешься
Кусочек солнышка самого.
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!
Ведь руки, что так нежно обняли,
Как будто бы радугу в небо подняли,
И лучше их нет уже ничего.
Не уходи из сна моего!

В былом у нас – вечные расстояния,
За встречами – новых разлук терзания,
Сплошной необжитости торжество.
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!
Теперь, когда ты наконец-то рядом,
Улыбкой и сердцем, теплом и взглядом,
Мне мало, мне мало уже всего!
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего.
И пусть все упущенные удачи
Вернуться к нам снова, смеясь и плача,
Ведь это сегодня важней всего.
Не уходи из сна моего!

Не уходи из сна моего!
Во всех сновиденьях ко мне являйся!
И днем, даже в шутку, не расставайся
И лучше не сделаешь ничего.
Не уходи из сна моего!

1994 г.

РАЗДУМЬЕ НАД КЛАССИКОЙ

Возможно, я что-то не так скажу,
И пусть будут спорными строки эти,
Но так уж я, видно, живу на свете,
Что против души своей не грешу.

В дружбу я верил с мальчишских лет,
Но только в действительно настоящую,
До самого неба костром летящую,
Такую, какой и прекрасней нет!

Но разве же есть на земле костер
Жарче того, что зажгли когда-то
Два сердца с высот Воробьевых гор,
На веки веков горячо и свято?!

О, как я о дружбе такой мечтал
И как был канонами околдован,
Пока не осмыслил, пока не познал
И в чем-то вдруг не был разочарован.

Пусть каждый ярчайшею жизнью жил,
Но в этом союзе, клянусь хоть небом,
Что только один из двоих дружил,
Другой же тем другом высоким не был!

Да, не был. Пусть сложен житейский круг,
Но я допускаю, хотя и туго,
Что к другу приехавший в гости друг
Мог даже влюбиться в супругу друга.

Влюбиться, но смуты своей сердечной
Даже и взглядом не показать,
Тем паче, что друг его, что скрывать,
Любил свою милую бесконечно.

Сердце... Но можно ль тут приказать?
Не знаю. Но если и вспыхнут страсти,
Пусть трудно чувствами управлять,
Но что допустить и как поступать,
Вот это все-таки в нашей власти!

Я гению что за могучий ум,
За «колокол», бивший в сердца набатом,
И все же могу я под грузом дум
Считать, что не все тут, быть может, свято.

И надо ли, правды не уроня,
Внушать мне, как высшую из примеров,
Дружбу, в которую у меня
Нету великой и светлой веры.

Ведь дружба – есть чувство, как жизнь, святое,
Так как же уверовать и понять,
Что можно дружить и навек отнять
У друга самое дорогое?!

А вера моя до могилы в том,
Что подлинный друг, ну, а как иначе,
Лишь тот, кому твердо доверишь дом,
Деньги, жену и себя в придачу!

Стараясь все мудрое познавать,
Держусь я всю жизнь непреклонных взглядов,
Что классику следует уважать
Осмысливать, трепетно изучать,
Но падать вот ниц перед ней не надо.

А тех, кто сочтет это слишком смелым
Иль попросту дерзким, хочу спросить:
Желали б вы в жизни вот так дружить?
Молчите? Вот в этом-то все и дело...

1978 г.

СЛОВО И ДЕЛО

*Его убийца хладнокровно
Навел удар. Спасенья нет.
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет...*

*...Но есть и божий суд, наперсники
разврата...*

М.Ю. Лермонтов

Я тысячи раз те слова читал,
В отчаяньи гневной кипя душою.
И автор их сердце мое сжигал
Каждую яростною строкою.

Да, были соратники, были друзья,
Страдали, гневались, возмущались,
И все-таки, все-таки, думал я:
Ну почему, всей душой горя,
На большее все же они не решались?

Пассивно гневались на злодея
Апухтин, Вяземский и Белинский,
А рядом Языков и Баратынский
Печалились, шагу шагнуть не смея.

О нет, я, конечно, не осуждаю,
И вправе ль мы классиков осуждать?!
Я просто взволнованно размышляю,
Чтоб как-то осмыслить все и понять.

И вот, сквозь столетий седую тьму
Я жажду постичь их терпенья меру
И главное, главное: почему

Решенье не врезалось никому –
Сурово швырнуть подлеца к барьеру?!

И, кинув все бренное на весы,
От мести святой замирая сладко,
В надменно закрученные усы
Со злою усмешкой швырнуть перчатку!

И позже, и позже, вдали от Невы,
Опять не нашлось смельчака ни единого,
И пули в тупую башку Мартынова
Никто ведь потом не всадил, увы!

Конечно, поэт не воскрес бы вновь,
И все-таки сердце б не так сжималось,
И вышло бы, может быть, кровь за кровь,
И наше возмездие состоялось!

Свершайся, свершайся же, суд над злом!
Да так, чтоб подлец побелел от дрожи!
Суд божий прекрасен, но он – потом.
И все же людской, человеческий гром
При жизни пускай существует тоже!

1990 г.

ВЕРЮ ГЕНИЮ САМОМУ

Когда говорят о талантах и гениях,
Как будто подглядывая в окно,
Мне хочется к черту смести все прения
Со всякими сплетнями заодно!

Как просто решают порой и рубят,
Строча о мятущемся их житье,
Без тени сомнений вершат и судят,
И до чего же при этом любят
Разбойно копаться в чужом белье.

И я, сквозь бумажную кутерьму,
Собственным сердцем их жизни мерю.
И часто не только трактатам верю,
Как мыслям и гению самому.

Ведь сколько же, сколько на свете было
О Пушкине умных и глупых книг!
Беда или радость его вскормила?
Любила жена его – не любила
В миг свадьбы и в тот беспощадный миг?

Что спорить, судили ее на славу
Не год, а десятки, десятки лет.
Но кто, почему, по какому праву
Позволил каменья кидать ей вслед?!

Кидать, если сам он, с его душой,
Умом и ревниво кипящей кровью,
Дышал к ней всегда лишь одной любовью,
Верой и вечною добротой!

И кто ж это смел подымать вопрос,
Жила ли душа ее страстью тайной,
Когда он ей даже в свой час прощальный

Слова благодарности произнес?!

Когда говорят о таланте иль гении,
Как будто подглядывая в окно,
Мне хочется к черту смести все прения
Со всякими сплетнями заодно!

И вижу я, словно бы на картине,
Две доли, два взгляда живых-живых:
Вот они, чтимые всюду ныне –
Две статные женщины, две графини,
Две Софьи Андревны Толстых.

Адрес один: девятнадцатый век.
И никаких хитроумных мозаик.
Мужья их Толстые: поэт и прозаик,
Большой человек и большой человек.

Стужу иль солнце несет жена?
Вот Софья Толстая и Софья Толстая.
И чем бы их жизнь ни была славна,
Но только мне вечно чужда одна
И так же навечно близка другая.

И пусть хоть к иконе причислят лик,
Не верю ни в искренность и ни в счастье,
Если бежал величайший старик
Из дома во тьму, под совиный крик,
В телеге, сквозь пляшущее ненастье.

Твердить о любви и искать с ним ссоры,
И, судя по всем его дневникам,
Тайно подслушивать разговоры,
Обшаривать ящики по ночам...

Не верю в высокий ее удел,
Если, навеки глаза смежая,
Со всеми прощаясь и всех прощая,
Ее он увидеть не захотел!

Другая судьба: богатырь, поэт,
Готовый шутить хоть у черта в пасти,
Гусар и красавец, что с юных лет
Отчаянно верил в жар-птицу счастья.

И встретил ее синекрылой ночью,
Готовый к упорству любой борьбы.
«Средь шумного бала, случайно...» А впрочем,
Уж не был ли час тот перстом судьбы?

А дальше бураны с лихой бедою,
Походы да черный тифозный бред.
А женщина, с верной своей душою,
Шла рядом, став близкою вдвое, втрое,
С любовью, которой предела нет.

Вдвоем до конца, без единой ссоры,
Вся жизнь – как звезды золотой накал,
До горькой минуты, приход которой,
Счастливца, он, спящий, и не узнал...

Да, если твердят о таланте иль гении,
Как будто подглядывая в окно,
Мне хочется к черту смести все прения
Со всякими сплетнями заодно!

Как жил он? Что думал? И чем дышал?
Ответит лишь дело его живое
Да пламя души. Ведь своей душою
Художник творения создавал!

1975 г.

ЛУННЫЙ ВЕЧЕР

Закат хрустально-алый мост
Над речкой воздвигает,
И вверх в сопровожденье звезд
Луна, поднявшись в полный рост,
Торжественно шагает.

Ей все принадлежат сердца
И замки на планете,
А у тебя же ни дворца,
И, кроме одного певца,
Нет никого на свете.

Но это, право, не беда,
Взвей гордость, словно стяг.
Один, он тоже иногда
Уж не такой пустяк!

Готов я верить и любить,
О бедах не трубя.
Одно не знаю: как мне быть?
Какую песню сочинить,
Достойную тебя?

Твои слова, улыбки, взгляд
Я в сердце собирал,
И, встретясь мы лет сто назад,
Я так бы написал:

Всегда поэзии полна,
То холодна, то страстна,
Ты – как полночная луна
Таинственно-прекрасна!

А впрочем, и средь наших дней
Горит живая сила:

И горделиво-светлой ей
Ты, с строгой скромностью своей,
Навряд ли б уступила.

Ведь гордо-чистая луна
Средь всех других планет
Одной лишь стороною видна,
Другой как словно нет.

А та, другая, для кого,
Где все темно и строго?
Для неба или для того,
Кто всех дороже. Для него –
Сверхдруга или Бога!

Луна одна и ты – одна.
И знаю я: твой взгляд,
Твоя дневная сторона
И звездно-тайная страна
Лишь мне принадлежат!

И так как в верности своей
Ты, как луна, тверда,
Живи ж средь песен и людей
И ныне, и всегда!

А если вечность обойдет
Капризно стороною
И бабка старая придет
С железною клюкою,
Ну что ж, не нам белеть, как снег!

Мир вечен – как замечено,
Как горы, как движенье рек.
В моих стихах тебе навек
Бессмертье обеспечено!

ЛЕДЯНАЯ БАЛЛАДА

Льды все туже сжимает круг,
Весь экипаж по тревоге собран.
Словно от чьих-то гигантских рук,
Трещат парохода седые ребра.

Воет пурга среди колких льдов,
Злая насмешка слышится в голосе:
– Ну что, капитан Георгий Седов,
Кончил отныне мечтать о полюсе?

Зря она, старая, глотку рвет,
Неужто и вправду ей непонятно,
Что раньше растает полярный лед,
Чем лейтенант повернет обратно!

Команда – к Таймыру, назад, гуськом!
А он оставит лишь компас, карты,
Двух добровольцев, веревку, нарты
И к полюсу дальше пойдет пешком!

Фрам – капитанский косматый пес,
Идти с командой назад не согласен.
Где быть ему? Это смешной вопрос!
Он даже с презреньем наморщил нос,
Ему-то вопрос абсолютно ясен!

Встал впереди на привычном месте
И на хозяина так взглянул,
Что тот лишь с улыбкой рукой махнул:
– Ладно, чего уж... Вместе так вместе!

Одежда твердеет, как жесьть под ветром,
А мгла не шутит, а холод жжет,
И надо не девять взять километров,
Не девяносто, а – девятьсот!

Но если на трудной стоишь дороге
И светит мечта тебе, как звезда,
То ты ни трусости, ни тревоги
Не выберешь в спутники никогда!

Вперед, вперед, по торосистым льдам!
От стужи хрипит глуховатый голос.
Седов еще шутит: – Ну что, брат Фрам,
Отыщешь по нюху Северный полюс?

Черную шерсть опушил мороз,
Но Фрам ничего – моряк не скулящий.
И пусть он всего лишь навсегда пес –
Он путешественник настоящий!

Снова медведем ревет пурга,
Пища – худое подобье рыбы.
Седов бы любого сломил врага:
И холод, и голод. Но вот цинга...
И ноги, распухшие, точно глыбы...

Матрос расстроено-озабочен,
Сказал: – Не стряслось бы какой беды.
Путь еще дальний, а вы не очень...
А полюс... Да бог с ним! Ведь там, между прочим,
Все то же: ни крыши и ни еды...

Добрый, но, право, смешной народ!
Неужто и вправду им непонятно,
Что раньше растает полярный лед,
Чем капитан повернет обратно!

И, лежа на нартах, он все в метель,
Сверяясь с картой, смотрел упрямо,
Смотрел и щурился, как в прицел,
Как будто бы видел во мраке цель,

Там, впереди, меж ушами Фрама.

Солнце все ниже... Мигнуло – и прочь...
Пожалуй, шансов уже никаких.
Над головой – полярная ночь,
И в сутки – по рыбине на двоих...

Полюс по-прежнему впереди.
Седов приподнялся над изголовьем:
– Кажется, баста! Конец пути...
Эх, я бы добрался, сумел дойти,
Когда б на недельку еще здоровья...

Месяц желтым горел огнем,
Будто маяк во мгле океана.
Боцман лоб осенил крестом:
– Ну вот и нет у нас капитана!

Последний и вечный его покой:
Холм изо льда под салют прощальный,
При свете месяца как хрустальный,
Зеленоватый и голубой...

Молча в обратный путь собрались.
Горько, да надо спешить, однако.
Боцман, льдинку смахнув с ресниц,
Сказал чуть слышно: – Пошли, собака!

Их дома дела и семейства ждут,
У Фрама же нет ничего дороже,
Чем друг, что навеки остался тут,
И люди напрасно его зовут:
Фрам уйти от него не может!

Снова кричат ему, странный народ,
Неужто и вправду им непонятно,
Что раньше растает полярный лед,
Чем Фрам хоть на шаг повернет обратно!

Взобрался на холм, заскользив отчаянно,
Улегся и замер там недвижим,

Как будто бы телом хотел своим
Еще отогреть своего хозяина.

Шаги умолкли, и лишь мороз
Да ветер, в смятенье притихший рядом,
Видели, как костенеющий пес
Свою последнюю службу нес,
Уставясь в сумрак стеклянным взглядом.

Льдина кружится, кружат года,
Кружатся звезды над облаками...
И внукам бессоннейшими ночами,
Быть может, увидится иногда,

Как медленно к солнцу плывут из мрака
Герой, чье имя хранит народ,
И Фрам – замечательная собака,
Как черный памятник вросшая в лед!

1969 г.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Фиолетовый вечер забрался в сад,
Рассыпая пушинками сновиденья.
А деревья все шепчутся и не спят,
А деревья любят на закат,
И кивают, и щурятся с наслажденьем.

– Спать пора, – прошептал, улыбаясь, вечер,
Он приятелю синим платком махнул,
И тогда, по-разбойничьи свистнув, ветер
Подлетел и багровый закат задул.

Покружил и умчал по дороге прочь.
Сразу стало темно и пустынно даже.
Это в черных одеждах шагнула ночь
И развесила мрак, как густую пряжу.

И от этой сгустившейся темноты,
Что застыла недвижно, как в карауле,
Все деревья, все травы и все цветы
Тихо-тихо ресницы свои сомкнули.

А чтоб спать им светло и спокойно было
И никто не нарушил бы тишину,
Ночь бесшумно созвездья вверху включила
И большую оранжевую луну.

Всюду блики: по саду и у крылечка,
Будто кто-то швырнул миллион монет.
За оврагом, притихшая сонно речка,
Словно мокрый асфальт, отражает свет,

У рябины во мраке дрожат рубины
Темно-красным огнем. А внизу под ней
Сруб колодца, как горло бутылки винной,
Что закопана в землю до вешних дней.

В вышину, точно в вечность, раскрыты двери.
Над кустами качается лунный дым,
И трава, будто мех дорогого зверя,
Отливает то синим, то золотым...

Красота – все загадочней, ярче, шире,
Словно всюду от счастья висят ключи.
Тонко звезды позванивают в эфире...
И затмить красоту эту может в мире
Лишь любовь, что шагнет вдруг к тебе в ночи!

1976 г.

БАЛЛАДА О НЕНАВИСТИ И ЛЮБВИ

I

Метель ревет, как седой исполин,
Вторые сутки не утихая,
Ревет как пятьсот самолетных турбин,
И нет ей, проклятой, конца и края!

Пляшет огромным белым костром,
Глушит моторы и гасит фары.
В замяти снежной аэродром,
Служебные здания и ангары.

В прокуренной комнате тусклый свет,
Вторые сутки не спит радист,
Он ловит, он слушает треск и свист,
Все ждут напряженно: жив или нет?

Радист кивает: – Пока еще да,
Но боль ему не дает распрямиться.
А он еще шутит: мол, вот беда –
Левая плоскость моя никуда!

Скорее всего, перелом ключицы...
Где-то буран, ни огня, ни звезды
Над местом аварии самолета.
Лишь снег замечает обломков следы
Да замерзающего пилота.

Ищут тракторы день и ночь,
Да только впустую. До слез обидно.
Разве найти тут, разве помочь –
Руки в полуметре от фар не видно?

А он понимает, а он и не ждет,

Лежа в ложбинке, что станет гробом.
Трактор если даже придет,
То все равно в двух шагах пройдет
И не заметит его под сугробом.

Сейчас любая зазря операция.
И все-таки жизнь покуда слышна.
Слышна, ведь его портативная рация
Чудом каким-то, но спасена.

Встать бы, но боль обжигает бок,
Теплой крови полон сапог,
Она, остывая, смерзается в лед,
Снег набивается в нос и рот.

Что перебито? Понять нельзя,
Но только не двинуться, не шагнуть!
Вот и окончен, видать, твой путь!
А где-то сынишка, жена, друзья...

Где-то комната, свет, тепло...
Не надо об этом! В глазах темнеет...
Снегом, наверно, на метр замело.
Тело сонливо деревенеет...

А в шлемофоне звучат слова:
– Алло! Ты слышишь? Держись, дружище! –
Тупо кружится голова...
– Алло! Мужайся! Тебя разыщут!.. –

Мужайся? Да что он, пацан или трус?!
В каких ведь бывал переделках грозных.
– Спасибо... Вас понял... Пока держусь! –
А про себя добавляет: «Боюсь,
Что будет все, кажется, слишком поздно...»

Совсем чугунная голова.
Кончаются в рации батареи.
Их хватит еще на час или два.

Как бревна руки... спина немеет...

– Алло!– это, кажется, генерал.
– Держитесь, родной, вас найдут, откопают...-
Странно: слова звенят, как кристалл,
Бьются, стучат, как в броню металл,
А в мозг остывший почти не влетают...

Чтоб стать вдруг счастливейшим на земле,
Как мало, наверное, необходимо:
Замерзнув вконец, оказаться в тепле,
Где доброе слово да чай на столе,
Спирта глоток да затяжка дыма...

Опять в шлемофоне шуршит тишина.
Потом сквозь метельное завыванье:
– Алло! Здесь в рубке твоя жена!
Сейчас ты услышишь ее. Вниманье! –

С минуту гуденье тугой волны,
Какие-то шорохи, трески, пiski,
И вдруг далекий голос жены,
До боли знакомый, до жути близкий!

– Не знаю, что делать и что сказать.
Милый, ты сам ведь отлично знаешь,
Что, если даже совсем замерзаешь,
Надо выдержать, устоять! –
Хорошая, светлая, дорогая!

Ну как объяснить ей в конце концов,
Что он не нарочно же здесь погибает,
Что боль даже слабо вздохнуть мешает
И правде надо смотреть в лицо.

– Послушай! Синоптики дали ответ:
Буря окончится через сутки.
Продержишься? Да?
– К сожалению, нет...

– Как нет? Да ты не в своем рассудке! –

Увы, все глуше звучат слова.
Развязка, вот она – как ни тяжело.
Живет еще только одна голова,
А тело – остывшая деревяшка.

А голос кричит: – Ты слышишь, ты слышишь?!
Держись! Часов через пять рассвет.
Ведь ты же живешь еще! Ты же дышишь?!
Ну есть ли хоть шанс?
– К сожалению, нет... –

Ни звука. Молчанье. Наверно, плачет.
Как трудно последний привет послать!
И вдруг: – Раз так, я должна сказать! –
Голос резкий, нельзя узнать.
Странно. Что это может значить?

– Поверь, мне горько тебе говорить.
Еще вчера я б от страха скрыла.
Но раз ты сказал, что тебе не дожить,
То лучше, чтоб после себя не корить,
Сказать тебе коротко все, что было.

Знай же, что я дрянная жена
И стою любого худого слова.
Я вот уже год тебе неверна
И вот уже год, как люблю другого!

О, как я страдала, встречая пламя
Твоих горячих восточных глаз. –
Он молча слушал ее рассказ,
Слушал, может, в последний раз,
Сухую былинку зажав зубами.

– Вот так целый год я лгала, скрывала,
Но это от страха, а не со зла.
– Скажи мне имя!..-

Она помолчала,
Потом, как ударив, имя сказала,
Лучшего друга его назвала!

Затем добавила торопливо:
– Мы улетаем на днях на юг.
Здесь трудно нам было бы жить счастливо.
Быть может, все это не так красиво,
Но он не совсем уж бесчестный друг.

Он просто не смел бы, не мог, как и я,
Выдержать, встретясь с твоими глазами.
За сына не бойся. Он едет с нами.
Теперь все заново: жизнь и семья.

Прости, не ко времени эти слова.
Но больше не будет иного времени. –
Он слушает молча. Горит голова...
И словно бы молот стучит по темени...

– Как жаль, что тебе ничем не поможешь!
Судьба перепутала все пути.
Прощай! Не сердись и прости, если можешь!
За подлость и радость мою прости! –

Полгода прошло или полчаса?
Наверно, кончились батареи.
Все дальше, все тише шумы... голоса...
Лишь сердце стучит все сильнее и сильнее!

Оно грохочет и бьет в виски!
Оно полыхает огнем и ядом.
Оно разрывается на куски!
Что больше в нем: ярости или тоски?
Взвешивать поздно, да и не надо!

Обида волной заливает кровь.
Перед глазами сплошной туман.
Где дружба на свете и где любовь?

Их нету! И ветер как эхо вновь:
Их нету! Все подлость и все обман!

Ему в снегу суждено подыхать,
Как псу, коченея под стоны вьюги,
Чтоб два предателя там, на юге,
Со смехом бутылку открыв на досуге,
Могли поминки по нем справлять?!

Они совсем затиранят мальчика
И будут усердствовать до конца,
Чтоб вбить ему в голову имя другого
И вырвать из памяти имя отца!

И все-таки светлая вера дана
Душонке трехлетнего пацана.
Сын слушает гул самолетов и ждет.
А он замерзает, а он не придет!

Сердце грохочет, стучит в виски,
Взведенное, словно курок нагана.
От нежности, ярости и тоски
Оно разрывается на куски.

А все-таки рано сдаваться, рано!
Эх, силы! Откуда вас взять, откуда?
Но тут ведь на карту не жизнь, а честь!
Чудо? Вы скажете, нужно чудо?

Так пусть же! Считайте, что чудо есть!
Надо любой ценой подняться
И, всем существом устремясь вперед,
Грудью от мерзлой земли оторваться,
Как самолет, что не хочет сдаваться,
А сбитый, снова идет на взлет!

Боль подступает такая, что кажется,
Замертво рухнешь в сугроб ничком!
И все-таки он, хрипя, поднимается.

Чудо, как видите, совершается!
Впрочем, о чуде потом, потом...

Швыряет буран ледяную соль,
Но тело горит, будто жарким летом,
Сердце колотится в горле где-то,
Багровая ярость да черная боль!

Вдали сквозь дикую карусель
Глаза мальчишки, что верно ждут,
Они большие, во всю метель,
Они, как компас, его ведут!

– Не выйдет! Неправда, не пропаду! –
Он жив. Он двигается, ползет!
Встает, качается на ходу,
Падает снова и вновь встает...

II

К полудню буран захирел и сдал.
Упал и рассыпался вдруг на части.
Упал, будто срезанный наповал,
Выпустив солнце из белой пасти.

Он сдал в предчувствии скорой весны,
Оставив после ночной операции
На чахлых кустах клочки седины,
Как белые флаги капитуляции.

Идет на бреющем вертолет,
Ломая безмолвие тишины.
Шестой разворот, седьмой разворот,
Он ищет... ищет... и вот, и вот –
Темная точка средь белизны!

Скорее! От рева земля тряслась.

Скорее! Ну что там: зверь? Человек?
Точка качнулась, приподнялась
И рухнула снова в глубокий снег...

Все ближе, все ниже... Довольно! Стоп!
Ровно и плавно гудят машины.
И первой без лесенки прямо в сугроб
Метнулась женщина из кабины!

Припала к мужу: – Ты жив, ты жив!
Я знала... Все будет так, не иначе!.. –
И, шею бережно обхватив,
Что-то шептала, смеясь и плача.

Дрожа, целовала, как в полусне,
Замерзшие руки, лицо и губы.
А он еле слышно, с трудом, сквозь зубы:
– Не смей... Ты сама же сказала мне..

– Молчи! Не надо! Все бред, все бред!
Какой же меркой меня ты мерил?
Как мог ты верить?! А впрочем, нет,
Какое счастье, что ты поверил!

Я знала, я знала характер твой!
Все рушилось, гибло... хоть вой, хоть реви!
И нужен был шанс, последний, любой!
А ненависть может гореть порой
Даже сильнее любви!

И вот говорю, а сама трясусь,
Играю какого-то подлеца.
И все боюсь, что сейчас сорвусь,
Что-нибудь выкрикну, разревусь,
Не выдержав до конца!

Прости же за горечь, любимый мой!
Всю жизнь за один, за один твой взгляд,
Да я, как дура, пойду за тобой,

Хоть к черту! Хоть в пекло! Хоть в самый ад! –

И были такими глаза ее,
Глаза, что любили и тосковали,
Таким они светом сейчас сияли,
Что он посмотрел в них и понял все!

И, полузамерзший, полуживой,
Он стал вдруг счастливейшим на планете.
Ненависть, как ни сильна порой,
Не самая сильная вещь на свете!

1966 г.

СУДУ ПОТОМКОВ

Истории кружится колесо
Пестрое, как колесо обозрения.
Кого-то – наверх, прямо к солнцу, в гении,
Кого-то в подвал. И на этом все.

Разгрузит и, новых взяв пассажиров,
Опять начнет не спеша кружить.
И снова: кому-то – венки кумиров,
Кому-то никем и нигде не быть.

А сами при жизни иные души
Из зависти что-нибудь да налгут,
Напакостят, где-то почти придушат
Иль нежно помоями обольют.

О битвах в гражданскую, о революции –
О, как научились судить-рядить!
И зло, будто вынесли резолюцию:
«Зачистить в преступники! Заклеймить!»

Ну, а кого заклеить, простите?
Всех тех, кто вершили и кто решали,
И холодно в бронзе или граните
Потом с пьедесталов на нас взирали?!

Иль тех, кто под небом тоскливо-грозным
Стыл в мокрых окопах и вшей питал,
Кто в визге свинца и жару тифозном
Живот свой за светлое дело клал?!

Неужто и впрямь они виноваты
В том, что шагали в крови и мгле,
И верили чисто, светло и свято
В свободу и равенство на земле?!

Так как же, простите за резкость, можно
Плевать чуть не в лица отцам своим
За то, что в пути их сурово-сложном
Маршрут оказался вдруг в чем-то ложным
И столько надежд обратилось в дым!

Однако, быть может, идеи те
Могли бы созреть до больших свершений,
Когда б не «великий восточный гений»,
Приведший те замыслы к пустоте.

Нет, даже не так, а к абсурду просто:
Ведь самый высокий духовный свет,
Вдруг сжатый и грубо лишенный роста,
Стал бледной коптилкой на много лет.

Но главный трагизм заключается в том,
Что тот, кто сражался за свет Свободы,
Смотрел на нее и на жизнь народа
Сквозь прутья седой Колымы потом.

Так можно ль позволить, чтоб так упрямо,
Калеча заведомо суть идей,
Стремилась столкнуть беспощадно в яму
Всех вместе: и жертвы, и палачей!

Взгляните, взгляните: из тишины
У братских могил, словно став парадом,
Лихие бойцы гражданской войны
Глядят на нас строгим и добрым взглядом.

И сколько погоды бы ни менялись,
Запомните, люди, их имена!
Склонись перед ними, моя страна,
Они ведь за счастье твое сражались!

1991 г.

ПРОВЕРЯЙТЕ ЛЮБОВЬ

С давних пор ради той, что дороже мира,
Ради взгляда, что в сердце зажег весну,
Шли мужчины на плаху и на войну,
На дуэли и рыцарские турниры.

И, с единственным именем на устах,
Став бесстрашно порой против тьмы и света,
Бились честно и яростно на мечах,
На дубинах, на шпагах и пистолетах.

И пускай те сражения устарели.
К черту кровь! Но, добро отделив от зла,
Скажем прямо: проверка любви на деле,
Как-никак, а у предков тогда была!

Поединок – не водочная гульба!
Из-за маленьких чувств рисковать не будешь.
Если женщину впрямь горячо не любишь –
Никогда не подставишь под пулю лба!

Не пора ли и нам, отрицая кровь
И отвергнув жестокость, умно и гибко,
Все же как-то всерьез проверять любовь,
Ибо слишком уж дороги тут ошибки.

Неужели же вправду, сказать смешно,
Могут сердце порой покорить заранее
Чей-то редкий подарок, театр, кино
Или ужин, заказанный в ресторане?!

Пусть готовых рецептов на свете нет.
Ничего в торопливости не решайте.
Проверяйте любовь на тепло и свет,
На правдивость придирчиво проверяйте.

Проверяйте на смелость и доброту,
Проверяйте на время на расстоянья,
На любые житейские испытанья,
На сердечность, на верность и прямоту.

Пусть не выдержат, может быть, крутизны
Легкомыслие, трусость и пустота.
Для любви испытания не страшны,
Как для золота серная кислота.

И плевать, если кто-то нахмурит бровь.
Ничего голословно не принимайте.
Ведь не зря же нам жизнь повторяет вновь:
«Проверяйте любовь, проверяйте любовь,
Непременно, товарищи, проверяйте!»

1971 г.

КОГДА МНЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ В ЛЮДЯХ ДУРНОЕ..

Когда мне встречается в людях дурное,
То долгое время я верить стараюсь,
Что это скорее всего напускное,
Что это случайность. И я ошибаюсь.

И, мыслям подобным ища подтвержденья,
Стремлюсь я поверить, забыв про укор,
Что лжец, может, просто большой фантазер,
А хам, он, наверно, такой от смущенья.

Что сплетник, шагнувший ко мне на порог,
Возможно, по глупости разболтался,
А друг, что однажды в беде не помог,
Не предал, а просто тогда растерялся.

Я вовсе не прячусь от бед под крыло,
Иными тут мерками следует мерить.
Ужасно не хочется верить во зло,
И в подлость ужасно не хочется верить!

Поэтому, встретив нечестных и злых,
Нередко стараешься волей-неволей
В душе своей словно бы выправить их
И попросту «отредактировать», что ли!

Но факты и время отнюдь не пустяк.
И сколько порой ни насилуешь душу,
А гниль все равно невозможно никак
Ни спрятать, ни скрыть, как ослиные уши.

Ведь злого, признаться, мне в жизни моей
Не так уж и мало встречать доводилось.
И сколько хороших надежд поразбилось,
И сколько вот так потерял я друзей!

И все же, и все же я верить не брошу,
Что надо в начале любого пути
С хорошей, с хорошей и только с хорошей,
С доверчивой меркою к людям идти!

Пусть будут ошибки (такое не просто),
Но как же ты будешь безудержно рад,
Когда эта мерка придется по росту
Тому, с кем ты станешь богаче стократ!

Пусть циники жалко бормочут, как дети,
Что, дескать, непрочная штука – сердца...
Не верю! Живут, существуют на свете
И дружба навек, и любовь до конца!

И сердце твердит мне: ищи же и действуй.
Но только одно не забудь наперед:
Ты сам своей мерке большой соответствуй,
И все остальное, увидишь, – придет!

1966 г.

АХ, КАК ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО В МИРЕ ЭТОМ!..

Ах, как все относительно в мире этом!..
Вот студент огорченно глядит в окно,
На душе у студента темным-темно:
«Запорол» на экзаменах два предмета...

Ну а кто-то сказал бы ему сейчас:
– Эх, чудила, вот мне бы твои печали!
Я «хвосты» ликвидировал сотни раз,
Вот столкнись ты с предательством милых глаз –
Ты б от двоек сегодня вздыхал едва ли!

Только третий какой-нибудь человек
Улыбнулся бы: – Молодость... Люди, люди!..
Мне бы ваши печали! Любовь навек...
Все проходит на свете. Растает снег,
И весна на душе еще снова будет!

Ну а если все радости за спиной,
Если возраст подует тоскливой стужей
И сидишь ты беспомощный и седой –
Ничего-то уже не бывает хуже!

А в палате больной, посмотрев вокруг,
Усмехнулся бы горестно: – Ну сказали!
Возраст, возраст... Простите, мой милый друг,
Мне бы все ваши тяготы и печали!

Вот стоять, опираясь на костыли,
Иль валяться годами (уж вы поверьте),
От веселья и радостей всех вдали, –
Это хуже, наверное, даже смерти!

Только те, кого в мире уж больше нет,
Если б дали им слово сейчас, сказали:

– От каких вы там стонете ваших бед?
Вы же дышите, видите белый свет,
Нам бы все ваши горести и печали!

Есть один только вечный пустой предел...
Вы ж привыкли и попросту позабыли,
Что, какой ни достался бы вам удел,
Если каждый ценил бы все то, что имел,
Как бы вы превосходно на свете жили!

1971 г.

НЕЖНЫЕ СЛОВА

То ли мы сердцами остываем,
То ль забита прозой голова,
Только мы все реже вспоминаем
Светлые и нежные слова.

Словно в эру плазмы и нейтронов,
В гордый век космических высот
Нежные слова, как граммофоны,
Отжили и списаны в расход.

Только мы здесь, видимо, слукавили
Или что-то около того:
Вот слова же бранные оставили,
Сберегли ведь все до одного!

Впрочем, сколько человек ни бегаёт
Средь житейских бурь и суеты,
Только сердце все равно потребует
Рано или поздно красоты.

Не зазя ж оно ему дается!
Как ты ни толкай его во мглу,
А оно возьмет и повернется
Вновь, как компас, к ласке и теплу.

Говорят, любовь немногословна:
Пострадай, подумай, раскуси...
Это все, по-моему, условно,
Мы же люди, мы не караси!

И не очень это справедливо –
Верить в молчаливую любовь.
Разве молчуны всегда правдивы?
Лгут ведь часто и без лишних слов!

Чувства могут при словах отсутствовать,
Может быть и все наоборот.
Ну а если говорить и чувствовать?
Разве плохо говорить и чувствовать?
Разве сердце этого не ждет?

Что для нас лимон без аромата?
Витамин, не более того.
Что такое небо без заката?
Что без песен птица? Ничего!

Пусть слова сверкают золотинками,
И не год, не два, а целый век!
Человек не может жить инстинктами,
Человек – на то и человек!

И уж коль действительно хотите,
Чтоб звенела счастьем голова,
Ничего-то в сердце не таите,
Говорите, люди, говорите
Самые хорошие слова!

1970 г.

ВЕРОНИКЕ ТУШНОВОЙ И АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ

*Сто часов счастья,
чистейшего, без обмана...
Сто часов счастья!
Разве этого мало?*

В. Тушнова

Я не открою, право же, секрета,
Коль гляну в ваши трепетные дни.
Вы жили как Ромео и Джульетта,
Хоть были втрое старше, чем они.

Но разве же зазорна иль позорна
В усталом сердце брызнувшая новь?!
Любви и впрямь «все возрасты покорны»,
Когда придет действительно любовь!

Бывает так: спокойно, еле-еле
Живут, как дремлют в зиму и жару.
А вы избрали счастье. Вы не тлели,
Вы горячо и радостно горели,
Горели, словно хворост на ветру,

Пускай бормочет зависть, обозлясь,
И сплетня вслед камнями швыряет.
Вы шли вперед, ухабов не страшась,
Ведь незаконна в мире только грязь,
Любовь же «незаконной» не бывает!

Дворец культуры. Отшумевший зал.
И вот мы трое, за крепчайшим чаем.
Усталые, смеемся и болтаем.
Что знал тогда я? Ничего не знал.

Но вслушивался с легким удивленьем,
Как ваши речи из обычных слов
Вдруг обретали новое значенье,
И все – от стен до звездного круженья –
Как будто говорило про любовь!

Да так оно, наверное, и было.
Но дни у счастья, в общем, коротки.
И, взмыв в зенит и исчерпав все силы,
Она, как птица, первой заплатила
За «сто часов» блаженства и тоски...

А в зимний вечер, может, годом позже
Нас с ним столкнул людской водоворот.
И, сквозь беседу, ну почти что кожей
Я чувствовал: о, как же не похожи
Два человека – нынешний и тот.

Всегда горячий, спорщик и боец,
Теперь, как в омут, погруженный в лихо,
Брел как во сне, потерянный и тихий,
И в сердце вдруг, как пуля: «Не жилец!..»

Две книги рядом в комнатной тиши...
Как два плеча, прижатые друг к другу.
Две нежности, два сердца, две души,
И лишь любовь одна, как море ржи,
И смерть одна, от одного недуга...

Но что такое смерть или бессмертье?!
Пусть стали тайной и она, и он,
И все же каждый верен и влюблен
И посейчас, и за чертою смерти!

Две книги рядом, полные тепла,
Где в жилах строк – упругое биенье.
Две книги рядом, будто два крыла,
Земной любви – живое продолженье.

Я жал вам руки дружески не раз,
Спеша куда-то в городском трезвоне,
И вашу боль, и бури ваших глаз –
Все ваше счастье, может, в первый раз,
Как самородок, взвесил на ладони.

И коль порой устану от худого,
От чьих-то сплетен или мелких слов,
Махну рукой и отвернусь сурово.
Но лишь о вас подумаю, как снова
Готов сражаться насмерть за любовь!

1973 г.

Наша жизнь – как фонарика узкий свет.
А от лучика влево и вправо –
Темнота: миллионы безмолвных лет...
Все, что было до нас и придет вослед,
Увидать не дано нам, право.

Хорошо б лет на тысячу растянуть
Время каждого поколенья,
Вот тогда получился бы путь как путь,
А не наше одно мгновенье!

Но Судьба усмехнулась бы: «Для чего
Вы мечтами себя тревожите,
Если даже мгновенья-то одного
Часто толком прожить не можете!»

1975 г.

РАЗНЫЕ СВОЙСТВА

Заяц труслив, по труслив оттого,
Что вынужден жить в тревоге,
Что нету могучих клыков у него,
А все спасение – ноги.

Волк жаден скорее всего потому,
Что редко бывает сытым,
А зол оттого, что, наверно, ему
Не хочется быть убитым.

Лисица хитрит и дурачит всех
Тоже не без причины:
Чуть зазевалась – и все! Твой мех
Уже лежит в магазине.

Щука жестоко собратьев жрет,
Но сделайте мирными воды,
Она кверху брюхом тотчас всплывет
По всем законам природы.

Меняет окраску хамелеон
Бессовестно и умело.
– Пусть буду двуличным, – решает он. –
Зато абсолютно целым.

Деревья глушат друг друга затем,
Что жизни им нет без света.
А в поле, где солнца хватает всем,
Друг к другу полны привета.

Змея премерзко среди травы
Ползает, пресмыкается.
Она б, может, встала, но ей, увы,
Ноги не полагаются...

Те – жизнь защищают. А эти – мех.
Тот бьется за лучик света.
А вот – человек. Он сильнее всех!
Ему-то зачем все это?

1968 г.

ДРУГ БЕЗ ДРУГА У НАС ПОЛУЧАЕТСЯ ВСЕ...

Друг без друга у нас получается все
В нашем жизненном трудном споре.
Все свое у тебя, у меня все свое,
И улыбки свои, и горе.

Мы премудры: мы выход в конфликтах нашли
И, вчерашнего дня не жалея,
Вдруг решили и новой дорогой пошли,
Ты своею пошла, я – своею.

Все привольно теперь: и дела, и житье,
И хорошие люди встречаются.
Друг без друга у нас получается все.
Только счастья не получается...

1980 г.

ТЫ ДАЖЕ НЕ ЗНАЕШЬ

Когда на лице твоём холод и скука,
Когда ты живешь в раздраженье и споре,
Ты даже не знаешь, какая ты мука,
И даже не знаешь, какое ты горе.

Когда ж ты добрее, чем синь в поднебесье,
А в сердце и свет, и любовь, и участие,
Ты даже не знаешь, какая ты песня,
И даже не знаешь, какое ты счастье!

1984 г.

«ВЕРХОВНЫЙ СУД»

Я окончил новые стихи,
Только в сердце – никакого счастья.
За какие новые грехи
Буду взыскан я «верховой властью»?

Вот она к машинке подойдет,
Вынет лист. Потом, за словом слово,
Трижды все внимательно прочтет
И затем произнесет сурово:

– Любопытно было бы узнать,
Кто эта загадочная дама,
Что тебя жестоко и упрямо
Столько лет заставила страдать?

– Нет, – скажу я, – что ты, дорогая!
Не меня, героя моего.
– Вот, вот, вот! Выходит, ничего
Я уже в стихах не понимаю?

Вон, смотри: в предутреннюю рань
Героиня над письмом склонилась.
Кто эта бессовестная дрянь?
И к кому душою устремилась?!

– Да пойми, что это же не я.
Просто людям вздумалось влюбляться...
– Я – не я и лошадь не моя?
Полно! Хватит, друг мой, завираться! –

И вздохнет загадочно и хмуро:
– Весь сюжетец для отвода глаз!
Я ж прекрасно знаю эту дуру,
Слава богу, видела не раз!

– Кто она? Откуда и какая?
Я могу поклясться хоть венцом!..
-А такая, милый, а такая –
С самым пренахальнейшим лицом! –

Я вскипаю: – Спор наш, как для рынка!
Ты же не больна и не пьяна!
– Не пьяна. Но если я жена,
То отнюдь не значит, что кретинка. –

И вот так мы можем препираться
Год, и два, и до последних дней.
Что мне делать с лирикой моей?!
И куда несчастному податься?!

Может, вправду, как иную веру,
Выбрать новый и спокойный путь
И, забросив лирику, шагнуть
В детскую поэзию, к примеру?

Только кто мне все же поручится,
Что жена, сощуря мудрый глаз,
Не вздохнет: – Задумал притвориться?
Я ведь знаю, кто эта лисица,
И встречала дрянь эту не раз!

1991 г.

СУДЬБЫ И СЕРДЦА

Ее называют «брошенная»,
«Оставленная», «забытая».
Звучит это как «подкошенная»,
«Подрезанная», «подбитая».

Раздоры – вещи опасные,
А нравы у жизни строги:
Ведь там, где все дни ненастные,
А взгляды и вкусы разные,
То разные и дороги.

Мудрейшая в мире наука
Гласит, что любви не получится,
Где двое мучат друг друга
И сами все время мучатся.

Сейчас выяснять бессмысленно,
Кто прав был в их вечном споре.
Счастье всегда таинственно,
Зато откровенно горе.

А жизнь то казнит, то милует,
И вот он встретил другую:
Не самую молодую,
Но самую, видно, милую.

Должно быть, о чем мечталось,
То и сбылось. Хоть все же
Любимая оказалась
С судьбою нележкой тоже.

И вот он, почти восторженный,
Душой прикипел влюбленной
К кем-то когда-то брошенной,
Обманутой, обделенной.

И странно чуть-чуть и славно:
Была для кого-то лишнею,
А стала вдруг яркой вишнею,
Любимой и самой главной!

А с первою, той, что в раздоре,
Кто может нам поручиться,
Что так же все не случится
И счастье не встретит вскоре?!

Покажутся вдруг невзгоды
Далекими и смешными,
И вспыхнут и станут годы
Празднично-золотыми.

Ведь если сквозь мрак, что прожит,
Влетает к нам сноп рассвета,
То женщин ненужных нету,
Нету и быть не может!

И пусть хоть стократно спрошенный,
Стократно скажу упрямо я:
Что женщины нету брошенной,
Есть просто еще не найденная.

Не найденная, не встреченная,
Любовью большой не замеченная.
Так пусть же, сметя напасти,
Быстрее приходит счастье!

1983 г.

РОССИИ

Ты так всегда доверчива, Россия,
Что, право, просто оторопь берет.
Еще с времен Тимура и Батыея
Тебя, хитря, терзали силы злые
И грубо унижали твой народ.

Великая трагедия твоя
Вторично в мире сыщется едва ли:
Ты помнишь, как удельные князья,
В звериной злобе, отчие края
Врагам без сожаленья предавали?!

Народ мой добрый! Сколько ты страдал
От хитрых козней со своим доверьем!
Ведь Рюрика на Русь никто не звал.
Он сам с дружиной Новгород подмял
Посулами, мечом и лицемерьем!

Тебе ж внушали испокон веков,
Что будто сам ты, небогат умами,
Слал к Рюрику с поклонами послов:
«Идите, княже, владейте нами!»

И как случилось так, что триста лет
После Петра в России на престоле, –
Вот именно, ведь целых триста лет! –
Сидели люди, в ком ни капли нет
Ни русской крови, ни души, ни боли!

И сколько раз среди смертельной мглы
Навек ложились в Альпах ли, в Карпатах
За чью-то спесь и пышные столы
Суворова могучие орлы,
Брусилова бесстрашные солдаты.

И в ком, скажите, сердце закипело?
Когда тебя, лишая всякой воли,
Хлыстами крепостничества пороли,
А ты, сжав зубы, каменно терпела?

Когда ж, устав от захребетной гнили,
Ты бунтовала гневно и сурово,
Тебе со Стенькой голову рубили
И устрашали кровью Пугачева.

В семнадцатом же тяжкие загадки
Ты, добрая, распутать не сумела:
С какую целью и за чьи порядки
Твоих сынов столкнули в смертной схватке,
Разбив народ на «красных» и на «белых»?!

Казалось: цели – лучшие на свете:
«Свобода, братство, равенство труда!»
Но все богатыри просты, как дети,
И в этом их великая беда.

Высокие святые идеалы
Как пыль смело коварством и свинцом,
И все свободы смяло и попрало
«Отца народов» твердым сапогом.

И все же, все же, много лет спустя
Ты вновь зажглась от пламени плакатов,
И вновь ты, героиня и дитя,
Поверила в посулы «демократов».

А «демократы», господи прости,
Всего-то и умели от рожденья,
Что в свой карман отчаянно грести
И всех толкать в пучину разоренья.

А что в недавнем прошлом, например?
Какие честь, достоинство и слава?
Была у нас страна СССР –

Великая и гордая держава.

Но ведь никак же допустить нельзя,
Чтоб жить стране без горя и тревоги!
Нашлись же вновь «удельные князья»,
А впрочем, нет! Какие там «князья»!

Сплошные крикуны и демагоги!
И как же нужно было развалить
И растащить все силы и богатства,
Чтоб нынче с ней не то что говорить,
А даже и не думают считаться!

И сколько ж нужно было провести
Лихих законов, бьющих злее палки,
Чтоб мощную державу довести
До положенья жалкой приживалки!

И, далее уже без остановки,
Они, цинично попирая труд,
К заморским дядям тащат и везут
Леса и недра наши по дешевке!

Да, Русь всегда доверчива. Все так.
Но сколько раз в истории случилось,
Как ни ломал, как ни тиранил враг,
Она всегда, рассеивая мрак,
Как птица Феникс, снова возрождалась!

А если так, то, значит, и теперь
Все непременно доброе случится,
И от обид, от горя и потерь
Россия на куски не разлетится!

И грянет час, хоть скорый, хоть не скорый,
Когда Россия встанет во весь рост.
Могучая, от недр до самых звезд
И сбросит с плеч деляческие своры!

Подымет к солнцу благодарный взор,
Сквозь искры слез, взволнованный и чистый,
И вновь обнимет любящих сестер,
Всех, с кем с недавних и недобрых пор
Так злобно разлучили шовинисты!

Не знаю, доживем мы или нет
До этих дней, мои родные люди,
Но твердо верю: загорится свет,
Но точно знаю: возрожденье будет!

Когда наступят эти времена?
Судить не мне. Но разлетятся тучи!
И знаю твердо: правдой зажжена,
Еще предстанет всем моя страна
И гордой, и великой, и могучей!

1993 г.

МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИ

В промозглую и злую непогоду,
Когда ложатся под ветрами ниц
Кусты с травой. Когда огонь и воду
Швыряют с громом тучи с небосвода,
Мне жаль всегда до острой боли птиц...

На крыши, на леса и на проселки,
На горестно поникшие сады,
Где нет сухой ни ветки, ни иголки,
Летит поток грохочущей воды.

Все от стихии прячется в округе:
И человек, и зверь, и дажемышь.
Укрыт надежно муравей. И лишь
Нет ничего у крохотной пичуги.

Гнездо? Смешно сказать! Ну разве дом –
Три ветки наподобие розетки!
И при дожде, ей-богу, в доме том
Ничуть не суше, чем на всякой ветке!

Они к птенцам всей грудкой прижимаются,
Малюсенькие, легкие, как дым,
И от дождя и стужи заслоняются
Лишь перьями да мужеством своим.

И как представить даже, что они
Из райских мест, сквозь бури и метели,
Семь тысяч верст и ночи все, и дни
Сюда, домой, отчаянно летели!

Зачем такие силы были отданы?
Ведь в тех краях – ни холода, ни зла,
И пищи всласть, и света, и тепла,
Да, там есть все на свете... кроме родины...

Суть в том, без громких слов и укоризны,
Что, все порой исчерпав до конца,
Их маленькие, честные сердца
Отчизну почитают выше жизни.

Грохочет бурей за окошком ночь,
Под ветром воду скручивая туго,
И что бы я не отдал, чтоб помочь
Всем этим смелым крохотным пичугам!

Но тьма уйдет, как злобная старуха,
Куда-то в черный и далекий лес,
И сгинет гром, поварчивая глухо,
А солнце брызнет золотом с небес.

И вот, казалось, еле уцелев,
В своих душонках маленьких пичуги
Хранят не страх, не горечь и не гнев,
А радость, словно сеятель посеяв,
Как искры звонко сыплют по округе!

Да, после злой ревущей черноты,
Когда живым-то мудрено остаться,
Потокам этой светлой доброты
И голосам хрустальной чистоты,
Наверно, можно только удивляться!

Гремит, звенит жизнелюбивый гам!
И, может быть, у этой крохи-птицы
Порой каким-то стоящим вещам
Большим и очень сильным существам
Не так уж плохо было б поучиться...

1993 г.

ИМЕНЕМ СОВЕСТИ

Какие б ни грозили горести
И где бы ни ждала беда,
Не поступайся только совестью
Ни днем, ни ночью, никогда!

И сколько б ни манила праздными
Судьба тропинками в пути,
Как ни дарила бы соблазнами –
Взгляни на все глазами ясными
И через совесть пропусти.

Ведь каждый, ну буквально каждый,
Коль жить пытался похитрей,
Встречался в жизни не однажды
С укором совести своей.

В любви для ласкового взгляда
Порой так хочется солгать,
А совесть морщится: – Не надо! –
А совесть требует молчать.

А что сказать, когда ты видишь,
Как губят друга твоего?!
Ты все последствия предвидишь,
Но не предпримешь ничего.

Ты ищешь втайне оправданья,
Причины, веские слова,
А совесть злится до отчаянья:
– Не трусь, покуда я жива!

Живет она и в час, когда ты,
Решив познать иную новь,
Бездумно или виновато,
Как пса бездомного куда-то,

За двери выставишь любовь.

Никто тебе не помешает,
И всех уверишь, убедишь,
А совесть глаз не опускает,
Она упрямо уличает
И шепчет: – Подлое творишь!

Стоит она перед тобою
И в час, когда, войдя во вкус,
Ты вдруг задумаешь порою
Урвать не самый честный кус.

Вперед! Бери и не робей!
Ведь нет свидетельского взгляда!
А совесть сердится: – Не надо! –
А совесть требует: – Не смей!

Мы вправе жить не по приказу
И выбирать свои пути.
Но против совести ни разу,
Вот тут хоть режьте, скажем сразу,
Нельзя, товарищи, идти!

Нельзя ни в радости, ни в горести,
Ни в зной и ни в колючий снег.
Ведь человек с погибшей совестью
Уже никто. Не человек!

1976 г.

АПТЕКА СЧАСТЬЯ

(Шутка)

Сегодня – кибернетика повсюду.
Вчерашняя фантастика – пустяк!
А в будущем какое будет чудо?
Конечно, точно утверждать не буду,
Но в будущем, наверно, будет так:

Исчезли все болезни человека.
А значит, и лекарства ни к чему!
А для духовных радостей ему
Открыт особый магазин-аптека.

Какая б ни была у вас потребность
Он в тот же миг откликнуться готов:
– Скажите, есть у вас сегодня нежность?
– Да, с добавленьем самых теплых слов!

– А мне бы счастья, бьющего ключом!
– Какого вам: на месяц? на года?
– Нет, мне б хотелось счастья навсегда!
– Такого нет. Но через месяц ждем!

– А я для мужа верности прошу!
– Мужская верность? Это, право, сложно...
Но ничего. Я думаю, возможно.
Не огорчайтесь. Я вам подыщу.

– А мне бы капель трепета в крови.
Я – северянин, человек арктический.
– А мне – флакон пылающей любви
И полфлакона просто платонической!

– Мне против лжи нельзя ли витамин?
– Пожалуйста, и вкусен, и активен!
– А есть для женщин «Антиговорин»?

– Есть. Но пока что малоэффективен...

– А покоритель сердца есть у вас?

– Да. Вот магнит. Его в кармашке носят.

Любой красавец тут же с первых фраз

Падет к ногам и женится на вас

Мгновенно. Даже имени не спросит.

– А есть «Антискандальная вакцина»?

– Есть, в комплексе для мужа и жены:

Жене – компресс с горчицей, а мужчине

За час до ссоры – два укола в спину

Или один в сидячую часть спины...

– Мне «Томный взгляд» для глаз любого цвета!

– Пожалуйста! По капле перед сном.

– А мне бы страсти...

– Страсти – по рецептам!

Страстей и ядов так не выдаем!

– А мне вон в тех коробочках хотя бы,

«Признания в любви»! Едва нашла!

– Какое вам: со свадьбой иль без свадьбы?

– Конечно же, признание со свадьбой.

Без свадьбы хватит! Я уже брала!..

– А как, скажите, роды облегчить?

– Вот порошки. И роды будут гладки.

А вместо вас у мужа будут схватки.

Вы будете рожать, а он – вопить.

Пусть шутка раздувает паруса!

Но в жизни нынче всюду чудеса!

Как знать, а вдруг еще при нашем веке

Откроются такие вот аптеки?!

МНЕ ТАК ВСЕГДА ХОТЕЛОСЬ ВЕРИТЬ В БОГА

Мне так всегда хотелось верить в Бога!
Ведь с верой легче все одолевать:
Болезни, зло, и если молвить строго,
То в смертный час и душу отдавать...

В церквах с покрытых золотом икон,
Сквозь блеск свечей и ладан благовонный
В сиянии нимба всемогущий ОН
Взирал на мир печальный и спокойный.

И вот, кого ОН сердцем погружал
В святую веру с лучезарным звоном,
Торжественно и мудро объяснял,
Что мир по Божьим движется законам.

В Его руце, как стебельки травы, –
Все наши судьбы, доли и недоли.
Недаром даже волос с головы
Упасть не может без Господней воли!

А если так, то я хочу понять
Первопричину множества событий:
Стихий, и войн, и радостных открытий,
И как приходят зло и благодать?

И в жажде знать все то, что не постиг,
Я так далек от всякого кощунства,
Что было б, право, попросту безумство
Подумать так хотя бы и на миг.

Он создал весь наш мир. А после всех –
Адама с Евой, как венец созданья.
Но, как гласит Священное писанье,
Изгнал их вон за первородный грех.

Но если грех так тягостен Ему,
Зачем ОН сам их создал разнополюми
И поселил потом в Эдеме голыми?
Я не шучу, я просто не пойму.

А яблоко в зелено-райской куще?
Миф про него – наивней, чем дитя.
Ведь ОН же всеблагод и всемогущий,
Все знающий вперед и вездесущий
И мог все зло предотвратить шутя.

И вновь и вновь я с жаром повторяю,
Что здесь кощунства не было и нет.
Ведь я мечтал и до сих пор мечтаю
Поверить сердцем в негасимый свет.

Мне говорят: – Не рвись быть слишком умным,
Пей веру из Божественной реки. –
Но как, скажите, веровать бездумно?
И можно ль верить смыслу вопреки?

Ведь если это правда, что вокруг
Все происходит по Господней воле,
Тогда откуда в мире столько мук
И столько горя в человеческой доле?

Когда нас всех военный смерч хлестал
И люди кров и головы теряли,
И гибли дети в том жестоком шквале,
А ОН все видел? Знал и позволял?

Ведь «Волос просто так не упадет...»
А тут-то разве мелочь? Разве волос?
Сама земля порой кричала в голос
И корчился от муки небосвод.

Слова, что это – кара за грехи,
Кого всерьез, скажите, убедили?
Ну хорошо, пусть взрослые плохи,

Хоть и среди них есть честны и тихи,
А дети? Чем же дети нагрешили?

Кто допускал к насилью палачей?
В чью пользу было дьявольское сальдо,
Когда сжигали заживо детей
В печах Треблинки или Бухенвальда?!

И я готов, сто раз готов припасть
К ногам того мудрейшего святого,
Кто объяснит мне честно и толково,
Как понимать Божественную власть?

Любовь небес и – мука человечья.
Зло попирает грубо благодать.
Ведь тут же явно есть противоречье,
Ну как его осмыслить и понять?

Да вот хоть я. Что совершал я прежде?
Какие были у меня грехи?
Учился, дрался, сочинял стихи,
Порой курил с ребятами в поезде.

Когда ж потом в трагическую дату
Фашизм занес над Родиною меч,
Я честно встал, чтоб это зло пресечь,
И в этом был священный долг солдата.

А если так, и без Всевышней воли
И волос с головы не упадет,
За что тогда в тот беспощадный год
Была дана мне вот такая доля?

Свалиться в двадцать в черные лишенья,
А в небе – все спокойны и глухи,
Скажите, за какие преступленья?
И за какие смертные грехи?!

Да, раз выходит, что без Высшей воли

Не упадет и волос с головы,
То тут права одна лишь мысль, увы,
Одна из двух. Одна из двух, не боле:

ОН добр, но слаб и словно бы воздушен
И защитит не в силах никого.
Или жесток, суров и равнодушен,
И уповать нелепо на Него!

Я в Бога так уверовать мечтаю
И до сих пор надежду берегу.
Но там, где суть вещей не понимаю –
Бездумно верить просто не могу.

И если с сердца кто-то снимет гири
И обрету я мир и тишину,
Я стану самым верующим в мире
И с веры той вовеки не сверну!

1991 г.

ГРЕХИ ЧЕЛОВЕЧЬИ, ИЛИ КТО ВИНОВАТ?

Мысль о том, что нельзя никогда грешить,
Знают все континенты и все народы.
Это так. Но, однако, пора спросить:
Почему же так нравится всем грешить?

И так странно устроен закон природы?
Вот, к примеру: грешно ли курить табак?
Да, курение – зло. В этом нет сомненья!
Но тогда почему кто-то сделал так,
Что куренье приятнее некуренья?

Ну, а хмель? Это чуть ли не сатана!
Это – грех и опасность ого какая!
А Природа – нам мать! Почему ж она
Все устроила так, что стакан вина
Нам намного приятней стакана чая?

Ну, а что до любви и ее утех,
Так ведь мы чуть не с юности понимаем,
Что как раз вот за этот-то самый грех
Наши предки навеки расстались с раем.

Ну, а кто изобрел эти все наслажденья?
Не Природа ли с мудрой своей главой?
И вели она, только махни рукой –
Все на секс бы взирали почти с презреньем.

Ведь понятно, что, если блаженства нет –
Не нужны ни объятия, ни поцелуи.
И ослабь, скажем, дама на миг корсет –
Кавалеры кидались бы врассыпную!

Шутка – шуткой. Но если всерьез сказать,
То Природа сама нам вручила страсти.
Значит, это в ее абсолютно власти:

Что позволить нам всем и чего не дать?!

Ужас в том, что едва ли не навсегда
Плюс и минус смешались невероятно.
Ведь грешить почему-то всегда приятно,
А творить благородное – скукота.

Мы творим только то, что дано творить,
Ибо мы у Природы всего лишь дети.
Ну, а если грешим мы порой на свете,
То кого же за эти грехи винить?!

1994 г.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Верить можно лишь в то, что всегда понятно.
В непонятное как же возможно верить?
Непонятное, правда, порой занятно,
Только все-таки это – глухие двери.

Вот никак не пойму: почему, зачем
Божьим силам угоден лишь раб скорбящий,
Раб, повсюду о чем-то всегда молящий,
Уступающий в страхе всегда и всем?

Отчего возвеличен был в ранг святого
Тот, кто где-нибудь схимником век влачил,
Кто постами себя изнурял сурово
И в молитвах поклоны бессчетно бил?

Он не строил домов, не мостил дороги,
Он не сеял хлебов, не растил детей
И за чьи-либо горести и тревоги
Не платился в борьбе головой своей.

Он молился. Все правильно. Но молиться
Много легче, чем молотом в кузне бить,
Плавить сталь иль сосны в тайге валить.
Нет, молиться – не в поте лица трудиться!

Но в святые возвысили не того,
Кто весь век был в труде и соленой влаге,
А того, не свершившего ничего
И всю жизнь говорившего лишь о благе.

И правдиво ль Писание нам гласит,
Что повсюду лишь тот и отмечен Богом,
Кто склоняется ниц пред Его порогом
И в молитвах Ему постоянно льстит?!

Бог – есть Бог. Он не может быть людям равным,
Уподобясь хоть в чем-нибудь их судьбе.
Разве может он быть по-людски тщеславным
И вдыхать фимиам самому себе?!

И оттуда – из гордого великолепия
Я не верю тому, что в людских глазах
С удовольствием видит ОН Божий страх
И униженно-жалкое раболепье!

И никак не могу я постичь душой,
Почему и в былом, и при нашем времени
Жизнь мерзавцев, как правило, – рай земной,
А порядочным – вечно щелчки по темени?!

И коль ведомо Богу всегда о том,
Что свершится у нас на земле заране,
Почему ОН не грянет святым огнем
По жулью, подлецам и по всякой дряни?!

Да, согласен: ОН есть. Но иной, наверно,
И не все, может статься, в Его руках,
Значит, биться со всем, что черно и скверно,
Надо нам. Нам самим, на свой риск и страх.

Да и надо ль, чтоб лезли в глаза и уши
Жар свечей, песнопенья и блеск кадил?
Бог не жаждет торжеств, не казнит, не рушит.
Пусть Он вечно живет только в наших душах,
Где учил бы труду и любви учил.

Жить по совести – это и есть – прекрасно.
И действительно честным не слыть, а быть,
И со всякой нечистью биться страстно –
Вот такое мне очень и очень ясно,
И такому я вечно готов служить!

ЗДРАВСТВУЙ, ГОРОД ОДИНЦОВО! **Александрю Гладышеву**

Мой друг! И вблизи, и в любой дали
Запомни хорошее, звонкое слово:
Есть город под небом Московской земли
С лирическим именем – Одинцово.

Зимою в снегах, а весной в листве,
С лугами, рекой и сосновым бором
Стоит он, спиной прислонясь к Москве,
И смотрит на запад спокойным взором.

В историю вписано красной строкой,
Как правил в Москве по велению сердец
Надежда отечества – Дмитрий Донской,
И был у него всегда под рукой
Любимый боярин Андрей Одинец.

И вот за любовь и за то, что ни разу
Не гнул пред врагами в боях головы,
Пожалован был он великим князем
Деревней на западе от Москвы.

А грамота князя и мудрое слово
Вовек нерушимы. На том конец!
И если хозяин селу Одинец,
То, значит, и зваться ему – Одинцово!

И двинулось дело упрямо в рост
При жизни достойнейшей и неброской.
Процесс этот сложен, и мудр, и прост,
И вот Одинцово – уже форпост
Упорства и славы земли Московской!

Припомните: смуту и боль земли
В страстях и пожарах, как в лютой пасти,

Когда вдруг Лжедмитрии к нам пришли
Под стягами польско-литовской власти.

Но долго ль царить на земле моей
Могли те поляки и те литовцы?!
Гнев бурно прошел по России всей,
И первыми стали их гнать взашей
Все те же отважные одинцовцы!

И слово «форпост» не трезвон, а суть,
Тут воля, стоящая непреклонно.
Припомните: где заступили путь
Безжалостным ордам Наполеона?!

Да, здесь, как седьмой, как девятый вал,
Лупили врагов всех мастей и видов
То Дорохов – доблестный генерал,
А то легендарный Денис Давыдов!

И, прежде чем встретить у Бородино,
Стремилась вот здесь днем и ночью биться
И вдрызг ощипали ту злую птицу
С когтями железными заодно!

И, видя всем сердцем насквозь французов,
Под немощью пряча свой острый ум,
Сидел здесь над планами сам Кутузов,
Исполненный гордо-высоких дум!

А раньше, предвидя, быть может, пушки
И подлости пылкой душой грозя,
В Захарове юный великий Пушкин
Писал свои вирши, перо грызя.

Шли годы. И вот, как по злему слову,
Фашизм свой стальной обнажил оскал.
Он яростно пер. Он гремел, но встал
Вот тут – возле подступов к Одинцову!

Да, встал. И уже – ни фанфар, ни трюков,
Ни даже случайных побед хотя б!
Не зря ж учредил здесь свой главный штаб
Победоносный Георгий Жуков!

И пусть все успехи еще далеки,
Но в сердце победы уже отмечены
Отсюда: с полоски Москвы-реки
До Эльбы и Одера, до неметчины!

Торопится время за годом год
С проблемами, спорами, вдохновеньем,
Живет в Одинцове живой народ,
Готовый к труду и любым сраженьям.

А как же иначе?! Ведь всякий год
Тут рядом отважники и отличники:
С бесстрашным танкистом – лихой пилот,
А возле ракетчиков – пограничники.

А мирные жители? Вновь и вновь
Скажу: жизнь звенит! И добавлю снова:
Кто верует в искренность и любовь –
Прошу вас пожаловать в Одинцово!

И в праздничный день мы поднимем тост
За совесть, за правду и ветер хлесткий,
За город бесстрашия. За форпост
Свободы и славы земли Московской!

1 июня 1997 г. Москва

СПАСИБО

За битвы, за песни, за все дерзания
О, мой Севастополь, ты мне, как сыну,
Присвоил сегодня высокое звание
Почетного гражданина.

Мы спаяны прочно, и я говорю:
Той дружбе навеки уже не стереться.
А что я в ответ тебе подарю?
Любви моей трепетную зарю
И всю благодарность сердца!

Пусть годы летят, но в морском прибое,
В горячих и светлых сердцах друзей,
В торжественном мужестве кораблей,
В листве, что шумит над Сапун-горою,

И в грохоте музыки трудовой,
И в звоне фанфар боевых парадов
Всегда будет жить, Севастополь мой,
Твой друг и поэт Эдуард Асадов!

1989 г.

ДУМА О СЕВАСТОПОЛЕ

Я живу в Севастополе. В бухте Омега,
Там, где волны веселые, как дельфины,
На рассвете, устав от игры и бега,
Чуть качаясь, на солнышке греют спины...

Небо розово-синим раскрылось зонтом,
Чайки, бурно крича, над водой снуют,
А вдали, пришвартованы к горизонту,
Три эсминца и крейсер дозор несут.

Возле берега сосны, как взвод солдат,
Чуть качаясь, исполнены гордой пластики,
Под напористым бризом, построясь в ряд,
Приступили к занятию по гимнастике.

Синева с синевой на ветру сливаются,
И попробуй почувствовать и понять,
Где небесная гладь? Где морская гладь?
Все друг в друге практически растворяется.

Ах, какой нынче добрый и мирный день!
Сколько всюду любви, красоты и света!
И когда упадет на мгновенье тень,
Удивляешься даже: откуда это?!

Вдруг согласишься, что было вот так всегда.
И, на мужестве здесь возведенный, город
Никогда не был злобною сталью вспорот
И в пожарах не мучился никогда.

А ведь было! И песня о том звенит:
В бурях войн, в свистопляске огня и стали
Здесь порой даже плавился и гранит,
А вот люди не плавилась. И стояли!

Только вновь встал над временем монолит –
Нет ни выше, ни тверже такого взлета.
Это стойкость людская вошла в гранит,
В слово Честь, что над этой землей звенит,
В каждый холм и железную волю флота!

Говорят, что отдавшие жизнь в бою
Спят под сенью небес, навсегда немые,
Но не здесь! Но не в гордо-святом краю!
В Севастополе мертвые и живые,
Словно скалы, в едином стоят строю!

А пока тихо звезды в залив глядят,
Ветер пьян от сирени. Теплынь. Экзотика!
В лунных бликах цикады, снуя, трещат,
Словно гномы, порхая на самолетиках...
Вот маяк вперил вдаль свой циклопий взгляд...

А в рассвете, покачивая бортами,
Корабли, словно чудища, важно спят,
Тихо-тихо стальными стуча сердцами...
Тополя возле Графской равняют строй,
Тишина растекается по бульварам.

Лишь цветок из огня над Сапун-горой
Гордо тянется в небо, пылая жаром.
Патрули, не спеша, по Морской протопали,
Тают сны, на заре покидая люд...

А над клубом матросским куранты бьют
Под звучание гимна о Севастополе.
А в Омеге, от лучиков щуря взгляд,
Волны, словно ребята, с веселым звоном,
С шумом выбежав на берег под балконом,
Через миг, удирая, бегут назад.

Да, тут слиты бесстрашие с красотой,
Озорной фестиваль с боевой тревогой.
Так какой это город? Какой, какой?

Южно-ласковый или сурово-строгий?

Севастополь! В рассветном сияньи ночи,
Что ответил бы я на вопрос такой?
Я люблю его яростно, всей душой,
Значит, быть беспристрастным мне трудно очень.

Но, однако, сквозь мрак, что рассветом вспорот,
Говорю я под яростный птичий звон:
Для друзей, для сердец бескорыстных он
Самый добрый и мирный на свете город!

Но попробуй оскаль свои зубы враг –
И забьются под ветром знамена славы!
И опять будет все непременно так:
Это снова и гнев, и стальной кулак,
Это снова твердыня родной державы!

1994 г.

ЭДЕЛЬВЕЙС (Лирическая баллада)

Ботаник, вернувшийся с южных широт,
С жаром рассказывал нам
О редких растениях горных высот,
Взбегающих к облакам.

Стоят они гордо, хрустально чисты,
Как светлые шапки снегов.
Дети отчаянной высоты
И дикого пеня ветров.

В ладонях ботаника – жгучая синь,
Слепящее солнце и вечная стынь
Качаются важно, сурово.
Мелькают названия – сплошная латынь –

Одно непонятней другого.
В конце же сказал он: – А вот эдельвейс,
Царящий почти в облаках.
За ним был предпринят рискованный рейс,
И вот он в моих руках!

Взгляните: он блещет, как горный снег,
Но то не просто цветок.
О нем легенду за веком век
Древний хранит Восток.

Это волшебник. Цветок-талисман.
Кто завладеет им,
Легко разрушит любой обман
И будет от бед храним.

А главное, этот цветок таит
Сладкий и жаркий плен:
Тот, кто подруге его вручит,

Сердце возьмет взамен. –

Он кончил, добавив шутливо: – Ну вот,
Наука сие отрицает,
Но если легенда веками живет,
То все-таки, кто его знает?..

Ботаника хлопали по плечам,
От шуток гудел кабинет:
– Теперь хоть экзамен сдавай по цветам!
Да ты не ученый – поэт!

А я все думал под гул и смех:
Что скажет сейчас она?
Та, что красивей и тоньше всех,
Но так всегда холодна.

Так холодна, что не знаю я,
Счастье мне то иль беда?
Вот улыбнулась: – Это, друзья,
Мило, но ерунда... –

В ночи над садами звезды зажглись,
А в речке темным-темно...
Толкаются звезды и, падая вниз,
С шипеньем идут на дно.

Ветер метет тополиный снег,
Мятой пахнет бурьян...
Конечно же, глупо: атомный век –
И вдруг цветок-талисман!

Пусть так! А любовь? Ведь ее порой
Без чуда не обрести!
И разве есть ученый такой,
Чтоб к сердцу открыл пути?!

Цветок эдельвейс... Щемящая грусть...
Легенда... Седой Восток...

А что, если вдруг возьму и вернусь
И выпрошу тот цветок?!

Высмеян буду? Согласен. Пусть.
Любой ценой получу!
Не верит? Не надо! Но я вернусь
И ей тот цветок вручу!

Смелее! Вот дом его... поворот...
Гашу огонек окурка,
И вдруг навстречу мне из ворот
Стремительная фигурки!

Увидела, вспыхнула радостью: – Ты!
Есть, значит, тайная сила.
Ты знаешь, он яростно любит цветы,
Но я смогла, упростила...

Сейчас все поймешь... я не против чудес,
Нет, я не то говорю... –
И вдруг протянула мне эдельвейс.
– Вот... Принимай... дарю!

Звездами вспыхнули небеса,
Ночь в заревом огне...
Люди, есть на земле чудеса!
Люди, поверьте мне!

1963 г.

АХ, КАК ЖЕ Я В ДЕТСТВЕ ЛЮБИЛ ПОЕЗДА

Ах, как же я в детстве любил поезда,
Таинственно-праздничные, зеленые,
Веселые, шумные, запыленные,
Спешащие вечно туда-сюда!

Взрослые странны порой бывают.
Они по возможности (вот смешно!)
Верхние полки не занимают,
Откуда так славно смотреть в окно!

Не любят, увы, просыпаться рано,
Не выскочат где-то за пирожком
И не летают, как обезьяны,
С полки на полку одним прыжком.

В скучнейших беседах отводят души,
Ворчат и журят тебя всякий час
И чуть ли не в страхе глядят на груши,
На воблу, на семечки и на квас.

О, как же я в детстве любил поезда
За смех, за особенный чай в стакане,
За то, что в квадрате окна всегда
Прносятся кадры, как на экране.

За рокот колес, что в ночную пору
Баюкают ласковой соловья,
За скорость, что парусом горбит штору,
За все неизведанные края.

Любил за тоску на глухом полустанке:
Шлагбаум, два домика под дождем,
Девчонка худенькая с ведром,
Небо, хмурое спозаранку.

Стог сена, проселок в лесной глуши...
И вдруг как-то сладко вздохнешь всей грудью,
С наивною грустью, но от души:
Неужто же вечно живут здесь люди?!

Любил поезда я за непокой,
За вспышки радости и прощанья,
За трепет вечного ожидания
И словно крылья бы за спиной!

Но годы мелькнули быстрее, чем шпалы,
И сердце, как прежде, чудес не ждет.
Не то поездов уже тех не стало,
Не то это я уж теперь не тот...

Но те волшебные поезда
Умчались. И, кажется, навсегда...

1975 г.

БАЛЛАДА О ДРУГЕ

Когда я слышу о дружбе твердой,
О сердце мужественном и скромном,
Я представляю не профиль гордый,
Не парус бедствия в вихре шторма.

Я просто вижу одно окошко
В узорах пыли или мороза
И рыжеватого щуплого Лешку –
Парнишку-наладчика с «Красной Розы»...

Дом два по Зубовскому проезду
Стоял без лепок и пышных фасадов,
И ради того, что студент Асадов
В нем жил, управдом не белил подъездов.

Ну что же – студент небольшая сошка,
Тут бог жилищный не ошибался.
Но вот для тщедушного рыжего Лешки
Я бы, наверное, постарался!

Под самой крышей, над всеми нами
Жил летчик с нележкой судьбой своей,
С парализованными ногами,
Влюбленный в небо и голубей.

Они ему были дороже хлеба,
Всего вероятнее, потому,
Что были связными меж ним и небом
И синь высоты приносили ему.

А в доме напротив, окошко в окошко,
Меж теткой и кучей рыбацких снастей
Жил его друг – конопатый Лешка,
Красневший при девушках до ушей.

А те, на «Розе», народ языкатый,
Окружат в столовке его порой:
– Алешка, ты что же еще не женатый?
Тот вспыхнет, сразу алей заката,
И брякнет: – Боюсь еще... молодой...

Шутки как шутки, и парень как парень,
Пройди – и не вспомнится никогда.
И все-таки как я ему благодарен
За что-то светлое навсегда!

Каждое утро перед работой
Он к другу бежал на его этаж,
Входил и шутя козырял пилоту:
– Лифт подан. Пожалте дышать на пляж!..

А лифта-то в доме как раз и не было.
Вот в этом и пряталась вся беда.
Лишь «бодрая юность» по лестницам бегала,
Легко, «как по нотам», туда-сюда...

А летчику просто была б хана:
Попробуй в скверик попасть к воротам!
Но лифт объявился. Не бойтесь. Вот он!
Плечи Алешкины и спина!

И бросьте дурацкие благодарности
И вздохи с неловкостью пополам!
Дружба не терпит сентиментальности,
А вы вот, спеша на работу, по крайности,
Лучше б не топали по цветам!

Итак, «лифт» подан! И вот, шагая
Медленно в утренней тишине,
Держась за перила, ступеньки считает:
Одна – вторая, одна – вторая,
Лешка с товарищем на спине...

Сто двадцать ступеней. Пять этажей.

Это любому из нас понятно.
Подобным маршрутом не раз, вероятно,
Вы шли и с гостями и без гостей.

Когда же с кладью любого сорта
Не больше пуда и то лишь раз
Случится подняться нам в дом подчас –
Мы чуть ли не мир посылаем к черту.

А тут – человек, а тут – ежедневно,
И в зной, и в холод: «Пошли, держись!»
Сто двадцать трудных, как бой, ступеней!
Сто двадцать – вверх и сто двадцать – вниз!

Вынесет друга, усадит в сквере,
Шутливо укутает потеплей,
Из клетки вытащит голубей:
– Ну все! Если что, присылай «курьера»!

«Курьер» – это кто-нибудь из ребят.
Чуть что, на фабрике объявляется:
– Алеша, Мохнач прилетел назад!
– Алеша, скорей! Гроза начинается!

А тот все знает и сам. Чутьем.
– Спасибо, курносый, ты просто гений! –
И туча не брызнет еще дождем,
А он во дворе: – Не замерз? Идем! –
И снова: ступени, ступени, ступени...

Пот градом... Перила скользят, как ужи...
На третьем чуть-чуть постоять, отдыхая.
– Алешка, брось ты!
– Сиди, не тужи!.. –
И снова ступени, как рубежи:
Одна – вторая, одна – вторая...

И так не день и не месяц только,
Так годы и годы: не три, не пять,

Трудно даже и сосчитать –
При мне только десять. А после сколько?!

Дружба, как видно, границ не знает,
Все так же упрямо стучат каблуки.
Ступеньки, ступеньки, шаги, шаги...
Одна – вторая, одна – вторая...

Ах, если вдруг сказочная рука
Сложила бы все их разом,
То лестница эта наверняка
Вершиной ушла бы за облака,
Почти не видная глазом.

И там, в космической вышине
(Представьте хоть на немножко),
С трассами спутников наравне
Стоял бы с товарищем на спине
Хороший парень Алешка!

Пускай не дарили ему цветов
И пусть не писали о нем в газете,
Да он и не ждет благодарных слов,
Он просто на помощь прийти готов,
Если плохо тебе на свете.

И если я слышу о дружбе твердой,
О сердце мужественном и скромном,
Я представляю не профиль гордый,
Не парус бедствия в вихре шторма,

Я просто вижу одно окошко
В узорах пыли или мороза
И рыжеватого, щуплого Лешку,
Простого наладчика с «Красной Розы»...

1969 г.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Мама! Тебе эти строки пишу я,
Тебе посылаю сыновний привет,
Тебя вспоминаю, такую родную,
Такую хорошую, слов даже нет!

Читаешь письмо ты, а видишь мальчишку,
Немного лентя и вечно не в срок
Бегущего утром с портфелем под мышкой,
Свистя беззаботно, на первый урок.

Грустила ты, если мне физик, бывало,
Суровою двойкой дневник украшал,
Гордилась, когда я под сводами зала
Стихи свои с жаром ребятам читал.

Мы были беспечными, глупыми были,
Мы все, что имели, не очень ценили,
А поняли, может, лишь тут, на войне:
Приятели, книжки, московские споры, –
Все – сказка, все в дымке, как снежные горы...

Пусть так, возвратимся – оценим вдвойне!
Сейчас передышка. Сойдись у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов,
И где-то по-мирному в гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос кукушки.

За жизнь, за тебя, за родные края
Иду я навстречу свинцовому ветру.
И пусть между нами сейчас километры –
Ты здесь, ты со мною, родная моя!

В холодной ночи, под неласковым небом,
Склонившись, мне тихую песню поешь
И вместе со мною к далеким победам

Солдатской дорогой незримо идешь.

И чем бы в пути мне война ни грозила,
Ты знай, я не сдамся, покуда дышу!
Я знаю, что ты меня благословила,
И утром, не дрогнув, я в бой уйду!

1943 г.

МОЕЙ МАМЕ

Пускай ты не сражалась на войне,
Но я могу сказать без колебания:
Что кровь детей, пролитая в огне,
Родителям с сынами наравне
Дает навеки воинское званье!

Ведь нам, в ту пору молодым бойцам,
Быть может, даже до конца не снилось,
Как трудно было из-за нас отцам
И что в сердцах у матерей творилось.

И лишь теперь, мне кажется, родная,
Когда мой сын по возрасту – солдат,
Я, как и ты десятки лет назад,
Все обостренным сердцем принимаю.

И хоть сегодня ни одно окно
От дьявольских разрывов не трясется,
Но за детей тревога все равно
Во все века, наверно, остается.

И скажем прямо (для чего лукавить?!),
Что в бедах и лишениях грозových,
Стократ нам легче было бы за них
Под все невзгоды головы подставить!

Да только ни в труде, ни на войне
Сыны в перестраховке не нуждались.
Когда б орлят носили на спине,
Они бы в кур, наверно, превращались!

И я за то тебя благодарю,
Что ты меня сгибаться не учила,
Что с детских лет не тлею, а горю,
И что тогда, в нелегкую зарю,

Сама в поход меня благословила.

И долго-долго средь сплошного грома
Все виделось мне в дальнем далеке,
Как ты платком мне машешь у райкома,
До боли вдруг ссутулившись знакомо
С забытыми гвоздиками в руке.

Да, лишь когда я сам уже отец,
Я до конца, наверно, понимаю
Тот героизм родительских сердец,
Когда они под бури и свинец
Своих детей в дорогу провожают.

Но ты поверь, что в час беды и грома
Я сына у дверей не удержу,
Я сам его с рассветом до райкома,
Как ты меня когда-то, провожу.

И знаю я: ни тяготы, ни войны
Не запугают парня моего.
Ему ты верь и будь всегда спокойна:
Все, что светло горело в нас – достойно
Когда-то вспыхнет в сердце у него!

И пусть судьба, как лист календаря,
У каждого когда-то обрывается.
Дожди бывают на земле не зря:
Пылает зелень, буйствуют моря,
И жизнь, как песня, вечно продолжается!

1972 г.

ВЕЧЕР В БОЛЬНИЦЕ

Лидии Ивановне Асадовой

Бесшумной черною птицей
Кружится ночь за окном.
Что же тебе не спится?
О чем ты молчишь? О чем?

Сонная тишь в палате,
В кране вода уснула.
Пестренький твой халатик
Дремлет на спинке стула.

Руки, такие знакомые,
Такие, что хоть кричи! –
Нынче, почти невесомые,
Гладят меня в ночи.

Касаюсь тебя, чуть дыша.
О господи, как похудела!
Уже не осталось тела,
Осталась одна душа.

А ты еще улыбаешься
И в страхе, чтоб я не грустил,
Меня же ободрить стараешься,
Шепчешь, что поправляешься
И чувствуешь массу сил.

А я-то ведь знаю, знаю,
Сколько тут ни хитри,
Что боль, эта гидра злая,
Грызет тебя изнутри.

Гоню твою боль, заклинаю
И каждый твой вздох ловлю.
Мама моя святая,

Прекрасная, золотая,
Я жутко тебя люблю!

Дай потеплей укрою
Крошечную мою,
Поглажу тебя, успокою
И песню тебе спою.

Вот так же, как чуть устало,
При южной огромной луне
В детстве моем, бывало,
Ты пела когда-то мне...

Пусть трижды болезнь упряма,
Мы выдержим этот бой.
Спи, моя добрая мама,
Я здесь, я всегда с тобой.

Как в мае все распускается
И зреет завязь в цветах,
Так жизнь твоя продолжается
В прекрасных твоих делах.

И будут смеяться дети,
И будет гореть звезда,
И будешь ты жить на свете
И радостно, и всегда!

1984 г.

Ты далеко сегодня от меня
И пишешь о любви своей бездонной,
И о тоске-разлучнице бессонной,
Точь-в-точь все то же, что пишу и я.

Ах, как мы часто слышим разговоры,
Что без разлуки счастья не сберечь.
Не будь разлук, так не было б и встреч,
А были б только споры да раздоры.

Конечно, это мудро, может статься,
И все-таки, не знаю почему,
Мне хочется, наперекор всему,
Сказать тебе: – Давай не разлучаться!

Я думаю, что ты меня поймешь:
К плечу плечо – и ни тоски, ни стужи!
А если и поссоримся – ну что ж,
Разлука все равно намного хуже!

1972 г.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Метелица, как медведица,
Весь вечер буянит зло,
То воет внизу под лестницей,
То лапой скребет стекло.

Дома под ветром сутулятся,
Плывут в молоке огоньки,
Стоят постовые на улицах,
Как белые снеговики.

Сугробы выгнули спины,
Пушистые, как из ваты,
И жмутся к домам машины,
Как зябнущие щенята...

Кружится ветер белый,
Посвистывает на бегу...
Мне нужно заняться делом,
А я никак не могу.

Приемник бурчит бессвязно,
В доме прохладней к ночи,
Чайник мурлычет важно,
А закипать не хочет.

Все в мире сейчас загадочно,
Все будто летит куда-то,
Метельно, красиво, сказочно...
А сказкам я верю свято.

Сказка... мечта-полуночица...
Но где ее взять? Откуда?
А сердцу так чуда хочется,
Пусть маленького, но чуда!

До боли хочется верить,
Что сбудутся вдруг мечты,
Сквозь вьюгу звонок у двери –
И вот на пороге ты!

Трепетная, смущенная.
Снится или не снится?!
Снегом запорошенная,
Звездочки на ресницах...

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
А я вот явилась... Можно?–
Сказка моя! Снегурочка!
Чудо мое невозможное!

Нет больше зимней ночи!
Сердцу хмельно и ярко!
Весело чай клокочет,
В доме, как в пекле, жарко...

Довольно! Хватит! Не буду!
Полночь... гудят провода...
Гаснут огни повсюду,
Я знаю: сбывается чудо,
Да только вот не всегда...

Метелица, как медведица,
Косматая голова.
А сердцу все-таки верится
В несбыточные слова:

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка? –
Полночь гудит тревожная...
Где ты, моя Снегурочка,
Сказка моя невозможная?..

1964 г.

ЛЮБОВЬ, ИЗМЕНА И КОЛДУН

В горах, на скале, о беспутствах мечтая,
Сидела Измена худая и злая.
А рядом под вишней сидела Любовь,
Рассветное золото в косы вплетая.

С утра, собирая плоды и коренья,
Они отдыхали у горных озер.
И вечно вели нескончаемый спор –
С улыбкой одна, а другая с презрением.

Одна говорила: – На свете нужны
Верность, порядочность и чистота.
Мы светлыми, добрыми быть должны:
В этом и – красота!

Другая кричала: – Пустые мечты!
Да кто тебе скажет за это спасибо?
Тут, право, от смеха порвут животы
Даже безмозглые рыбы!

Жить надо умело, хитро и с умом,
Где – быть беззащитной, где – лезть напролом,
А радость увидела – рви, не зевай!
Бери! Разберемся потом!

– А я не согласна бессовестно жить.
Попробуй быть честной и честно любить!
– Быть честной? Зеленая дичь! Чепуха!
Да есть ли что выше, чем радость греха?!

Однажды такой они подняли крик,
Что в гневе проснулся косматый старик,
Великий Колдун, раздражительный дед,
Проспавший в пещере три тысячи лет.

И рявкнул старик: – Это что за война?!
Я вам покажу, как будить Колдуна!
Так вот, чтобы кончить все ваши раздоры,
Я сплавлю вас вместе на все времена!

Схватил он Любовь колдовскою рукой,
Схватил он Измену рукою другой
И бросил в кувшин их, зеленый, как море,
А следом туда же – и радость, и горе,
И верность, и злость, доброту, и дурман,
И чистую правду, и подлый обман.

Едва он поставил кувшин на костер,
Дым взвился над лесом, как черный шатер, –
Все выше и выше, до горных вершин.
Старик с любопытством глядит на кувшин:
Когда переплавится все, перемучится,
Какая же там чертовщина получится?

Кувшин остывает. Опыт готов.
По дну пробежала трещина,
Затем он распался на сотню кусков,
И... появилась женщина...

1961 г.

ЛИТЕРАТУРНЫМ НЕДРУГАМ МОИМ

Мне просто жаль вас, недруги мои.
Ведь сколько лет, здоровья не жалея,
Ведете вы с поэзией моею
Почти осатанелые бои.

Что ж, я вам верю: ревность – штука злая,
Когда она терзает и грызет,
Ни темной ночью спать вам не дает,
Ни днем работать, душу иссушая.

И вы шипите зло и раздраженно,
И в каждой фразе ненависти груз.
– Проклятье, как и по каким законам
Его стихи читают миллионы
И сколько тысяч знает наизусть!

И в ресторане, хлопнув по второй,
Друг друга вы щекочете спесиво!
– Асадов – чушь. Тут все несправедливо!
А кто талант – так это мы с тобой!..

Его успех на год, ну пусть на три,
А мода схлынет – мир его забудет.
Да, года три всего, и посмотри,
Такого даже имени не будет!

А чтобы те пророчества сбылись,
И тщетность их отлично понимая,
Вы за меня отчаянно взялись
И кучей дружно в одного впились,
Перевести дыханья не давая.

Орут, бранят, перемывают кости,
И часто непонятно, хоть убей,
Откуда столько зависти и злости

Порой бывает в душах у людей!

Но мчат года: уже не три, не пять,
А песни рвутся в бой и не сгибаются,
Смелей считайте: двадцать, двадцать пять.
А крылья – ввысь, и вам их не сломать,
А молодость живет и продолжается!

Нескромно? Нет, простите, весь свой век
Я был скромней апрельского рассвета,
Но если бьют порою, как кастетом,
Бьют, не стесняясь, и зимой и летом,
Так может же взорваться человек!

Взорваться и сказать вам: посмотрите,
Ведь в залы же, как прежде, не попасть,
А в залах негде яблоку упасть.
Хотите вы того иль не хотите –
Не мне, а вам от ярости пропасть!

Но я живу не ради славы, нет,
А чтобы сделать жизнь еще красивей.
Кому-то сил придать в минуты бед,
Влить в чье-то сердце доброту и свет,
Кого-то сделать чуточку счастливей!

А если вдруг мой голос оборвется,
О, как вы страстно кинетесь тогда
Со мной еще отчаянней бороться,
Да вот торжествовать-то не придется,
Читатель ведь на ложь не поддается,
А то и адресует кой-куда...

Со всех концов, и это не секрет,
Как стаи птиц, ко мне несутся строки.
Сто тысяч писем – вот вам мой ответ!
Сто тысяч писем – светлых и высоких!

Не нравится? Вы морщитесь, кося?

Но ведь не я, а вы меня грызете!
А правду, ничего, переживете!
Вы – крепкие. И речь еще не вся.

А сколько в мире быть моим стихам,
Кому судить поэта и солдата?
Пускай не мне, зато уж и не вам!
Есть выше суд и чувствам и словам.
Тот суд – народ. И заявляю вам,
Что вот в него-то я и верю свято!

Еще я верю (а ведь так и станется),
Что честной песни вам не погасить.
Когда от зла и дыма не останется,
Той песне, ей же богу, не состариться,
А только крепнуть, молодеть и жить!

1981 г.

О СКВЕРНОМ И СВЯТОМ

Что в сердце нашем самое святое?
Навряд ли надо думать и гадать.
Есть в мире слово самое простое
И самое возвышенное – Мать!

Так почему ж большое слово это,
Пусть не сегодня, а давным-давно,
Но в первый раз ведь было кем-то, где-то
В кощунственную брань обращено?

Тот пращур был и темный, и дурной
И вряд ли даже ведал, что творил,
Когда однажды взял и пригвоздил
Родное слово к брани площадной.

И ведь пошло же, не осело пылью,
А поднялось, как темная река.
Нашлись другие. Взяли, подхватили
И понесли сквозь годы и века...

Пусть иногда кому-то очень хочется
Хлестнуть врага словами, как бичом,
И резкость на язык не только просится,
А в гневе и частенько произносится,
Но только мать тут все-таки при чем?

Пусть жизнь сложна, пускай порой сурова.
И все же трудно попросту понять,
Что слово «мат» идет от слова «мать»,
Сквернейшее – от самого святого!

Неужто вправду за свою любовь,
За то, что родила нас и растила,
Мать лучшего уже не заслужила,
Чем этот шлейф из непристойных слов?!

Ну как позволить, чтобы год за годом
Так оскорблялось пламя их сердец?!
И сквернословам всяческого рода
Пора сказать сурово наконец:

Бранитесь или ссорьтесь как хотите,
Но не теряйте звания людей:
Не трогайте, не смейте, не грязните
Ни имени, ни чести матерей!

1970 г.

ПОДРУГИ

Дверь общежития... Сумрак... Поздний час.
Она спешит, летит по коридору,
Способная сейчас и пол и штору
Поджечь огнем своих счастливых глаз.

В груди ее уже не сердце бьется,
А тысяча хрустальных бубенцов.
Бежит девчонка. Гулко раздается
Веселый стук задорных каблучков.

Хитро нахмурясь, в комнату вошла.
– Кто здесь не спит? – начальственно спросила.
И вдруг, расхохотавшись, подскочила
К подруге, что читала у стола.

Затормошила... Чертики в глазах:
– Ты все зубришь, ты все сидишь одна!
А за окошком, посмотри, весна!
И, может, счастье где-то в двух шагах.

Смешная, скажешь? Ладно, принимаю!
На все согласна. И не в этом суть.
Влюбленных все забавными считают
И даже глуповатыми чуть-чуть...

Но я сейчас на это не в обиде.
Не зря есть фраза: «Горе от ума».
Так дайте же побыть мне в глупом виде!
Вот встретишь счастье и поймешь сама.

Шучу, конечно. Впрочем, нет, послушай,
Ты знаешь, что сказал он мне сейчас?
«Ты, говорит, мне смотришь прямо в душу,
И в ней светло-светло от этих глаз».

Смеется над любой моей тревогой,
Во всем такой уверенный, чудак.
Меня зовет кувшинкой-недотрогой
И волосы мои пушит вот так...

Слегка смутилась. Щеки пламенели.
И в радости заметить не смогла,
Что у подруги пальцы побелели,
До боли стиснув краешек стола.

Глаза подруги – ледяное пламя.
Спросила непослушными губами,
Чужим и дальним голос прозвучал:
– А он тебя в тайгу не приглашал?

Не говорил: «Наловим карасей,
Костер зажжем под старою сосною,
И будем в мире только мы с тобою
Да сказочный незримый Берендей!»

А он просил: подругам ни гугу?
А посмелее быть не убеждал?
И если так, я, кажется, могу
Помочь тебе и предсказать финал.

Умолкла. Села. Глянула в тревоге.
Смешинки нет, восторг перегорел,
А пламя щек кувшинки-недотроги
Все гуще белый заливаает мел...

Кругом весна... До самых звезд весна!
В зеленых волнах кружится планета.
И ей сейчас неведомо, что где-то
Две девушки, не зажигая света,
Подавленно застыли у окна.

Неведомо? Но синекрылый ветер
Трубит сквозь ночь проверенную весть
О том, что счастье есть на белом свете,

Пускай не в двух шагах, а все же есть!

Поют ручьи, блестят зарницы домен,
Гудя, бегут по рельсам поезда.
Они кричат о том, что мир огромен
И унывать не надо никогда,

Что есть на свете преданные люди,
Что радость, может, где-нибудь в пути,
Что счастье будет, непременно будет!
Вы слышите, девчата, счастье будет!
И дай вам бог скорей его найти!

1970 г.

ТРИ ДРУГА

От трех десятков много ли сиянья?
Для ректора, возможно, ничего,
Но для студента это состоянье,
Тут вся почти стипендия его!

Вот почему он пасмурный сидит.
Как потерял? И сам не понимает,
Теперь в карманах сквозняки гуляют,
И целый длинный месяц впереди...

Вдоль стен кровати строго друг за другом,
А в центре стол. Конспекты. Блока том.
И три дружка печальным полукругом
Сидят и курят молча за столом.

Один промолвил: – Надо, без сомненья,
Тебе сейчас не горе горевать,
А написать толково заявленье,
Снести его в милицию и сдать.

А там, кто надо, тотчас разберется,
Необходимый розыск учинят.
Глядишь, твоя пропажа и найдется,
На свете все возможно, говорят!

Второй вздохнул: – Бумаги, протоколы...
Вольнистое дело это, брат.
Уж лучше обратиться в деканат.
Пойти туда и жечь сердца глаголом.

Ступай сейчас к начальству в кабинет.
И не волнуйся, отказать не могут.
Все будет точно: сделают, помогут,
Еще спасибо скажешь за совет!

А третий друг ни слова не сказал,
Он снял с руки часы, пошел и продал,
Он никаких советов не давал,
А молча другу деньги отдал...

1964 г.

ОНИ СТУДЕНТАМИ БЫЛИ

Они студентами были.
Они друг друга любили.
Комната в восемь метров – чем не семейный дом?!
Готовясь порой к зачетам,
Над книгою или блокнотом
Нередко до поздней ночи сидели они вдвоем.

Она легко уставала,
И если вдруг засыпала,
Он мыл под краном посуду и комнату подметал.
Потом, не шуметь стараясь
И взглядов косых стесняясь,
Тайком за закрытой дверью белье по ночам стирал.

Но кто соседок обманет –
Тот магом, пожалуй, станет.
Жужжал над кастрюльным паром их дружный
осиный рой.
Ее называли «лентяйкой»,
Его – ехидно – «хозяйкой»,
Вздыхали, что парень – тряпка и у жены под пятой.

Нередко вот так часами
Трескучими голосами
Могли судачить соседки, шинкуя лук и морковь.
И хоть за любовь стояли,
Но вряд ли они понимали,
Что, может, такой и бывает истинная любовь!

Они инженерами стали.
Шли годы без ссор и печали.
Но счастье – капризная штука, нестойка порой, как дым.
После собрания, в субботу,
Вернувшись домой с работы,
Жену он застал однажды целующейся с другим.

Нет в мире острее боли.
Умер бы лучше, что ли!
С минуту в дверях стоял он, уставя в пространство взгляд.
Не выслушал объяснений,
Не стал выяснять отношений,
Не взял ни рубля, ни рубахи, а молча шагнул назад...

С неделю кухня гудела:
«Скажите, какой Отелло!
Ну целовалась, ошиблась... немного выиграла кровь!..
А он не простил – слышали?»
Мещане! Они и не знали,
Что, может, такой и бывает истинная любовь!

1960 г.

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Ему постоянно с ней не везло:
На отдыхе, в спорах, в любой работе
Она, очевидно ему назло,
Делала все и всегда напротив.

Он скажет ей: «Слушай, пойдём в кино!»
Она ему: «Что ты! Поедем на лыжах!»
Он буркнет: «Метель... За окном темно!!!»
Она: «Ну, а я все прекрасно вижу!»

Он скажет: «Ты знаешь, весь факультет
Отправится летом на Чусовую!» –
«А я предлагаю и голосую,
Чтоб нам с тобою двинуться на Тайшет!»

При встречах он был, как самум, горяч
И как-то сказал ей: «Пора жениться!»
Она рассмеялась: «Ты мчишься вскачь,
Тогда как зачетка твоя – хоть плачь!
Нет, милый, сначала давай учиться!»

Поверь мне: все сбудется. Не ершись!
Конечно, совет мой как дым, занудный,
Но я тебя вытяну, ты смирись!
А главное... главное, не сердись –
Такой у меня уж характер трудный!»

Но он только холодно вскинул бровь:
«Ну что ж, и сиди со своей наукой!
А мы потеплее отыщем кровь,
Тебе же такая вещь, как любовь,
Чужда и, наверное, горше лука!»

В любви он был зол, а в делах хитер,
И в мае, в самый момент критический

Он, чтоб до конца не испытать позор,
Вымолил отпуск академический.

Лето прошло, и семестр прошел.
Но он не простил ее, не смирился.
И, больше того, в довершение зол
Ранней зимой, как лихой орел,
Взял и на новой любви женился.

Пир был такой, что качался зал.
Невеста была из семьи богатой,
И пили, и лопали так ребята,
Что каждый буквально по швам трещал!

И вдруг, словно ветер в разгаре бала
От столика к столику пробежал.
Это она вдруг шагнула в зал,
Вошла и бесстрашно прошла по залу...

Ей протянули фужер с вином.
Она чуть кивнула в ответ достойно
И, став пред невестою и женихом,
Сказала приветливо и спокойно:

«Судьба человеческая всегда
Строится в зареве звездной пыли
Из воли, из творческого труда,
Ну, а еще, чтоб чрез все года
Любил человек и его любили.

И я пожелать вам хочу сейчас,
А радости только ведь начинаются,
Пусть будет счастливою жизнь у вас
И все непременно мечты сбываются!

И все-таки, главное, вновь и вновь
Хочу я вас искренне попросить:
Умейте, умейте всю жизнь ценить
И сердце нежное и любовь!

Гуляйте ж и празднуйте до утра!
И слов моих добрых не забываюте.
А я уезжаю. А мне – пора...
Билет уже куплен. Ну все... Прощайте».

Затем осушила бокал и... прочь!
С улыбкой покинула праздник людный.
Ушла и... повесилась в ту же ночь..
Такой уж был, видно, «характер трудный».

1993 г.

СТУДЕНТЫ

Проехав все моря и континенты,
Пускай этнограф в книгу занесет,
Что есть такая нация – студенты,
Веселый и особенный народ!

Понять и изучить их очень сложно.
Ну что, к примеру, скажете, когда
Все то, что прочим людям невозможно,
Студенту – наплевать и ерунда!

Вот сколько в силах человек не спать?
Ну день, ну два... и кончено! Ломается!
Студент же может сессию сдавать,
Не спать неделю, шахмат не бросать
Да плюс еще влюбиться ухитряется.

А сколько спать способен человек?
Ну, пусть проспит он сутки на боку,
Потом, взглянув из-под опухших век,
Вздохнет и скажет: – Больше не могу! –

А вот студента, если нет зачета,
В субботу положите на кровать,
И он проспит до следующей субботы,
А встав, еще и упрекнет кого-то:
– Ну что за черти! Не дали поспать! –

А сколько может человек не есть?
Ну день, ну два... и тело ослабело...
И вот уже ни встать ему, ни сесть,
И он не вспомнит, сколько шестью шесть,
А вот студент – совсем другое дело.

Коли случилось «на мели» остаться,
Студент не поникает головой.

Он будет храбро воздухом питаться
И плюс водопроводною водой!

Что был хвостатым в прошлом человек –
Научный факт, а вовсе не поверье.
Но, хвост давно оставя на деревьях,
Живет он на земле за веком век.

И, гордо брея кожу на щеках,
Он пращура ни в чем не повторяет.
А вот студент, он и с «хвостом» бывает,
И даже есть при двух и трех «хвостах»!

Что значит дружба твердая, мужская?
На это мы ответим без труда:
Есть у студентов дружба и такая,
А есть еще иная иногда.

Все у ребят отлично разделяется,
И друга друг вовек не подведет.
Пока один с любимую встречается,
Другой идет сдавать его зачет...

Мечтая о туманностях галактик
И глядя в море сквозь прицелы призм,
Студент всегда отчаянный романтик!
Хоть может сдать на двойку «романтизм».

Да, он живет задиристо и сложно,
Почти не унывая никогда.
И то, что прочим людям невозможно,
Студенту – наплевать и ерунда!

И, споря о стихах, о красоте,
Живет судьбой особенной своею.
Вот в горе лишь страдает, как и все,
А может, даже чуточку острее...

Так пусть же, обойдя все континенты,

Сухарь этнограф в труд свой занесет,
Что есть такая нация – студенты,
Живой и замечательный народ!

1966 г.

СТИХИ О ЧЕСТИ

О нет, я никогда не ревновал,
Ревнуют там, где потерять страшатся.
Я лишь порою бурно восставал,
Никак не соглашаясь унижаться.

Ведь имя, что ношу я с детских лет,
Не просто так снискало уваженье.
Оно прошло под заревом ракет
Сквозь тысячи лишений и побед,
Сквозь жизнь и смерть, сквозь раны и сраженья.

И на обложках сборников моих
Стоит оно совсем не ради славы.
Чтоб жить и силой оделять других,
В каких трудах и поисках каких
Все эти строки обретали право!

И женщина, что именем моим
Достоинно пожелала называться,
Клянусь душой, обязана считаться
Со всем, что есть и что стоит за ним!

И, принимая всюду уваженье,
Не должно ей ни на год, ни на час
Вступать в контакт с игрою чьих-то глаз,
Рискуя неизбежным униженьем.

Честь не дано сто раз приобретать.
Она – одна. И после поражения
Ее нельзя, как кофту, залатать
Или снести в химчистку в воскресенье!

Пусть я доверчив. Не скрываю – да!
Пусть где-то слишком мягок, может статься,
Но вот на честь, шагая сквозь года,

Ни близким, ни далеким никогда
Не разрешу и в малом покушаться!

Ведь как порой обидно сознавать,
Что кто-то, ту доверчивость встречая
И доброту за слабость принимая,
Тебя ж потом стремится оседлать.

И потому я тихо говорю,
Всем говорю – и близким, и знакомым:
Я все дарю вам – и тепло дарю,
И доброту, и искренность дарю,
Готов делиться и рублем, и домом.

Но честь моя упряма, как броня.
И никогда ни явно, ни случайно
Никто не смеет оскорбить меня
Ни тайным жестом и ни делом тайным.

Не оттого, что это имя свято,
А потому, и только потому,
Что кровь поэта и стихи солдата,
Короче: честь поэта и солдата
Принадлежит народу одному!

1972 г.

«СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ»

Слова и улыбки ее, как птицы,
Привыкли, чирикавая беззаботно,
При встречах кокетничать и кружиться,
Незримо на плечи парней садиться
И сколько, и где, и когда угодно!

Нарядно, но с вызовом разодета.
А ласки раздаривать не считая
Ей проще, чем, скажем, сложить газету,
Вынуть из сумочки сигарету
Иль хлопнуть коктейль коньяка с токаем.

Мораль только злит ее: – Души куцые!
Пещерные люди! Сказать смешно.
Даешь сексуальную революцию,
А ханжество – к дьяволу за окно!

Ох, диво вы дивное, чудо вы чудное!
Ужель вам и впрямь не понять вовек,
Что «секс-революция» ваша шумная
Как раз ведь и есть тот «пещерный век».

Когда, ни души, ни ума не трогая,
В подкорке и импульсах тех людей
Царила одна только зоология
На уровне кошек или моржей.

Но человечество выросло,
Ведь те, кто мечтают, всегда правы.
И вот большинству уже стало мало
Того, что довольно таким, как вы.

И люди узнали, согреты новью,
Какой бы инстинкт ни взыграл в крови,
О том, что один поцелуй с любовью

Дороже, чем тысяча без любви!

И вы поспешили-то, в общем, зря
Шуметь про «сверхновые отношения».
Всегда на земле и при всех поколениях
Были и лужицы и моря.

Были везде и когда угодно
И глупые куры и соловьи.
Кошачья вон страсть и теперь «свободна»,
Но есть в ней хоть что-нибудь от любви?!

Кто вас оциничивал – я не знаю.
И все же я трону одну струну:
Неужто вам нравится, дорогая,
Вот так, по-копеечному порхая,
Быть вроде закуски порой к вину?

С чего вы так – с глупости или холода?
На вечер игрушка, живой «сюрприз»,
Ведь спрос на вас, только пока вы молоды,
А дальше, поверьте, как с горки вниз!

Конечно, смешно только вас винить.
Но кто и на что вас принудить может?
Ведь в том, что позволить иль запретить,
Последнее слово за вами все же.

Любовь не минутный хмельной угар.
Эх, если бы вам да всерьез влюбиться!
Ведь это такой высочайший дар,
Такой красоты и огней пожар,
Какой пошляку и во сне не снится.

Рванитесь же с гневом от всякой мрази,
Твердя себе с верою вновь и вновь,
Что только одна, но зато любовь
Дороже, чем тысяча жалких связей!

1978 г.

ТРУДНАЯ РОЛЬ

В плетеной корзине живые цветы.
Метель за морозным окном.
Я нынче в гостях у актерской четы
Сажу за накрытым столом.

Хозяин радушен: он поднял бокал
И весело смотрит на нас.
Он горд, ведь сегодня он в тысячный раз
В любимом спектакле сыграл.

Ему шестьдесят. Он слегка грузноват,
И сердце шалит иногда.
Но, черт побери, шестьдесят не закат!
И что для артиста года?

Нет, сердце ему не плохое дано:
Когда на помост он вступает,
Лишь вспыхнет от счастья иль гнева оно –
Пять сотен сердец замирает!

А радость не радость: она не полна,
Коль дома лишь гости вокруг,
Но рядом сидит молодая жена –
Его ученица и друг.

О, как же все жесты ее нежны.
Ее красота как приказ!
Он отдал бы жизнь за улыбку жены,
За серые омуты глаз.

Все отдал бы, кладом кичась своим, –
Прекрасное кто же не любит!
Хоть возрастом, может, как дым, седым,
Брюзжаньем и чадом, всегда хмельным,
Он вечно в ней что-то губит...

Сегодня хозяин в ударе: он встал,
Дождался, чтоб стих говорок,
И, жестом свободным пригубив бокал,
Стал звучно читать монолог.

Минута... И вот он – разгневанный мавр!
Платок в его черной ладони.
Гремит его голос то гулом литавр,
То в тяжких рыданиях тонет...

В неистовом взгляде страдальца – гроза!
Такого и камни не вынесут стога!
Я вижу, как, вниз опуская глаза,
Бледнеет красивая Дездемона.

Но, слыша супруга ревнивые речи,
Зачем без вины побледнела жена?
Зачем? Ведь в трагедии не было встречи!
Зачем? Это знаем лишь я да она.

Я тоже участник! Я, кажется, нужен,
Хоть роли мне старый Шекспир не отвел.
Я был приглашен и усажен за стол,
Но «роль» у меня – не придумаешь хуже!

Ты хочешь игры? Я играю. Изволь!
И славно играю, не выдал ведь злости.
Но как тяжела мне нелепая роль
Приятеля в доме и честного гостя!

1949 г.

ВОЗВРАЩЕННОЕ ВРЕМЯ

Ирине Викторовой

Опять спектакль по радио звучит
И сердце мне, как пальцами, сжимает.
Мир, как театр, погаснув замирает,
И только память заревом горит.

Тут вечность: не пушинки не смахнешь.
На сцене – зал. А у окна в сторонке
О чем-то бурно спорит молодежь.
А ты сейчас стремительно войдешь,
Заговоришь и засмеешься звонко.

Я помню все до крохотного вздоха...
Теперь помчит по коридорам звон,
Ты стул чуть двинешь в сторону, и он
Вдруг, словно дед, прошамкает: «Мне плохо...»

Спектакль идет. А вот теперь ты дома
Средь моря книг, средь бронзы и шкафов.
Я слышу легкий звук твоих шагов,
Почти до острой нежности знакомый.

Ты говоришь, но что ты говоришь,
Уже неважно. Главное не слово,
А звуки, звуки голоса грудного,
Который ты, как музыку, творишь.

А вот сейчас ты к шкафу подойдешь,
Положишь книгу и захлопнешь дверцу.
Ах, как щемит и радуется сердце,
Ты здесь, ты рядом, дышишь и живешь!

Накал завязки: злая правда слов
О подлости. Как будто ранят зверя.
И крик твой: «Нет! Не смейте! Я не верю!»

И вся ты – гнев, и мука, и любовь!

А в зале нарастает напряженье,
Он здесь, он твой, волнений не тая.
Скрип кресла, возглас, кто-то от волненья
Чуть кашлянул, возможно даже, я.

Да, все с тобою, только позови.
И ты ведешь их трепетно и свято,
Как по тугому звонкому канату
К высокой правде, счастьем и любви.

Кто выдумал, что время быстротечно,
Что бег его нельзя остановить?
Нет! Как мустанг, что выскочил беспечно,
Оно отныне взнуздано навечно,
И ты в седле, ты вечно будешь жить!

Спектакль идет. Он все еще со мной,
Ах, как мне жаль, что ты меня не слышишь!
Ты в двух шагах, живешь, смеешься, дышишь,
Ну просто хоть коснись тебя рукой!

Еще чуть-чуть, еще совсем немного –
И занавес бесшумно упадет,
И миг тебя и звезды у порога
Все два часа безжалостно и строго
От наших дней незримо отсечет...

Но вот и он. Постой, а что потом?
Потом – как буря вспыхнувшие лампы,
Оваций гулко падающий гром
И ты в цветах, стоящая у рампы...

А что еще, чего на пленке нет?
Еще – стук сердца птицей многокрылой,
Средь всех цветов – еще и мой букет
И шепот твой сквозь шум: «Спасибо, милый!»

За окнами уныло тянет вой
Ветрище, как наскучивший оратор.
Твой легкий шаг, твой смех и голос твой
В Останкино, спеша уйти домой,
Скрутил в рулон усталый оператор.

Но ветер стих. И вновь такая тишь,
Что звон в ушах. И кажется до боли,
Что вот сейчас, сейчас ты позвонишь
Уже моя, без грима и без роли...

А впрочем, что мне милый этот бред?!
Не будет ни звонка, ни почтальона,
Ни нынче и ни через много-много лет,
Ведь нет туда ни почты, ни ракет
И никакого в мире телефона.

Но пусть стократ не верит голова,
А есть, наверно, и иные силы,
Коль слышит сердце тихие слова,
Прекрасные, как в сказках острова,
И легкие, как вздох: «Спасибо, милый!»...

25 октября 1986 г.

ОСЕННИЕ СТРОКИ

Багряные листья, словно улитки,
Свернувшись, на влажной земле лежат.
Дорожка от старой дачной калитки
К крыльцу пробирается через сад.

Тучки, качаясь, плывут, как лодки,
В саду стало розово от рябин,
А бабушка-ель на пне-сковородке
Жарит румяный солнечный блин.

На спинке скамейки напротив дачи
Щегол, заливаясь, горит крылом,
А шахматный конь, что, главы не пряча,
Искал для хозяев в боях удачи,
Забытый, валяется под столом.

Вдали свое соло ведет лягушка,
Усевшись на мостике за прудом.
А прудик пустычный, почти игрушка,
Затянутый ряски цветным ковром.

Рядом, продравшись через малину,
Ветер, лихая его душа,
Погладил краснеющую калину
И что-то шепнул ей, хитро дыша.

И вдруг, рассмеявшись, нырнул в малинник,
И снова – осенняя тишина:
Не прозвенит за стеной будильник,
Не вспыхнет огонь в глубине окна...

Зимой здесь в сугробах утонут ели
И дом, средь морозной голубизны,
Словно медведь, под напев метели
В спячку погрузится до весны...

Но будет и май, и цветенье будет,
И вновь зазвенит голосами дом,
И снова какие-то будут люди
Пить чай под березами за столом.

Все тот же малинник, и мрак, и свет,
И та же скамейка, и та же дача,
Все то же как будто... но только... нет,
Отныне все будет совсем иначе.

Вернутся и шутки, и дождь, и зной,
И ветер, что бойко щекочет кожу,
Но только не будет здесь больше той,
Что в целой вселенной ни с кем не схожа...

Не вскинутся весело к солнцу руки,
Не вспыхнет задумчивой грустью взгляд,
И тихого смеха грудные звуки
Над книгой раскрытой не прозвучат.

Отцветший шиповник не зацветет,
Молодость снова не повторяется,
И счастье, когда оно промелькнет,
Назад к человеку не возвращается.

1992 г.

НОЧЬ

Как только разжались объятья,
Девчонка вскочила с травы,
Смущенно поправила платье
И встала под сенью листвы.

Чуть брезжил предутренний свет,
Девчонка губу закусила,
Потом еле слышно спросила:
– Ты муж мне теперь или нет?

Весь лес в напряжении ждал,
Застыли ромашка и мята,
Но парень в ответ промолчал
И только вздохнул виновато...

Видать, не поверил сейчас
Он чистым лучам ее глаз.
Ну чем ей, наивной, помочь
В такую вот горькую ночь?!

Эх, знать бы ей, чуют душой,
Что в гордости, может, и сила,
Что строгость еще ни одной
Девчонке не повредила.

И может, все вышло не так бы,
Случись эта ночь после свадьбы.

1961 г.

ДЕВУШКА

Девушка, вспыхнув, читает письмо.
Девушка смотрит пытливо в трюмо.
Хочет найти и увидеть сама
То, что увидел автор письма.

Тонкие хвостики выцветших кос,
Глаз небольших синева без огней.
Где же «червонное пламя волос»?
Где «две бездонные глубы морей»?

Где же «классический профиль», когда
Здесь лишь кокетливо вздернутый нос?
«Белая кожа»... Но гляньте сюда:
Если он прав, то куда же тогда
Спрятать веснушки? Вот в чем вопрос!

Девушка снова читает письмо,
Снова с надеждою смотрит в трюмо.
Смотрит со скидками, смотрит пристрастно,
Ищет старательно, но... напрасно!

Ясно, он просто над ней подшутил.
Милая шутка! Но кто разрешил?!
Девушка сдвинула брови. Сейчас
Горькие слезы брызнут из глаз...

Как объяснить ей, чудачке, что это
Вовсе не шутка, что хитрости нету.
Просто, где вспыхнул сердечный накал,
Разом кончается правда зеркал!

Просто весь мир озаряется там
Радужным, синим, зеленым...
И лгут зеркала. Не верь зеркалам!
А верь лишь глазам влюбленным!

1962 г.

ОДНА

К ней всюду относились с уважением, –
И труженик, и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась без сожаленья:
Был рядом муж – и вот она одна...

Бежали будни ровной чередою.
И те ж друзья, и уваженье то ж,
Но что-то вдруг возникло и такое,
Чего порой не сразу разберешь.

Приятели, сердцами молодые,
К ней заходя по дружбе иногда,
Уже шутили так, как в дни былые
При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь – почти ничто,
Коль будет сердце лаской не согрето,
Порою намекали ей на то,
Порою намекали ей на это...

А то при встрече предрекут ей скуку
И даже раздражатся сгоряча,
Коль чью-то слишком ласковую руку
Она стряхнет с колена иль с плеча.

Не верили: ломается, играет.
Скажи, какую берегает честь!
Одно из двух: иль цену набивает,
Или давно уж кто-нибудь да есть...

И было непонятно никому,
Что и одна – она верна ему!

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Мама дочь ругает строго
За ночное возвращенье.
Дочь зарделась у порога
От обиды и смущенья.

А слова звучат такие,
Что пощечин тяжелей.
Оскорбительные, злые,
Хуже яростных шмелей.

Друг за другом мчат вдогонку,
Жгут, пронзают, как свинец...
Но за что клянут девчонку?!
В чем же дело, наконец?

Так ли страшно опозданье,
Если в звоне вешних струй
Было первое свиданье,
Первый в жизни поцелуй!

Если счастье не из книжки,
Если нынче где-то там
Бродит он, ее парнишка,
Улыбаясь звездным вспышкам,
Людям, окнам, фонарям...

Если нежность их созрела,
Школьным догмам вопреки.
Поцелуй – он был несмелым,
По-мальчишьи неумелым,
Но упрямым по-мужски.

Шли то медленно, то быстро,
Что-то пели без конца...
И стучали чисто-чисто,

Близко-близко их сердца.

Так зачем худое слово?
Для чего нападок гром?
Разве вправду эти двое
Что-то делают дурное?
Где ж там грех? Откуда? В чем?

И чем дочь громить словами,
Распаляясь, как в бою,
Лучше б просто вспомнить маме
Сад с ночными соловьями,
С песней, с робкими губами –
Юность давнюю свою.

Как была счастливой тоже,
Как любила и ждала,
И тогда отнюдь не строже,
Даже чуточку моложе
Мама дочери была.

А ведь вышло разве скверно?
До сих пор не вянет цвет!
Значит, суть не в том, наверно:
Где была? Да сколько лет?

Суть не в разных поколениях,
Деготь может быть везде.
Суть здесь в чистых отношениях,
В настоящей красоте!

Мама, добрая, послушай:
Ну зачем сейчас гроза?!
Ты взгляни девчонке в душу,
Посмотри в ее глаза.

Улыбнись и верь заране
В золотишки вешних струй,
В это первое свиданье,

В первый в жизни поцелуй!

1962 г.

У НОЧНОГО ЭКСПРЕССА

Поезд ждет, застегнутый по форме.
На ветру качается фонарь.
Мы почти что двое на платформе,
А вокруг клубящаяся хмарь.

Через миг тебе в экспрессе мчаться,
Мне шагать сквозь хмурую пургу.
Понимаю: надо расставаться.
И никак расстаться не могу.

У тебя снежинки на ресницах,
А под ними, освещая взгляд,
Словно две растерянные птицы,
Голубые звездочки дрожат.

Говорим, не подавая виду,
Что беды пугаемся своей,
Мне б сейчас забыть мою обиду,
А вот я не в силах, хоть убей.

Или вдруг тебе, отбросив прятки,
Крикнуть мне: – Любимый, помоги!
Мы – близки! По-прежнему близки! –
Только ты молчишь и трешь перчаткой
Побелевший краешек щеки.

Семафор фонариком зеленым
Подмигнул приветливо тебе,
И уже спешишь ты по перрону
К той, к другой, к придуманной судьбе.

Вот одна ступенька, вот вторая...
Дверь вагона хлопнет – и конец!
Я безмолвно чудо призываю,
Я его почти что заклинаю

Горьким правом любящих сердец.

Стой! Ты слышишь? Пусть минута эта
Отрезвит, ударив, как заряд!
Обернись! Разлуки больше нету!
К черту разом вещи и билеты!
И скорей по лестнице! Назад!

Я прощу все горькое на свете!
Нет, не обернулась. Хоть кричи...
Вот и все. И только кружит ветер,
Да фонарь качается в ночи.

Да стучится сердце, повторяя:
«Счастье будет! Будет, не грусти!»
Вьюга кружит, кружит, заметая
Белые затихшие пути...

1963 г.

ВЕЛИКИЙ СЕКРЕТ

Что за смысл в жизни спорить и обижаться
И терять свои силы в пустой борьбе?
Ты ведь даже представить не можешь себе,
До чего идет тебе улыбаться!

Хочешь, я главный секрет открою:
Вместо споров на ласку себя настрой.
Будь сердечной и искреннею со мной,
Поцелуй, улыбнись мне. И поле боя
Моментально останется за тобой!

1995 г.

МОДНЫЕ ЛЮДИ

Мода, мода! Кто ее рождает?
Как ее постигнуть до конца?!
Мода вечно там, где оглушают,
Где всегда упорно подгоняют
Под стандарт и вкусы, и сердца.

Подгоняют? Для чего? Зачем?
Да затем, без всякого сомнения,
Чтобы многим, если уж не всем,
Вбить в мозги единое мышление.

Ну, а что такое жить по моде?
Быть мальком в какой-нибудь реке
Или, извините, чем-то вроде
Рядовой горошины в мешке.

Трудятся и фильмы, и газеты –
Подгоняй под моды, дурачье!
Ибо человеки-графареты,
Будем честно говорить про это, –
Всюду превосходное сырье!

И ведь вот как странно получается:
Человек при силе и красе
Часто самобытности стесняется,
А стремится быть таким, как все.

Честное же слово – смех и грех:
Но ведь мысли, вкусы и надежды,
От словечек модных до одежды,
Непременно только как у всех!

Все стандартно, все, что вам угодно:
Платья, кофты, куртки и штаны
Той же формы, цвета и длины –

Пусть подчас нелепо, лишь бы модно!

И порой неважно человеку,
Что ему идет, что вовсе нет,
Лишь бы прыгнуть в моду, словно в реку,
Лишь бы свой не обозначить след!

Убежден: потомки до икоты
Будут хохотать наверняка,
Видя прабабушек на фото
В мини-юбках чуть не до пупка!

– Сдохнуть можно!.. И остро и мило!
А ведь впрямь не деться никуда,
Ибо в моде есть порою сила,
Что весомей всякого стыда.

Впрочем, тряпки жизни не решают.
Это мы еще переживем.
Тут гораздо худшее бывает,
Ибо кто-то моды насаждает
И во все духовное кругом.

В юности вам сердце обжигали
Музыка и сотни лучших книг.
А теперь вам говорят: – Отстали!
И понять вам, видимо, едва ли
Модерновой модности язык.

Кто эти «премудрые» гурманы,
Что стремятся всюду поучать?
Кто набил правами их карманы?
И зачем должны мы, как бараны,
Чепуху их всюду повторять?

Давят без малейшего смущения,
Ибо модник бесхребетно слаб
И, забыв про собственное мнение,
Всей душой – потенциальный раб!

К черту в мире всяческие моды!
Хватит быть бездарными весь век!
Пусть живет, исполненный свободы,
Для себя и своего народа
Умный и красивый человек!

3 февраля 1993 г. Красновидово

ЛЮДИ СТАРАЮТСЯ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ

Люди стараются быть счастливыми,
Но в этих стремлениях и борьбе
Все ли способны быть незлобивыми
И снисходительно-справедливыми
И к прочим согражданам, и к себе?

Да, скажем по совести, не всегда
Люди злопамятными бывают,
И жуликов всяких порой прощают,
И даже изменников иногда.

С поступками скверными, даже злобными,
С чертами-волками, с чертами-кобрами
Мирится бездна подчас людей.
Но вот, как ни странно, с чертами добрыми
Дела зачастую куда сложнее.

Ведь вот как устроен порой человек
Со всей любопытной душой своею:
Того, кто красивее или сильнее
Иль, скажем, талантливей и умнее,
Хоть режь, а не может простить вовек!

Ведь сколько рождалось таких, кто мог
Согреть человека живым талантом,
Но недруги сразу со злым азартом
Кидались, чтоб сбить непременно с ног.

А сколько же ярких было умов,
Которым буквально никто не внемлет?
И книг, и прекраснейших голосов,
Нередко же втоптаных просто в землю!

Пилот, что кипел в красоте и силе,
Вдруг взял и явил мировой рекорд.

Соседи ж за это ему вредили,
Таланта они ему не простили:
– Не прыгай в герои, крылатый черт!

Смешно, но за ложь иль башку без дум
Никто почему-то не обижается,
А если талант или яркий ум –
Такие грехи у нас не прощаются!

При этом, конечно, в те лбы упрямые
И мысль на мгновение не придет,
Что двигают жизнь и дела вперед
Мозги и таланты из самых самые!

Не надо же, право, коситься, люди,
На всех, кто красивее иль добрей,
Талантливей, может быть, и умней,
И жизнь наша много светлее будет!

1992 г.

Люблю я собаку за верный нрав,
За то, что, всю душу тебе отдав,
В голоде, в холоде или разлуке
Не лижет собака чужие руки.

У кошки-дуры характер иной.
Кошку погладить может любой.
Погладил – и кошка в то же мгновенье,
Мурлыча, прыгает на колени.

Выгнет спину, трется о руку,
Щурясь кокетливо и близоруко.
Кошке дешевая ласка не стыдна,
Глупое сердце не дальновидно.

От ласки кошачьей душа не согрета.
За крохи немного дают взамен:
Едва лишь наскучит мурлыканье это –
Встанут и сбросят ее с колен.

Собаки умеют верно дружить,
Не то что кошки – лентяйки и дуры.
Так стоит ли, право, кошек любить
И тех, в ком живут кошачьи натуры?!

1958 г.

ПЕЛИКАН

Смешная птица пеликан!
Он грузный, неуклюжий,
Громадный клюв, как ятаган,
И зоб – тугой, как барабан,
Набитый впрок на ужин...

Гнездо в кустах на островке,
В гнезде птенцы галдят,
Нырять мама в озерке,
А он стоит невдалеке,
Как сторож и солдат.

Потом он, голову пригнув,
Распахивает клюв.
И, сунув шейки, как в трубу,
Птенцы в его зобу
Хватают жадно, кто быстрее,
Хрустящих окуней.

А степь с утра и до утра
Все суше и мрачнее.
Стоит безбожная жара,
И даже кончики пера
Черны от суховея.

Трещат сухие камыши...
Жара – хоть не дыши!
Как хищный беркут над землей,
Парит тяжелый зной.

И вот на месте озерка –
Один засохший ил.
Воды ни капли, ни глотка.
Ну хоть бы лужица пока!
Ну хоть бы дождь полил!

Птенцы затихли. Не кричат.
Они как будто тают...
Чуть только лапами дрожат
Да клювы раскрывают.

Сказали ветры: – Ливню быть,
Но позже, не сейчас. –
Птенцы ж глазами просят: – Пить! –
Им не дожидаться, не дожить!
Ведь дорог каждый час!

Но стой, беда! Спасенье есть,
Как радость, настоящее.
Оно в груди отца, вот здесь!
Живое и горящее.

Он их спасет любой ценой,
Великою любовью.
Не чудом, не водой живой,
А выше, чем живой водой, –
Своей живою кровью.

Привстал на лапах пеликан,
Глазами мир обвел
И клювом грудь себе вспорол,
А клюв как ятаган!

Сложились крылья-паруса,
Доплыв до высшей цели.
Светлели детские глаза,
Отцовские – тускнели...

Смешная птица пеликан:
Он грузный, неуклюжий,
Громадный клюв как ятаган,
И зоб – тугой как барабан,
Набитый впрок на ужин...

Пусть так. Но я скажу иным
Гогочущим болванам:
– Снимите шапки перед ним,
Перед зобастым и смешным,
Нескладным пеликаном!

1964 г.

ДИКИЕ ГУСИ (Лирическая быль)

С утра покинув приозерный луг,
Летели гуси дикие на юг.
А позади за ниткою гусиной
Спешил на юг косяк перепелиный.

Все позади: простуженный ночлег,
И ржавый лист, и первый мокрый снег...
А там, на юге, пальмы и ракушки
И в теплом Ниле теплые лягушки.

Вперед! Вперед! Дорога далека,
Все крепче холод, гуще облака,
Меняется погода, ветер злей,
И что ни взмах, то крылья тяжелей.

Смеркается... Все резче ветер в грудь,
Слабеют силы, нет, не дотянуть!
И тут протяжно крикнул головной:
– Под нами море! Следуйте за мной!

Скорее вниз! Скорей, внизу вода!
А это значит – отдых и еда! –
Но следом вдруг пошли перепела.
– А вы куда? Вода для вас – беда!

Да, видно, на миру и смерть красна.
Жить можно разное. Смерть – всегда одна!..
Нет больше сил... И шли перепела
Туда, где волны, где покой и мгла.

К рассвету все замолкло... тишина...
Медлительная, важная луна,
Опутав звезды сетью золотой,
Загадочно повисла над водой.

А в это время из далеких вод
Домой, к Одессе, к гавани своей,
Бесшумно шел красавец турбоход,
Блестя глазами бортовых огней.

Вдруг вахтенный, стоявший с рулевым,
Взглянул за борт и замер, недвижим.
Потом присвистнул: – Шут меня дери!
Вот чудеса! Ты только посмотри!

В лучах зари, забыв привычный страх,
Качались гуси молча на волнах.
У каждого в усталой тишине
По спящей перепелке на спине...

Сводило горло... Так хотелось есть!..
А рыб вокруг – вовек не перечесть!
Но ни один за рыбой не нырнул
И друга в глубину не окунул.

Вставал над морем искрометный круг,
Летели гуси дикие на юг.
А позади за ниткою гусиной
Спешил на юг косяк перепелиный.

Летели гуси в огненный рассвет,
А с корабля смотрели им вослед, –
Как на смотру – ладонь у козырька, –
Два вахтенных – бывалых моряка!

1964 г.

ЭФЕМЕРА ВУЛЬГАРИС

Серебристый огонь под сачком дрожит,
Только друг мой добыче той рад не очень:
Эфемера Вульгарис... Обычный вид.
Однодневная бабочка. Мелочь, в общем...

Что ж, пускай для коллекции в строгой раме
Не такая уж это находка. Пусть!
Только я к Эфемере вот этой самой
Как-то очень по-теплому отношусь.

Мы порой с осуждением привыкли звать
Несерьезных людей и иные отсевики
Нарицательно: «Бабочки-однодневки».
Я б иную тут все-таки клал печать.

Мотылек с ноготок? Отрицать не будем.
И, однако, неплохо бы взять пример
С этих самых вот маленьких Эфемер
Многим крупным, но мелким душою людям.

Сколько времени тянется день на земле?
Скажем, десять часов, ну двенадцать всего-то.
Но какая борьба и какая работа
Ради этого света кипит во мгле!

Где-то в речке, на дне, среди вечной ночи,
Где о крыльях пока и мечтать забудь,
Эфемера, личинка-чернорабочий,
Начинает свой трудный и долгий путь.

Грязь и холод... Ни радости, ни покоя.
Рак ли, рыба – проглотят, того и жди.
А питанье – почти что и никакое.
Только надобно выжить любой ценою
Ради цели, которая впереди.

Как бы зло ни сложилась твоя судьба
И какие б ни ждали тебя напасти,
Не напрасны лишения и борьба,
Если все испытания – ради счастья.

И оно впереди – этот луч свободы!
А куда лишь холод да гниль корней.
И такого упрямства почти три года,
Ровно тысяча черных и злых ночей.

Ровно тысяча! Каждая как ступень.
Ровно тысяча. Выдержать все сполна.
Словно в сказке, где «тысяча и одна...»,
Только здесь они все за один лишь день.

И когда вдруг придет он на дно реки,
Мир вдруг вспыхнет, качнется и зазвенит.
К черту! Панцири порваны на куски.
И с поверхности речки, как дым легки,
Серебристые бабочки мчат в зенит.

Вот оно – это счастье. А ну, лови!
Золотое, крылатое, необъятное.
Счастье синего неба, цветов, любви
И горячего солнца в глазах, в крови –
Семицветно-хмельное, невероятное.

– Но позвольте! – мне могут сейчас сказать. –
Кто ж серьезно такую теорию строит?
Это что же: бороться, терзаться, ждать
И за краткое счастье вдруг все отдать?
Разве стоит так жить?! – А по-моему, стоит!

Если к цели упрямо стремился ты,
И сумел, и достиг, одолев ненастья,
Встать в лучах на вершине своей мечты,
Задыхаясь от солнца и высоты,
От любви и почти сумасшедшего счастья.

Пусть потом унесут тебя ветры вдаль
В синем, искристом облаке звездной пыли...
За такое и жизни порой не жаль,
Что б там разные трусы ни говорили!

1969 г.

«РЫБЬЕ СЧАСТЬЕ» (Сказка-шутка)

В вышине, отпылав, как гигантский мак,
Осыпался закат над речушкой зыбкой.
Дернул удочку резко с подсечкой рыбак
И швырнул на поляну тугую рыбку.

Вынул флягу, отпил, затуманя взгляд,
И вздохнул, огурец посыпая солью:
– Отчего это рыбы всегда молчат?
Ну мычать научились хотя бы, что ли!

И тогда, будто ветер промчал над ним,
Потемнела вода, зашумев тревожно,
И громадный, усатый, как боцман, налим
Появился и басом сказал: – Это можно!

Я тут вроде царя. Да не трусь, чудак!
Влей-ка в пасть мне из фляги. Вот так... Спасибо!
Нынче зябко... А речка – не печка. Итак,
Почему, говоришь, бессловесны рыбы?

Стар я, видно, да ладно, поговорим.
Рыбы тоже могли бы, поверь, судачить.
Только мы от обиды своей молчим,
Не хотим – и шабаш! Бойкотируем, значит!

Мать-природа, когда все вокруг творила,
Не забыла ни львов, ни паршивых стрекоз,
Всех буквально щедротами одарила
И лишь рыбаам коленом, пардон, под хвост!

Всем на свете: от неба до роц тенистых, –
Травы, солнышко... Пользуйтесь! Благодать!
А вот нам ни ветров, ни цветов душистых,
Ни носов, чтоб хоть что-то уж там вдыхать!

Кто зимою в меху, кто еще в чем-либо
Греют спины в берлоге, в дупле – везде!
Только ты, как дурак, в ледяной воде
Под корягу залез – и скажи спасибо!

Мокро, скверно... Короче – одна беда!
Ну а пища? Ведь дрянь же едим сплошную.
Плюс к тому и в ушах и во рту вода.
Клоп и тот не польстится на жизнь такую.

А любовь? Ты взгляни, как делила любовь
Мать-природа на всех и умно и складно:
Всем буквально – хорошую, теплую кровь.
Нам – холодную. Дескать, не сдохнут, ладно!

В общем, попросту мачеха, а не мать.
Вот под вечер с подругой заплыл в протоку,
Тут бы надо не мямлить и не зевать,
Тут обнять бы, конечно! А чем обнять?
Даже нет языка, чтоб лизнуть хоть в щеку.

А вдобавок скажу тебе, не тая,
Что в красавицу нашу влюбиться сложно –
Ничего, чем эмоции вызвать можно:
Плавники да колючая чешуя...

Скажешь, мелочи... плюньте, да и каюк!
Нет, стой, не спеши хохотать так лихо!
Как бы ты, интересно, смеялся, друг,
Если б, скажем, жена твоя чудом вдруг
Превратилась в холодную судачиху?

А взгляни-ка на жен наших в роли мам.
Вот развешат икру перед носом папы,
И прощай! А икру собирай хоть в шляпу
И выращивай, папочка милый, сам!

Ну а рыбы мальки, только срок придет –

Сразу ринутся тучей! И смех, и драма:
Все похожи. И черт их не разберет,
Чьи детишки, кто папа и кто там мама!

Так вот мы и живем среди морей и рек.
Впрочем, разве живем? Не живем, а маемся.
Потому-то сидим и молчим весь век
Или с горя на ваши крючки цепляемся!

Э, да что... Поневоле слеза пробьет...
Ну, давай на прощанье глотнем из фляги.-
Он со вздохом поскреб плавником живот,
Выпил, тихо икнул и ушел под коряги...

1969 г.

КОМАРЫ (Шутка)

Человек – это царь природы.
С самых древних еще веков
Покорил он леса, и воды,
И мышей, и могучих львов.

Но, «ракетным» став и «машинным»,
Царь, с великим своим умом,
Оказался, увы, бессильным
Перед крохотным комаром.

Комары ж с бесшабашным риском,
Не задумавшись ни на миг,
С разудалым разбойным писком
Истязают своих владык!

Впрочем, есть и у этой «братии»
Две особенно злых поры:
На рассвете и на закате
Сквозь любые плащи и платья
Людоедствуют комары.

Люди вешают сеток стенки,
Люди жмутся спиной к кострам,
Люди бьют себя по коленкам
И по всем остальным местам.

Нет спасенья от тех налетов
И в ночные, увы, часы:
Воют хищные «самолеты»
И пикируют с разворота
На расчесанные носы.

Людям просто порой хоть вешаться.
И, впустую ведя борьбу,

Люди воют, скребутся, чешутся,
Проклиная свою судьбу.

А полки наглецов крылатых
Налетают за будь здоров
И на темени кандидатов,
И на лысины докторов.

Жрут без всяческих аргументов,
Без почтения, увы, хоть плачь.
Даже члены-корреспонденты
Удирают порою с дач!

И какие уж там красоты,
Если где-нибудь, горбя стан,
Человек, этот «царь природы»,
Вдруг скребется, как павиан!

Впрочем, надо признаться, к счастью,
Что разбойничий тот «народ»,
Нас не полным составом жрет,
А лишь хищной своею частью.

Сам комар – травоядно-тихий.
От рождения он не зол.
А кусают нас зло и лихо
Только «женщины»-комарихи,
Ну, как водится, – «слабый пол»!

Ах, ученые-энтомологи!
Вам самим же пощады нет.
Вылезайте же из-под пологов,
Из-под сеток на божий свет.

Если хочет сама природа,
Чтоб комар на планете жил,
Дайте ж средство такого рода,
Чтобы «зверь» этот год за годом
Вроде с пользой бы послужил.

Измените вы в нем наследственность,
Озарите лучами мглу
И пустите «кусачью» деятельность
По направленному руслу.

Чтоб не смели они касаться
Всех добрейших людских голов,
А кусали бы лишь мерзавцев,
Негодяев и подлецов.

Вот тогда-то, чего же проще,
Все раскрылись бы, как один:
Раз ты цел, – значит, ты хороший,
Ну а тот, кто искусан в роще,
Сразу ясно, что сукин сын.

И чтоб стали предельно дороги
Людям реки и тишь лесов,
Подзаймитесь же, энтомологи,
Воспитанием комаров!

Пусть с душой комары поют
Для хороших людей все лето.
А мерзавцев пускай сожрут.
Полагаю, друзья, что тут
Никаких возражений нету!

1973 г.

БУРУНДУЧОК

Блеск любопытства в глазишках черных,
Стойка, пробежка, тугой прыжок.
Мчится к вершине ствола задорно
Веселый и шустрый бурундучок.

Бегает так он не для потехи –
Трудяга за совесть, а не за страх.
В защечных мешочках, как в двух рюкзачках,
Он носит и носит к зиме орехи.

А дом под корнями – сплошное чудо:
Это и спальня и сундучок.
Орехов нередко порой до пуда
Хранит в нем дотошный бурундучок.

Но жадность сжигает людей иных
Раньше, чем им довелось родиться.
И люди порою «друзей меньших»
Не бьют, а «гуманно» лишь грабят их,
Грабеж – это все-таки не убийство.

И, если матерому браконьеру
Встретится норка бурундучка –
Разбой совершится наверняка
Самую подлою, злою мерой!

И разве легко рассказать о том,
Каким на закате сидит убитым
«Хозяин», что видит вконец разрытым
И в прах разоренным родимый дом.

Охотники старые говорят
(А старым охотникам как не верить!),
Что слезы блестят на мордашке зверя,
И это не столько от злой потери,

Сколько обида туманит взгляд.

Влезет на ветку бурундучок,
Теперь его больше ничто не ранит,
Ни есть и ни пить он уже не станет,
Лишь стихнет, сгорбясь, как старичок.

Тоска – будто льдинка: не жжет, не гложет,
Охотники старые говорят,
Что так на сучке просидеть он может
Порой до пятнадцати дней подряд.

От слабости шею не удержать,
Стук сердца едва ощутим и редок...
Он голову тихо в скрещенье веток
Устроит и веки смежит опять...

Мордашка забавная, полосатая
Лежит на развилке без всяких сил...
А жизнь в двух шагах с чабрецом и мятою,
Да в горе порою никто не мил...

А ветер предгрозя, тугой, колючий,
Вдруг резко ударит, потрянет сучок,
И закачается бурундучок,
Повиснув навек меж землей и тучей...

Случалось, сова или хорь встревожит,
Он храбро умел себя защитить.
А подлость вот черную пережить
Не каждое сердце, как видно, может.

1975 г.

ДАЧНИКИ

1

Брызгая лужами у ворот,
Ветер мчит босиком по улице.
Пригорок, как выгнувший спину кот,
Под солнцем в сонной дремоте щурится.

Радость взрослых и детворы!
Долой все задачи и все задачки!
Да здравствуют лодки, грибы, костры!
И вот из города, из жары
С шумом и грохотом едут дачники.

Родители любят своих ребят
И, чтобы глаза малышей блестели,
Дарят им кошек, птенцов, щенят,
Пускай заботятся и растят.
Хорошему учатся с колыбели!

И тащат щенята с ранней зари
С хозяев маленьких одеяла.
Весь день раздается: – Служи! Замри! –
Нет, право же, что там ни говори,
А добрых людей на земле немало!

2

Ветер колючий листву сечет
И, по-разбойничьи воя, кружит.
Хлопья седые швыряет в лужи
И превращает их в ломкий лед.

Сады, нахохлившись, засыпают,
В тучи закутался небосклон.
С грохотом дачники уезжают,
Машины, простудно сопя, чихают
И рвутся выбраться на бетон.

И слышат только седые тучи
Да с крыш галдящее воронье,
Как жалобно воеет, скулит, мяучит
На дачах брошенное зверье.

Откуда им, кинутым, нынче знать,
Что в час, когда месяц блеснет в окошке
(Должны же ведь дети спокойно спать!),
Родители будут бесстыдно лгать
О славной судьбе их щенка иль кошки.

Что ж, поиграли – и с глаз долой!
Кончилось лето, и кончились чувства.
Бездумно меняться вот так душой –
Непостижимейшее искусство!

А впрочем, «звери» и не поймут,
Сердца их все с тою же верой бьются.
Они на крылечках сидят и ждут
И верят, глупые, что дождутся...

И падает, падает до зари,
Как саван, снежное покрывало...
Конечно же, что там ни говори,
А «добрых» людей на земле немало!

1972 г.

МЕДВЕЖОНОК

Беспощадный выстрел был и меткий.
Мать осела, зарывчав негромко,
Боль, веревки, скрип телеги, клетка...
Все как страшный сон для медвежонка...

Город суетливый, непонятный,
Зоопарк – зеленая тюрьма,
Публика снует туда-обратно,
За оградой высятся дома...

Солнца блеск, смеющиеся губы,
Возгласы, катанье на лошадке,
Сбросить бы свою медвежью шубу
И бежать в тайгу во все лопатки!

Вспомнил мать и сладкий мед пчелы,
И заныло сердце медвежонка,
Носом, словно мокрая клеенка,
Он, сопя, обнюхивал углы.

Если в клетку из тайги попасть,
Как тесна и как противна клетка!
Медвежонок грыз стальную сетку
И до крови расцарапал пасть.

Боль, обида – все смешалось в сердце.
Он, рыча, корябал доски пола,
Бил с размаху лапой в стены, дверцу
Под нестройный гул толпы веселой.

Кто-то произнес: – Смотрите в оба!
Надо стать подальше, полукругом.
Невелик еще, а сколько злобы!
Ишь, какая лютая зверюга!

Силищи да ярости в нем сколько,
Попадись-ка в лапы – разорвет! –
А «зверюге» надо было только
С плачем ткнуться матери в живот.

1948 г.

ЗАРЯНКА

С вершины громадной сосны спозаранку
Ударил горячий, веселый свист.
То, вскинувши клюв, как трубу горнист,
Над спящей тайгою поет заряника.

Зарянкой зовется она не зря:
Как два огонька и зимой, и летом
На лбу и груди у нее заря
Горит, не сгорая, багряным цветом.

Над чащей, где нежится тишина,
Стеклянные трели рассыпав градом,
– Вставайте, вставайте! – звенит она. –
Прекрасное – вот оно, с вами рядом!

В розовой сини – ни бурь, ни туч,
Воздух, как радость, хмельной и зыбкий.
Взгляните, как первый веселый луч
Бьется в ручье золотою рыбкой.

А слева в нарядах своих зеленых
Цветы, осыпанные росой,
Застыли, держа на тугих бутонах
Алмазно блещущие короны
И чуть смущаясь своей красотой!

А вон, посмотрите, как свежим утром
Речка, всплеснув, как большой налим,
Смеется и бьет в глаза перламутром
То красным, то синим, то золотым!

И тотчас над спящим могучим бором,
Как по команде, со всех концов
Мир отозвался стозвонным хором
Птичьих радостных голосов.

Ветер притих у тропы лесной,
И кедры, глаза протерев ветвями,
Кивнули ласково головами:
– Пой же, заряночка! Пей же, пой!

Птицы в восторге. Да что там птицы!
Старый медведь и ворчун барсук,
Волки, олени, хорьки, лисицы
Стали, не в силах пошевелиться,
И пораженно глядят вокруг.

А голос звенит горячо и смело,
Зовя к пробуждению, любви, мечте.
Даже заря на пенек присела,
Заслушавшись песней о красоте.

Небо застыло над головой,
Забыты все битвы и перебранки,
И только лишь слышится: – Пой же, пой!
Пой, удивительная зарянка!

Но в час вдохновенного озаренья
В жизни художника и певца
Бывает такое порой мгновенье,
Такое ярчайшее напряженье,
Где сердце сжигается до конца.

И вот, как в кипящем водовороте,
Где песня и счастье в одно слились,
Зарянка вдруг разом на высшей ноте
Умолкла. И, точно в крутом полете,
Как маленький факел упала вниз.

А лес щебетал и звенел, ликуя,
И, может, не помнил уже никто
О сердце, сгоревшем дотла за то,
Чтоб миру открыть красоту земную...

Сгоревшем... Но разве кому известно,
Какая у счастья порой цена?
А все-таки жить и погибнуть с песней –
Не многим такая судьба дана!

1973 г.

ОРЕЛ

Царем пернатых мир его зовет.
И он как будто это понимает:
Всех смелостью и силой поражает
И выше туч вздымает свой полет.

О, сколько раз пыталось воронье,
Усевшись на приличном отдаленье,
Бросать с ревнивой ненавистью тени
На гордое орлиное житье.

За что он славу издавна имеет?
С чего ему почтение и честь?
Ни тайной долголетия не владеет,
Ни каркать по-вороньи не умеет,
Ни даже просто падали не ест.

И пусть он как угодно прозывается,
Но если поразмыслить похитрей,
То чем он от вороны отличается?
Ну разве что крупнее да сильней!

И как понять тупому воронью,
Что сердце у орла, не зная страха,
Сражается до гибели, до праха
С любым врагом в родном своем краю.

И разве может походить на них
Тот, кто, зенит крылами разрезая,
Способен в мире среди всех живых
Один смотреть на солнце не мигая!

1975 г.

БЕНГАЛЬСКИЙ ТИГР

Весь жар отдавая бегу,
В залитый солнцем мир
Прыжками мчался по снегу
Громадный бенгальский тигр.

Сзади – пальба, погоня,
Шум станционных путей,
Сбитая дверь вагона,
Паника сторожей...

Клыки обнажились грозно,
Сужен колючий взгляд.
Поздно, слышите, поздно!
Не будет пути назад!

Жгла память его, как угли,
И часто ночами, в плену,
Он видел родные джунгли,
Аистов и луну.

Стада антилоп осторожных,
Важных слонов у реки, –
И было дышать невозможно
От горечи и тоски!

Так месяцы шли и годы.
Но вышла оплошность – и вот,
Едва почуяв свободу,
Он тело метнул вперед!

Промчал полосатой птицей
Сквозь крики, пальбу и страх.
И вот только снег дымится
Да ветер свистит в ушах!

В сердце восторг, не злоба!
Сосны, кусты, завал...
Проваливаясь в сугробы,
Он все бежал, бежал...

Бежал, хоть уже по жилам
Холодный катил озноб,
Все крепче лапы сводило,
И все тяжелее было
Брать каждый новый сугроб.

Чувствовал: коченеет.
А может, назад, где ждут?
Там встретят его, согреют,
Согреют и вновь запрут...

Все дальше следы уходят
В морозную тишину.
Видно, смерть на свободе
Лучше, чем жизнь в плену?!

Следы через все преграды
Упрямо идут вперед.
Не ждите его. Не надо.
Обратно он не придет.

1965 г.

ЯШКА

Учебно-егерский пункт в Мытищах,
В еловой роще, не виден глазу.
И все же долго его не ищут.
Едва лишь спросишь – покажут сразу.

Еще бы! Ведь там не тихие пташки,
Тут место веселое, даже слишком.
Здесь травят собак на косматого мишку
И на лису – глазастого Яшку.

Их кормят и держат отнюдь не зря,
На них тренируют охотничьих псов,
Они, как здесь острят егеря,
«Учебные шкуры» для их зубов!

Ночь для Яшки всего дороже:
В сарае тихо, покой и жизнь...
Он может вздремнуть, подкрепиться может,
Он знает, что ночью не потревожат,
А солнце встанет – тогда держись!

Егерь лапищей Яшку сгребет
И вынесет на заре из сарая,
Туда, где толпа возбужденно ждет
И рвутся собаки, визжа и лая.

Брошенный в нору, Яшка сжимается.
Слыша, как рядом, у двух ракич,
Лайки, рыча, на медведя кидаются,
А он, сопя, от них отбивается
И только цепью своей гремит.

И все же, все же ему, косолапому,
Полегче. Ведь – силища... Отмахнется...
Яшка в глину уперся лапами

И весь подобрался: сейчас начнется.

И впрямь: уж галдят, окружая нору,
Мужчины и дамы в плащах и шляпах,
Дети при мамах, дети при папах,
А с ними, лисий учуя запах,
Фоксы и таксы – рычащей сворой.

Лихие «охотники» и «охотницы»,
Ружья-то в руках не державшие даже,
О песьем дипломе сейчас заботятся,
Орут и азартно зонтами машут.

Интеллигентные вроде люди!
Ну где же облик ваш человеческий?
– Поставят «четверку», – слышатся речи, –
Если пес лису покалечит.
– А если задушит, «пятерка» будет!

Двадцать собак и хозяев двадцать
Рвутся в азарте и дышат тяжко.
И все они, все они – двадцать и двадцать
На одного небольшого Яшку!

Собаки? Собаки не виноваты!
Здесь люди... А впрочем, какие люди?!
И Яшка стоит, как стоят солдаты,
Он знает, пощады не жди. Не будет!

Одна за другой вползают собаки,
Одна за другой, одна за другой...
И Яшка катается с ними в драке,
Израненный, вновь встречает атаки
И бьется отчаянно, как герой!

А сверху, через стеклянную крышу, –
Десятки пылающих лиц и глаз,
Как в Древнем Риме, страстями дышат:
– Грызи, Меркурий! Смелее! Фас!

Ну, кажется, все... Доконали вроде!..
И тут звенящий мальчиший крик:
– Не смейте! Хватит! Назад, уроды! –
И хохот: – Видать, сробел ученик!

Егерь Яшкину шею потрогал,
Смыл кровь... – Вроде дышит еще – молодец!
Предшественник твой протянул немного.
Ты дольше послужишь. Живуч, стервец!

День помутневший в овраг сползает,
Небо зажглось светляками ночными,
Они надо всеми равно сияют,
Над добрыми душами и над злыми...

Лишь, может, чуть ласковей смотрят туда,
Где в старом сарае, при егерском доме,
Маленький Яшка спит на соломе,
Весь в шрамах от носа и до хвоста.

Ночь для Яшки всего дороже:
Он может двигаться, есть, дремать,
Он знает, что ночью не потревожат,
А утро придет, не прийти не может,
Но лучше про утро не вспоминать!

Все будет снова – и лай и топот,
И деться некуда – стой! Дерись!
Пока однажды под свист и гогот
Не оборвется Яшкина жизнь.

Сейчас он дремлет, глуша тоску...
Он – зверь. А звери не просят пощады...
Я знаю: браниться нельзя, не надо,
Но тут, хоть режьте меня, не могу!

И тем, кто забыл гуманность людей,
Кричу я, исполненный острой горечи:

– Довольно калечить души детей!
Не смейте мучить животных, сволочи!

1968 г.

БАЛЛАДА О БУЛАНОМ ПЕНСИОНЕРЕ

Среди пахучей луговой травы
Недвижный он стоит, как изваянье,
Стоит, не подымая головы,
Сквозь дрему слыша птичье щебетанье.

Цветы, ручьи... Ему-то что за дело!
Он слишком стар, чтоб радоваться им:
Облезла грива, морда поседела,
Губа отвисла, взгляд подернул дым...

Трудился он, покуда были силы,
Пока однажды, посреди дороги,
Не подкачали старческие жилы,
Не подвели натруженные ноги.

Тогда решили люди: «Хватит, милый!
Ты хлеб возил и веялки крутил.
Теперь ты – конь без лошадиной силы,
Но ты свой отдых честно заслужил!»

Он был на фронте боевым конем,
Конем рабочим слыл для всех примером,
Теперь каким-то добрым шутником
Он прозван был в селе Пенсионером,

Пускай зовут! Ему-то что за дело?!
Он чуток только к недугам своим:
Облезла грива, морда поседела,
Губа отвисла, взгляд подернул дым...

Стоит и дремлет конь среди ромашек,
А сны плывут и рвутся без конца...
Быть может, под седлом сейчас он пляшет
Под грохот мин на берегу Донца.

«Марш! Марш!» – сквозь дым доваторский бросок!
Но чует конь, пластаясь на скаку,
Как старшина схватился за луку,
С коротким стоном выронив клинок...

И верный конь не выдал старшины,
Он друга спас, он в ночь ушел карьером!
Теперь он стар... Он часто видит сны.
Его зовут в селе Пенсионером...

Дни что возы: они ползут во мгле...
Вкус притупился, клевер – как бумага.
И, кажется, ничто уж на земле
Не оживит и не встряхнет конягу.

Но как-то раз, округу пробуждая,
В рассветный час раздался стук и звон.
То по шоссе, маневры совершая,
Входил в деревню конный эскадрон.

И над садами, над уснувшим плесом,
Где в камышах бормочет коростель,
Рассыпалась трубы медноголосой
Горячая раскатистая трель.

Как от удара, вздрогнул старый конь!
Он разом встрепенулся, задрожал,
По сонным жилам пробежал огонь,
И он вдруг, вскинув голову, заржал!

Потом пошел. Нет, нет, он поскакал!
Нет, полетел! Под ним земля качалась,
Подковами он пламень высекал!
По крайней мере, так ему казалось...

Взглянул и вскинул брови эскадронный:
Стараясь строго соблюдать равнение,
Шел конь без седока и снаряженья,
Пристроившись в хвосте его колонны.

И молвил он: – А толк ведь есть в коне!
Как видно, он знаком с военным строем! –
И, старика похлопав по спине,
Он весело сказал: – Привет героям!

Четыре дня в селе стоял отряд.
Пенсионер то навещал обозы,
То с важным видом обходил наряд,
То шел на стрельбы, то на рубку лозы.

Он сразу словно весь помолодел:
Стоял ровнее, шел – не спотыкался,
Как будто шкуру новую надел,
В живой воде как будто искупался!

В вечерний час, когда закат вставал,
Трубы пронесся серебристый звон;
То навсегда деревню покидал,
Пыля проселком, конный эскадрон.

«Марш! Марш!» И только холодок в груди,
Да ветра свист, да бешеный карьер!
И разом все осталось позади:
Дома, сады и конь Пенсионер.

Горел камыш, закатом обагренный,
Упругий шлях подковами звенел.
Взглянул назад веселый эскадронный,
Взглянул назад – и тотчас потемнел!

С холма, следя за бешеным аллюром,
На фоне догорающего дня
Темнела одинокая фигура
Вдруг снова постаревшего коня...

1957 г.

ВЫСОКИЙ ДОЛГ

Осмотр окончен. На какой шкале
Отметить степень веры и тревоги?!
Налево – жизнь, направо – смерть во мгле,
А он сейчас, как на «ничьей земле»,
У света и у мрака на пороге...

Больной привстал, как будто от толчка,
В глазах надежда, и мольба, и муки,
А доктор молча умывает руки
И взгляд отводит в сторону слегка.

А за дверьми испуганной родне
Он говорит устало и морозно:
– Прошу простить, как ни прискорбно мне,
Но, к сожаленью, поздно, слишком поздно!

И добавляет: – Следует признаться,
Процесс запущен. В этом и секрет.
И надо ждать развязки и мужаться.
Иных решений, к сожаленью, нет.

Все вроде верно. И, однако, я
Хочу вмешаться: – Стойте! Подождите!
Я свято чту науку. Но простите,
Не так тут что-то, милые друзья!

Не хмурьтесь, доктор, если я горяч,
Когда касаюсь вашего искусства,
Но медицина без большого чувства
Лишь ремесло. И врач уже не врач!

Пусть безнадежен, может быть, больной,
И вы правы по всем статьям науки,
Но ждать конца, сложив спокойно руки,
Да можно ль с настоящею душой?!

Ведь если не пылать и примиряться
И не стремиться поддержать плечом,
Пусть в трижды безнадежной ситуации,
Зачем же быть сестрой или врачом?!

Чтоб был и впрямь прекраснейшим ваш труд,
За все, что можно, яростно цепляйтесь,
За каждый шанс и каждый вздох сражайтесь
И даже после смерти семь минут!

Ведь сколько раз когда-то на войне
Бывали вдруг такие ситуации,
Когда конец. Когда уже сражаться
Бессмысленно. И ты в сплошном огне,

Когда горели и вода и твердь,
И мы уже со смертью обнимались,
И без надежды все-таки сражались,
И выживали. Побеждали смерть!

И если в самых гиблых ситуациях
Мы бились, всем наукам вопреки,
Так почему ж сегодня не с руки
И вам вот так же яростно сражаться?!

Врачи бывали разными всегда:
Один пред трудной хворостью смирялся,
Другой же не сдавался никогда
И шел вперед. И бился и сражался!

Горел, искал и в стужу и в грозу,
Пусть не всегда победа улыбалась,
И все же было. Чудо совершалось.
И он счастливый смахивал слезу...

Ведь коль не он – мечтатель и боец,
И не его дерзанья, ум и руки,
Каких высот достигли б мы в науке

И где б мы сами были, наконец?!

Нельзя на смерть с покорностью смотреть,
Тем паче где терять-то больше нечего,
И как порою ни упряма смерть –
Бесстрашно биться, сметь и только сметь!

Сражаться ради счастья человеческого.
Так славьтесь же на много поколений,
Упрямыми сердцами горячи,
Не знающие страха и сомнений
Прекрасные и светлые врачи!

19 сентября 1984 г.

ОШИБКА

К нему приезжали три очень солидных врача.
Одна все твердила о грыже и хирургии.
Другой, молоточком по телу стуча,
Рецепт прописал и, прощаясь, промолвил ворча
О том, что тут явно запущена пневмония.

А третий нашел, что банальнейший грипп у него,
Что вирус есть вирус. Все просто и все повседневно.
Плечо же болит вероятней всего оттого,
Что чистил машину и гвозди вколачивал в стену.

И только четвертый, мальчишка, почти практикант,
На пятые сутки со «Скорой» примчавшийся в полночь,
Мгновенно поставил диагноз: обширный инфаркт.
Внесли кардиограф. Все точно: обширный инфаркт.

Уколы, подушки... Да поздно нагрянула помощь.
На пятые сутки диагноз... И вот его нет!
А если бы раньше? А если б все вовремя ведать?
А было ему только сорок каких-нибудь лет,
И сколько бы смог он еще и увидеть и сделать!

Ошибка в диагнозе? Как? Отчего? Почему?!
В ответ я предвижу смущенье, с обидой улыбки:
– Но врач – человек! Так неужто, простите, ему
Нельзя совершить, как и всякому в мире, ошибки?!

Не надо, друзья. Ну к чему тут риторика фраз?
Ведь честное слово, недобрая это дорога!
Минер ошибается в жизни один только раз,
А сколько же врач? Или все тут уж проще намного?!

Причины? Да будь их хоть сотни, мудреных мудрей,
И все же решенье тут очень, наверно, простое:
Минер за ошибку расплатится жизнью своей,

А врач, ошибаясь, расплатится жизнью чужою.

Ошибка – конец. Вновь ошибка, и снова – конец!
А в мире ведь их миллионы, с судьбою плачевной,
Да что миллионы, мой смелый, мой юный отец,
Народный учитель, лихой комиссар и боец,
Когда-то погиб от такой вот «ошибки» врачебной.

Не видишь решенья? Возьми и признайся: – Не знаю! –
Талмуды достань иль с другими вопрос обсуди.
Не зря ж в Гиппократовой клятве есть фраза такая:
«Берясь за лечение, не сделай беды. Не вреди!»

Бывает неважной швея или слабым рабочий,
Обидно, конечно, да ладно же, все нипочем,
Но врач, он не вправе быть слабым иль так, между прочим,
Но врач, он обязан быть только хорошим врачом!

Да, доктор не бог. Тут иного не может быть мненья.
И смерть не отменишь. И годы не сдвинутся вспять.
Но делать ошибки в диагнозах или лечение –
Вот этих вещей нам нельзя ни терпеть, ни прощать!

И пусть повторить мне хотя бы стократно придется:
Ошибся лекальщик – и тут хоть брани его век,
Но в ящик летит заготовка. А врач ошибется,
То «в ящик сыграет», простите, уже человек!

Как быть? А вот так: нам не нужно бумаг и подножья
Порой для престижа. Тут главное – ум и сердца,
Учить надо тех, в ком действительно искорка божья,
Кто трудится страстно и будет гореть до конца!

Чтоб к звездам открытий взмыть крыльям, бесстрашно звенящим,
Пускай без статистик и шумных парадных речей
Дипломы вручаются только врачам настоящим
И в жизнь выпускают одних прирожденных врачей.

Чтоб людям при хворях уверенно жить и лечиться,

Ищите, ребята, смелее к наукам ключи.
У нас же воистину есть у кого поучиться,
Ведь рядом же часто первейшие в мире врачи.

Идите же дальше! Сражайтесь упрямо и гибко.
Пусть счастьем здоровья от вашего светит труда!
Да здравствует жизнь! А слова «роковая ошибка»
Пусть будут забыты уверенно и навсегда!

1984 г.

НАДЕЖНОЕ ПЛЕЧО

Ах, как же это важно, как же нужно
В час, когда беды лупят горячо
И рвут, как волки, яростно и дружно,
Иметь всегда надежное плечо!

Неважно чье: жены, или невесты,
Иль друга, что стучится на крыльце.
Все это – сердцу дорогие вести.
Но всех важней, когда все это – вместе,
Когда жена и друг в одном лице.

Пусть чувства те воспеты и прославлены,
И все-таки добавим еще раз,
Что коль любовь и дружба не разбавлены,
А добровольно воедино сплавлены,
То этот сплав прочнее, чем алмаз.

А если все совсем наоборот,
Вот так же бьет беда и лупит вьюга,
И нет нигде пощады от невзгод,
И ты решил, что тут-то и спасет
Тебя плечо единственного друга!

И вот ты обернулся сгоряча,
Чтоб ощутить родное постоянство,
И вдруг – холодный ужас: нет плеча!
Рука хватает черное пространство...

Нет, не сбежала близкая душа,
И вроде в злом не оказалась стане,
А лишь в кусты отпрянула, спеша,
Считая бой проигранным заранее.

И наблюдая издали за тем,
Как бьют тебя их кулаки и стрелы,

Сурово укоряла: – Ну зачем
Ты взял да и ввязался в это дело?!

Вот видишь, как они жестоко бьют
И не щадят ни сил твоих, ни сердца.
А можно было и сберечь уют,
И где-то в ямке тихо отсидеться.

И вот, сражаясь среди злой пурги,
Ты думаешь с отчаяньем упрямым:
Ну кто тебе опаснее: враги
Или друзья, что прячутся по ямам?!

И пусть невзгоды лупят вновь и вновь,
Я говорю уверенно и круто:
Не признаю ни дружбу, ни любовь,
Что удирают в трудную минуту!

Да, в мире есть различные сердца.
Но счастлив тот, я этого не скрою,
Кому досталось именно такое:
В любое время, доброе и злое,
Надежное навек и до конца!

1992 г.

СУДЬБА СТРАНЫ

Пути земли круты и широки.
Так было, есть и так навечно будет.
Живут на той земле фронтовики –
Свалившие фашизм, простые люди.

И пусть порою с ними не считаются
Все те, кто жизнь пытаются взнуздать,
И все ж они не то чтобы стесняются,
А как-то в их присутствии стараются
Не очень-то на Родину плевать.

Нет у бойцов уже ни сил, ни скорости,
И власти нет давно уж никакой,
И все-таки для общества порой
Они бывают чем-то вроде совести.

И сверхдельцам, что тянут нас ко дну,
И всем политиканствующим сворам
Не так-то просто разорять страну
Под их прямым и неподкупным взором.

Но бури лет и холода ветров
Не пролетают, к сожаленью, мимо,
И чаще всех разят неумолимо
Усталые сердца фронтовиков.

И тут свои особенные мерки
И свой учет здоровья и беды,
И в каждый День Победы на поверке
Редуют и редуют их ряды.

И как ни хмурьте огорченно лоб,
Но грянет день когда-нибудь впервые,
Когда последний фронтовик России
Сойдет навек в последний свой окоп...

И вот простите, дорогие люди,
И что же будет с Родиной тогда?
И слышу смех: «Какая ерунда!
Да ничего практически не будет!

Возьмем хоть нашу, хоть другие страны:
Везде была военная беда,
И всюду появлялись ветераны,
И после уходили ветераны,
А жизнь не изменялась никогда!»

Что ж, спорить тут, наверно, не годится.
Да, были страны в бурях и беде,
Но то, что на Руси сейчас творится,
За сотни лет не ведали нигде!

И вот сегодня бывшие солдаты,
Которые за солнце и весну
Фашизму душу вырвали когда-то
И людям мир вернули в сорок пятом,
С тревогой смотрят на свою страну.

И хочется им крикнуть: – Молодые!
Не рвитесь из родного вам гнезда!
Не отдавайте никому России,
Ведь что бы ни случилось, дорогие,
Второй у нас не будет никогда!

Не подпускайте к сердцу разговоры,
Что будто бы заморское житье
Сулит едва ль не золотые горы.
Вот это чушь и дикое вранье!

Не позволяйте обращать в пожарища
Такие превосходные слова,
Как: Родина, Отечество, Товарищи –
Им жить и жить, пока страна жива!

Взамен культуры и больших идей,
Чтоб не могли мы ни мечтать, ни чувствовать,
Нас учат перед Западом холуйствовать
И забывать о звании людей!

Но, как бы нас ни тщились унижать,
Нельзя забыть ни по какому праву,
Что Волгу вероломству не взнуздать
И славу никому не растоптать,
Как невозможно растоптать державу!

Ведь мы сыны могущества кремлевского,
Мы всех наук извели успех,
Мы – родина Толстого и Чайковского
И в космос путь пробрили раньше всех!

И пусть стократ стремятся у России
Отнять пути, ведущие вперед.
Напрасный труд! В глаза ее святые
Не даст цинично наплевать народ!

И, сдерживая справедливый гнев,
Мы скажем миру: – Не забудьте, люди:
Лев, даже в горе, все равно он – лев,
А вот шакалом никогда не будет!

А в чем найти вернейшее решение?
Ответ горит, как яркая звезда:
Любить Россию до самозабвения!
Как совесть, как святое вдохновение,
И не сдавать позиций никогда!

25 мая 1993 г. Красновидово

ПОДМОСКОВНЫЙ РАССВЕТ

Кристине Асадовой

До чего ж рассвет сегодня звонок
В пенисто-вишневых облаках.
Он сейчас, как маленький ребенок,
Улыбнулся радостно спросонок
У природы в ласковых руках.

А внизу туман то валом катится,
То медведем пляшет у реки,
Ежится рябинка в тонком платье,
Спят, сутулясь, клены-старички.

Яркая зарянка в небо прямо
Золотую ввинчивает трель,
И с болот, как по сигналу, с гамом
Вскинулась гусяная метель.

Ни страшинки, а сплошная вера
В солнце, в жизнь и доброту лесов.
И нигде ни пули браконьера,
Л лишь чистый, без границ и меры,
Густо-пряный аромат лугов.

И бежит по дачному порядку
Физкультурно-резвый ветерок,
То подпрыгнет, то пойдет вприсядку,
То швырнет, как бы играя в прятки,
В занавеску сонную песок.

Дверь веранды пропищала тонко,
И, сощурясь, вышла на крыльцо,
Как букетик, крошечка-девчонка,
В солнечных накрапушках лицо.

Вдоль перил две синие букашки

Что-то ищут важное, свое.
А у ног – смеющиеся кашки,
Огненные маки да ромашки,
Как на новом платье ее!

И от этой буйной пестроты
Девочка смешливо удивляется:
То ль цветы к ней забрались на платье,
То ли с платья прыгают цветы?

Стоголоса птахи заливаются,
В ореолах песенных горя,
А заря все выше подымается,
Чистая и добрая заря.

Бабочке панамкою маша,
Девочка залиvisto смеется.
Аистенком тополь в небо рвется.
Отчего же словно бы сожмется
Вдруг на краткий миг моя душа?

Что поделать. Память виновата.
Словно штык, царапнула она,
Что в такой вот день давно когда-то
(Не избыть из сердца этой даты!)
Черным дымом вскинулась война...

Не хочу, не надо, не согласен!
Этого не смеют повторить!
Вон как купол беспредельно ясен,
Как упруга солнечная нить.

Новый день берет свои права,
Мышцами веселыми играя.
А за ним – цветущая Москва,
Шумная и солнцем залитая.

Не вернутся дымные года,
Вырастай и смело к счастью взвейся,

Смейся, моя маленькая, смейся,
Это все навечно, навсегда!

1980 г.

КРИСТИНА

Влетела в дом упругим метеором
И от порога птицею – ко мне,
Смеясь румянцем, зубками и взором,
Вся в юности, как в золотом огне.

Привычно на колени забралась:
– Вон там девчонки спорят за окошком!
Скажи мне: есть космическая связь?
И кто добрей: собака или кошка?!

Я думаю, я мудро разрешаю
И острый спор, и вспыхнувший вопрос,
А сам сижу и восхищенно таю
От этих рук, улыбок и волос.

Подсказываю, слушаю, разгадываю
Ее проблем пытливых суету
И неприметно вкладываю, вкладываю
В ее сердчишко ум и доброту.

Учу построже к жизни приглядеться,
Не все ведь в мире песни хороши.
И сам учусь распахнутости сердца
И чистоте доверчивой души.

Все на земле имеет осмысленье:
Печали, встречи, радости борьбы,
И этой вот девчонки появленье,
А если быть точнее, то явленье
Мне был как перст и высший дар судьбы.

Бегут по свету тысячи дорог.
Не мне прочесть все строки этой повести,
Не мне спасти ее от всех тревог,
Но я хочу, чтоб каждый молвить мог,

Что в этом сердце все живет по совести!

Пусть в мире мы не боги и не судьи,
И все же глупо жить, чтобы коптеть,
Куда прекрасней песней прозвенеть,
Чтоб песню эту не забыли люди.

И в этом свете вьюги и борьбы,
Где может разум попирает невежда,
Я так тебе хочу большой судьбы,
Мой вешний лучик, праздник и надежда!

И я хотел бы, яростно хотел
В беде добыть тебе живую воду,
Стать мудрой мыслью в многодумье дел
И ярким светом в злую непогоду!

И для меня ты с самого рожденья
Не просто очень близкий человек,
А смысл, а сердца новое биенье,
Трудов и дней святое продолженье –
Живой посланник в двадцать первый век!

Темнеет... День со спорами горячими
Погас и погрузился в темноту...
И гном над красновидовскими дачами
Зажег лимонно-желтую луну.

В прихожей дремлют: книжка, мячик, валенки,
Мечты зовут в далекие края.
Так спи же крепко, мой звоночек маленький,
Мой строгий суд и песенка моя...

И я прошу и небо, и долины,
Молю весь мир сквозь бури и года:
Пусть над судьбой Асадовой Кристины,
Храня от бед, обманов и кручины,
Горит всегда счастливая звезда!

1990 г.

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Кристине Асадовой

Пекут блины. Стоит веселый чад.
На масленицу – всюду разговенье!
Сегодня на Руси, как говорят,
Прощеное святое воскресенье!

И тут, в весенне-радужном огне,
Веселая, как утренняя тучка,
Впорхнула вместо ангела ко мне
Моя самостоятельная внучка.

Хочет заразительно и звонко,
Способная всю землю обойти,
Совсем еще зеленая девчонка
И совершенно взрослая почти.

Чуть покругившись ярким мотыльком,
Уселась на диване и сказала:
– Сегодня День прощенья. Значит, в нем
Сплелись, быть может, лучшие начала.

И вот, во имя такого дня,
Коль в чем-то провинилась, допускаю,
Уж ты прости, пожалуйста, меня. –
И, поцелуем сердце опьяня,
Торжественно:
– И я тебя прощаю!

– С древнейших лет на свете говорят,
Что тот, кто душам праведным подобен,
Тот людям окружающим способен
Прощать буквально все грехи подряд. –

И, возбужденно вскакивая с места,
Воскликнула: – Вот я тебя спрошу

Не ради там какого-нибудь теста,
А просто для души. Итак, прошу!

Вот ты готов врагов своих простить?
– Смотря каких... – сказал я осторожно.
– Нет, ну с тобою просто невозможно!
Давай иначе будем говорить:

Ну мог бы ты простить, к примеру, ложь?
– Ложь? – я сказал, – уж очень это скверно.
Но если лгун раскаялся, ну что ж,
И больше не солжет – прощу, наверно.

– Ну, а любовь? Вот кто-то полюбил,
Потом – конец! И чувства не осталось...
Простил бы ты?
– Пожалуй бы простил,
Когда б она мне искренне призналась.

– Ну, а теперь... Не будем говорить,
Кто в мире злей, а кто добрей душою.
Вопрос вот так стоит перед тобою:
А смог бы ты предательство простить? –

Какой ответ сейчас я должен дать?
Вопрос мне задан ясно и солидно.
Как просто тем, кто может все прощать!
А я молчу... Мне нечего сказать...
Нет, не бывать мне в праведниках, видно!

1995 г.

ОДИНОЧЕСТВО

Мне казалось когда-то, что одиночество –
Это словно в степи: ни души вокруг.
Одиночество – это недобрый друг
И немного таинственный, как пророчество.

Одиночество – это когда душа
Ждет, прикрыв, как писали когда-то, вежды,
Чтобы выпить из сказочного ковша
Золотые, как солнце, глотки надежды...

Одиночество – дьявольская черта,
За которой все холодно и сурово,
Одиночество – горькая пустота,
Тишина... И вокруг ничего живого...

Только время стрелой летит порой,
И в душе что-то новое появляется.
И теперь одиночество открывается
По-другому. И цвет у него иной.

Разве мог я помыслить хоть раз о том,
Что когда-нибудь в мире, в иные сроки
В центре жизни, имея друзей и дом,
Я, исхлестанный ложью, как злым кнутом,
Вдруг застыну отчаянно-одиноким?!..

И почувствую, словно на раны соль,
Как вокруг все безжалостно изменилось,
И пронзит мою душу такая боль,
О какой мне и в тягостном сне не снилось.

День, как рыба, ныряет в густую ночь.
Только ночь – жесточайшая это штука:
Мучит, шепчет о подлостях и разлуках,
Жжет тоской – и не в силах никто помочь!

Только помощь до крика в душе нужна!
Вот ты ходишь по комнате в лунных бликах...
До чего это все же чудно и дико,
Что вокруг тебя жуткая тишина...

Пей хоть водку, хоть бренди, хоть молоко!
Всюду – люди. Но кто тебе здесь поможет?!
Есть и сердце, что многое сделать может,
Только как оно дьявольски далеко!

Обратись к нему с правдой, с теплом и страстью.
Но в ответ лишь холодная тишина...
Что оно защищает – превыше счастья,
Зло – ничтожно. Но сколько в нем черной власти!

Мышь способна порой победить слона!
На земле нашей сложно и очень людно.
Одиночество – злой и жестокий друг.
Люди! Милые! Нынче мне очень трудно,
Протяните мне искренность ваших рук!

Я дарил вам и сердце свое, и душу,
Рядом с вами был в праздниках и в беде.
Я и нынче любви своей не нарушу,
Я – ваш друг и сегодня везде-везде!

Нынче в душу мне словно закрыли дверь.
Боль крадется таинственными шагами.
Одиночество – очень когтистый зверь,
Только что оно, в сущности, рядом с вами?!

Сколько раз меня било тупое зло,
Сколько раз я до зверской тоски терзался,
Ах, как мне на жестокую боль везло!
Только вновь я вставал и опять сражался!

Ложь, обиды, любые земные муки
Тяжелы. Но не гибнуть же, наконец!

Люди! Милые! Дайте мне ваши руки
И по лучику ваших живых сердец!

Пусть огонь их в едином пучке лучится,
Чтобы вспыхнуть, чтоб заново возродиться,
Я сложу все их бережно: луч – к лучу,
Словно перья прекрасной, как мир, жар-птицы,
И, разбив одиночество, как темницу,
Вновь, быть может, до радости долечу.

28 мая 1995 г. Красновидово

СЛАДКАЯ ГОРЕЧЬ

Сколько чувств ты стараешься мне открыть,
Хоть с другими когда-то и не старалась.
Там все как-то само по себе получалось –
То ль везение чье-то, а то ли прыть?

Я был вроде лагуны в нелегкий час,
Где так славно укрыться от всякой бури,
И доверчив порою почти до дури,
И способен прощать миллионы раз...

Видно, так уж устроена жизнь сама,
Что нахальство всех чаще цветы срывает.
И чем больше скрывается в нем дерьма,
Тем щедрей оно радости получает.

Почему я на свете избрал тебя?
Ну – наивность. Допустим, а все же, все же,
Ведь должно же быть что-то, наверно, тоже,
Чем зажегся я, мучаясь и любя.

Да, сверкнула ты искренно, как звезда,
Что зовет тебя радостно за собою.
Сколько счастья изведал бы я тогда,
Если б только огонь тот зажжен был мною
И светил только мне через все года!

Сколько ласк ты порой подарить стараешься,
Говоря, что живешь, горячо любя.
Но стократ убеждая сама себя,
И сама-то, пожалуй, не убеждаешься...

Только я тебе так от души скажу:
Не терзай ни себя, ни меня. Не надо.
Ведь искусственность – это же не награда,
И не этим я, в сущности, дорожу.

Ведь все то, чем ты дышишь и чем живешь,
Что в душе твоей самое дорогое,
Для меня и враждебное, и чужое
И не может быть дорого ни на грош.

Вот такой у нас, видно, нелегкий случай.
И никто не подаст нам благую весть.
Только ты не насилуй себя, не мучай:
Выша сердца не прыгнешь. Что есть – то есть!

Встал рассвет, поджигая ночную тень,
Ты в работе. И я – не совсем бездельник.
Слышишь: в кухне со свистом кипит кофейник.
Что ж, пойдем распечатывать новый день!

И не надо нам, право же, притворяться.
Будем жить и решать миллион задач.
Делать все, чтоб на споры не наткаться,
И знакомым приветливо улыбаться,
И рассеивать тучи, и ждать удач!

7 марта 1996 г.

ВЕЧНАЯ РАНА

Сколько раз получал я на свете раны!
Но страшней всех не пули и не ножи,
Не осколки. А боль моя постоянно
От того, что особенно беспощадно:
От предательств и самой поганой лжи.

Вот я думаю с горьким недоумением
Про лгунов и предателей: в чем их суть?
Ведь они обладают таким умением
Все для собственной выгоды повернуть.

Только нет и глупей этих подлых глаз,
Ибо кара за всякое преступленье
И слабее, и легче во много раз
Постоянного страха разоблаченья.

Ложь все время рискованна, как обвал,
Что навис угрожающе и опасно:
Ибо каждое слово, что ты сказал,
Чтоб потом как-нибудь не попасть в провал,
Нужно помнить практически ежечасно.

Потому-то мне кажется, что лгуны,
Даже пусть не глупцы и совсем не дуры,
Тем не менее все-таки лишены
Двух вещей: это СОВЕСТИ и КУЛЬТУРЫ!

Вот сидишь с хитрецом. Ну ни дать, ни взять –
Как на иглах. И думаешь: «Где же прав ты?!»
И ты вынужден все как на пробу брать
И слова его вечно сортировать,
Чтоб все время отсеивать ложь от правды.

И тоска хуже волка порою гложет –
Как подчас с дорогим человеком быть?

Коль не хочет он искренно говорить
Или попросту, хуже того, не может...

И когда ты воистину изнемог,
А кому-то в душе над тобой хохочется,
И не видно вдали никаких дорог,
Значит, просто: зажми себя на замок
И – молчи. Только, господи, как не хочется!

2 декабря 1996 г.

СЕРЕНАДА ВЕСНЫ

Галине Асадовой

Ну вот и снова грянула весна
Под птичьи свиристелки и волынки!
Мир вновь как на раскрашенной картинке!
Средь красок же всех яростней одна.

Вернее, две – зеленая и красная:
Рассвет-закат, как апельсиновый сок –
То брызги, то ликующий поток –
И зелень ослепительно-прекрасная!

На ней еще ни пыли, ни жучков,
Она сияет первозданной свежестью,
Немного клейкой и душистой нежностью
Под невесомым снегом облаков...

Вот кажется: немного разбегись,
Затем подпрыгни, разметавай ладони,
И вместе с ветром унесешься ввысь,
И мир в сплошной голубизне потонет!..

Еще порыв! Еще один рывок!
И ты – в зените... А в тумане где-то
В душистой дымке кружится планета
И сматывает в огненный клубок
Сноп лучей заката и рассвета.

Хватай в ладони синеву небес
И, погрузив в нее лицо и душу,
Прислушивайся, как ласкают уши
И горный ветер, и моря, и лес...

И это глупость: будто человек
Не в силах ощутить величье мира.
Лишь тот живет безрадостно и сиром,

Кто в скуку будней погружен навек.

Ну, а у нас иной состав крови,
И мы – иной закваски и устройства,
Сердца у нас с тобой такого свойства,
Где и в мороз грохочут соловьи!

И нам надежда неспроста дана:
Давно ли ты осеннею порою
Грустила перед завтрашней весной...
А вот смотри: уже опять весна!

И кто сказал, что молодость прошла?
Ведь мы сдаемся, в сущности, формально,
Ну, может статься, в чем-то визуально,
Но главных сил судьба не отняла!

И разве то бодрячество пустое?
Об этом глупо даже говорить,
Когда мы ухитряемся с тобою
В любые стужи праздники творить!

А чтоб с годами нам не погружаться
В прострацию ни телом, ни душой,
Давай с тобой почаще возвращаться
В дни наших ярких праздников с тобой!

Красива для других ты или нет,
Знай: для меня ты все равно красавица!
Ведь если в сердце уже столько лет
Горит, ни разу не погаснув, свет,
То чувства здесь ни на день не состарятся.

И вот еще что непременно знай:
Тут нет «словес», здесь все на самом деле.
И раз вот так я говорю в апреле –
То как же нас еще согреет май!

У нас сегодня ранняя весна:

В полях под солнцем задышали озими.
А мы с тобой... Ну разве же мы поздние,
Коль, обнявшись, хмелеем допьяна!

И столько, хлопотушечка моя,
Ты мне дарила счастья, что в награду
Я отдаю и сердце не тая,
И песнь души. Считай, что это я
Пою тебе в восторге серенаду!

3 апреля 1991 г.

СЕРДЕЧНЫЙ СОНЕТ

Я тебе посвящаю столько стихов,
Что вокруг тебя вечно смеется лето.
Я тебя вынимаю из всех грехов
И сажаю на трон доброты и света.

Говорят, что без минусов нет людей.
Ну так что ж, это я превосходно знаю!
Недостатки я мысленно отсекаю,
Оставляя лишь плюсы души твоей.

Впрочем, только лишь плюсы души одной?
А весь образ, таящий одни блаженства?!
Коль творить тебя с радостью и душой –
То выходит действительно совершенство.

Я, как скульптор, из песен тебя леплю –
И чем дольше, тем больше тебя люблю!

1993 г.

ВЕЧНОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Когда ты, любой выбирая маршрут,
Выходишь из дома, уж так я устроен,
Что я за тебя почему-то спокоен
Не больше чем первые пять минут.

Известно, что в городе все случается.
Но вот, пока в доме хозяйки нет,
Во мне будто вспыхнет вдруг красный свет
И зуммер тревоги в душе включается.

Я занят. Работа моя кипит,
Машинка стучит, но никто не знает,
Что выдержка эта – лишь внешний вид,
В то время как зуммер в душе звенит
И красный огонь без конца мигает!

Но вот заворочался ключ в дверях...
Ты дома! Работа моя продолжается,
Но лампочка тотчас же выключается
И страх рассыпается в пух и прах!

Когда расстается с ребенком мать,
Душа ее мчится за малышом:
Он – кроха! И мысли ее о нем!
И это любому легко понять.

А тут вроде взрослый же человек!
И, кажется, больше чем взрослый даже,
А чуть разлучившись, и жизнь – как сажа...
А встретились – радость белей, чем снег!

Смешно? Что ж, пускай и смешно кому-то.
Еще бы: ведь каждому столько лет!
Но, знаешь, мне кажется почему-то,
Что тут абсолютно вопросов нет!

И дело прекраснейше объясняется:
Ведь там, где два сердца стучат в одном,
То время вдруг словно бы отключается
И возраст практически ни при чем!

1994 г.

ТЩЕСЛАВНАЯ ВРАЖДА

*У поэтов есть такой обычай,
В круг сойдясь, оплевывать друг друга...*

Дм. Кедрин

Наверно, нет в отечестве поэта,
Которому б так крупно «повезло»,
Чтоб то его в журнале, то в газетах,
А то и в ревнивом выступленьи где-то
Бранили б так настойчиво и зло.

За что бранят? А так, причин не ищут.
Мне говорят: – Не хмурься, не греши,
Ведь это зависть! Радуйся, дружище! –
Ну что ж, я рад... Спасибо от души...

Но не тому, что кто-то раздраженный
Терзается в завистливой вражде,
Такое мне не свойственно нигде.
Я потому смотрю на них спокойно,
Что мой читатель многомиллионный
Всегда со мной и в счастье, и в беде.

Включил приемник. Вот тебе и раз!
Какой-то прыщ из «Голоса Америки»
Бранит меня в припадочной истерике
Густым потоком обозленных фраз.

Клянет за то, что молодежь всегда
Со мною обретает жар и смелость,
И я зову их вовсе не туда,
Куда б врагам отчаянно хотелось.

Мелькнула мысль: досадно и смешно,

Что злость шипит и в нашем доме где-то,
И хоть вокруг полно друзей-поэтов,
А недруги кусают все равно.

И хочется сказать порою тем,
Кто в распрях что-то ищет, вероятно,
Ну, там клянут, так это все понятно.
А вы-то, черт вас подери, зачем?!

Успех, известность, популярность, слава...
Ужель нам к ним друг друга ревновать?
На это время попросту терять
До боли жаль, да и обидно, право!

Ну, а всего смешней, что даже тот,
Кому б, казалось, слава улыбается,
Порой, глядишь, не выдержав, срывается –
Не весь сграбастал, кажется, почет!

С утра газету развернул и вдруг
На краткий миг окаменел, как стенка:
Ну вот – сегодня нож вонзает друг.
Теперь уже вчерашний – Евтушенко.

В стихах громит ребят он за грехи:
Зачем у них в душе стихи Асадова?!
Читать же надо (вот ведь племя адово!)
Его стихи, всегда его стихи!

О жадность, ведь ему давно даны
Трибуны самых громких заседаний,
Есть у него и званье, и чины,
А у меня лишь вешний пульс страны
И никаких ни должностей, ни званий!

Ну что ж, пускай! Зато сомнений нет,
Уж если вот такие негодуют,
И, гордость позабыв, всю ревнуют,
То я и впрямь достойнейший поэт!

1986 г.

Я МЕЛКОЙ ЗЛОСТИ В ЖИЗНИ НЕ ИСПЫТЫВАЛ...

Я мелкой злости в жизни не испытывал,
На мир смотрел светло, а потому
Я ничему на свете не завидовал:
Ни силе, ни богатству, ни уму.

Не ревновал ни к радостному смеху
(Я сам, коли захочется, – смеюсь),
Ни к быстрому и громкому успеху
(И сам всего хорошего добьюсь).

Но вы пришли. И вот судите сами:
Как ни смешно, но я признаюсь вам,
Что с той поры, как повстречался с вами,
Вдруг, как чудак, завидую вещам!

Дверям, что вас впускают каждый вечер,
Настольной лампе, сделанной под дуб,
Платку, что обнимает ваши плечи,
Стакану, что коснулся ваших губ.

Вы усмехнетесь, дескать, очень странно,
Вещь – только вещь! И я согласен. Да.
Однако вещи с вами постоянно,
А я – вдали. И в этом вся беда!

А мне без вас неладно и тревожно:
То снег, то солнце чувствую в крови.
А мне без вас почти что невозможно,
Ну хоть совсем на свете не живи!

Я мелкой злости с детства не испытывал,
На мир смотрел светло, а потому
Я ничему на свете не завидовал:
Ни славе, ни богатству, ни уму!

Прошу вас: возвратите мне свободу!
Пусть будет радость с песней пополам.
Обидно ведь завидовать вещам,
Когда ты человек и царь природы!

1968 г.

БАНКРОТЫ

Любовь сегодня, словно шляпу, скинули.
Сердца так редко от восторга бьются.
Любовь как будто в угол отодвинули,
Над ней теперь едва ли не смеются.

Конечно, жизнь от зла не остановится,
Но как, увы, со вздохом не признаться,
Что дети часто словно производятся,
Вот именно, цинично производятся,
А не в любви и счастья рождаются.

Любовь не то чтоб полностью забыли,
А как бы новый написали текст.
Ее почти спокойно заменили
На пьянство, порновидики и секс.

Решили, что кайфуют. И вкушают
Запретных прежде сексуальных «яств».
И, к сожаленью, не подозревают,
Что может быть отчаянно теряют
Редчайшее богатство из богатств.

Считают так: свобода есть свобода!
Ну чем мы хуже зарубежных стран?!
И сыплют дрянь на головы народа,
И проститутки лезут на экран.

Что ж, там и впрямь когда-то многократно
Нырjali в секс, над чувствами смеясь.
Потом, очнувшись, кинулись обратно,
А мы как будто сами ищем пятна,
Берем и лезем откровенно в грязь.

И тут нам превосходно помогают
Дельцы, чьи души – доллары и ложь,

Льют грязь рекой, карманы набивают –
Тони в дерьме, родная молодежь!

А жертвы все глотают и глотают,
Ничем святым давно не зажжены,
Глотают и уже не ощущают,
Во что они почти превращены.

И до чего ж обидно наблюдать
Всех этих юных и не юных «лириков»,
Потасканных и проржавевших циников,
Кому любви уже не повстречать.

И что их спесь, когда сто раз подряд
Они провозят жалобными нотами,
Когда себя однажды ощутят
Все, все навек спустившими банкротами.

Нет, нет, не стыд! Такая вещь, как «стыдно»,
Ни разу не встречалась в их крови.
А будет им до ярости завидно
Смотреть на то, как слишком очевидно
Другие люди счастливы в любви!

1990 г.

НЕ БЕЙТЕ ДЕТЕЙ!

Не бейте детей, никогда не бейте!
Поймите, вы бьете в них сами себя,
Неважно, любя их иль не любя,
Но делать такого вовек не смейте!

Вы только взгляните: пред вами – дети,
Какое ж, простите, геройство тут?!
Но сколько ж таких, кто жестоко бьют,
Вложив чуть не душу в тот черный труд,
Заведомо зная, что не ответят!

Кричи на них, бей! А чего стесняться?!
Ведь мы ж многократно сильнее детей!
Но если по совести разобраться,
То порка – бессилье больших людей!

И сколько ж порой на детей срывается
Всех взрослых конфликтов, обид и гроз.
Ну как же рука только поднимается
На ужас в глазах и потоки слез?!

И можно ль распущенно озлобляться,
Калеча и душу, и детский взгляд,
Чтоб после же искренно удивляться
Вдруг вспышкам жестокости у ребят.

Мир жив добротою и уваженьем,
А плетка рождает лишь страх и ложь.
И то, что не можешь взять убежденьем –
Хоть тресни – побоями не возьмешь!

В ребячьей душе все хрустально-тонко,
Разрушим – вовеки не соберем.
И день, когда мы избивали ребенка,
Пусть станет позорнейшим нашим днем!

Когда-то подавлены вашей силою,
Не знаю, как жить они после будут,
Но только запомните, люди милые,
Они той жестокости не забудут.

Семья – это крохотная страна.
И радости наши произрастают,
Когда в подготовленный грунт бросают
Лишь самые добрые семена!

1990 г.

ВЛАСТНОЙ ЖЕНЩИНЕ

С годами вы так придавили мужа,
Что он и не виден под каблуком.
Пусть доля его – не придумать хуже,
Но вам-то какая же радость в том?

Ведь вам же самой надоест тюфяк,
И тут вы начнете тайком тянуться
К таким, что не только нигде не гнутся,
Но сами вас после зажмут в кулак.

Так, право, не лучше ли вам самой
Вдруг стать, извините, добрейшей бабой,
Сердечною, ласковой, даже слабой,
Короче – прекраснейшею женой?!

6 июня – 6 октября 1991 г. Красновидово

НАИВНОСТЬ

Сколько я прочел на свете строк
О любви, как плетью оскорбленной,
О любви, безжалостно сожженной,
Из сплошных терзаний и тревог.

Сколько раз я слышал от друзей
О разбитом на осколки счастье
И о злой или холодной власти,
В пешки превращающей людей.

И тогда мне думалось невольно:
Пусть не все я знаю на земле,
Но в науке о добре и зле
Преуспел я нынче предовольно.

– Что мне зло и хитрости ужи! –
Думал я в самовлюбленном барстве.
Знал. И слова тут мне не скажи!
А споткнулся на глупейшей лжи
И на примитивнейшем коварстве...

Что ж, пускай! Не загрохочет гром,
И звезда не задрожит в эфире.
Просто помнить следует о том,
Что одним доверчивым ослом
Стало больше в этом мире!

1991 г.

СОН В ВЕШНЮЮ НОЧЬ (Маленькая поэма)

На крышах антенны зажглись, как свечи,
Внизу ж у подъездов уже темно.
Рыжий закат с любопытством по плечи
Просунул голову в чье-то окно.

В лужу скамья загляделась, как в прудик,
Господи, сколько же нынче воды!
Крохотный прудик тот, как изумрудик,
Зеленью блещет в лучах звезды.

Тучки, луною опоены,
Как рыбы плавают полусонные.
А тополь с вербою, как влюбленные,
Обнявшись, шепчутся у стены.

Двор в этот час безлюден и пуст,
Только в углу среди цветов спросонок
Ветер жует сиреневый куст,
Словно губастенький жеребенок.

Сны, расправляя крылья свои,
Слетают с высот в этот мир огромный,
И дремлет во тьме, как щенок бездомный,
Ведерко, забытое у скамьи...

Что это: музыка за окном?
Сойка пропела ли в свете лунном?
Иль, пролетая, провел крылом
Стриж по серебряно-звездным струнам?

Вспыхнул фонарь, и обиженный мрак
Влез по трубе на соседний дом
И, погрозив фонарю кулаком,
Вором проник на глухой чердак.

Чуть дальше – тощее, как Кощей,
Салатное здание у киоска,
Будто хозяин в зеленом плаще
Гуляет с беленькой шустрой моськой.

Вдали возле стройки грузовики
Стоят настороженным полукругом.
И, сдвинув головы, как быки,
Сурово обнюхивают друг друга.

Громадная туча, хвостом играя,
Как кит, проплывает чрез небосклон,
И, с грохотом пасть свою разевая,
Звездный заглатывает планктон.

Луна, как циклоп, ярко-желтым глазом,
Сощурясь, уставились беспардонно
На улицы, окна и на балконы,
Чтоб жизнь человечью постигнуть разом...

И как же ей нынче не заприметить
Мужчину в комнате у стены,
Чьи думы сейчас в этом лунном свете
Грустнейше-грустны и темным-темны.

Он ходит по комнате. Он читает.
Садится, работает у стола.
А сам словно где-то сейчас витает.
Но с кем? И какие сейчас решает,
Быть может, проблемы добра и зла?

Конфликты. Ну что они в жизни значат?!
Амбиции, ревности, пыль страстей,
Укоры, удачи и неудачи,
Когда все должно быть совсем иначе,
Без драм и запальчиво-злых речей.

Ведь часто как в сказочке: «Жили-были...»

Все славно! И вдруг – словно гром с небес.
Что сделалось? Что вдруг не поделили?!
Какой их стравил идиотский бес?

И люди (а сколько вот так случается),
Задумав какой-то конфликт решить,
В такие обиды порой вгрызаются
И так распалются-раскаляются,
Что лютым морозом не остудить.

Сейчас и самим не найти причин,
Не вспомнить, зачем и с какой привычки,
Кто первым для пламени чиркнул спички
И кто в это пламя плеснул бензин?

О счастье мы все досконально знаем:
Где – первые радости, где – венец,
Истоки же горя подчас теряем,
А помним лишь зло, результат, конец.

Он тоже все помнит и ясно видит,
Как женщина, стоя уже в дверях,
В глазах и страданье, и гнев, и страх,
Кричит что-то в яростно-злой обиде.

Двух взглядов скрещенье острей мечей,
Людей уже нет – только их подобье.
Затем – будто пушка, удар дверей
И стук каблуков пулеметной дробью!

Мчат птицами месяцы и недели.
Разрыв, словно ветер, глаза сечет,
Обида колючею, злой метелью
Любое тепло обращает в лед.

Но как же в любви не просты дела:
Он курит, он сущность постичь пытается:
Кто прав? Кто виновен? Пришла – ушла...
Эх, кончить все разом и сжечь дотла!

Да вот не выходит, не получается.

Ведь мы словно кони, порой по кругу
Бежим и не ведаем: как нам быть?
Зачем, разорвав уже часто нить,
Мы все продолжаем любить друг друга?!

Гром, будто дьявольским кулаком,
Грохнул по хрупкому небосводу,
И тот, как бассейн с расколотым дном,
Вылил стеною на землю воду.

Новая вспышка. Удар! Гроза!
Стонут от грохота водостоки,
Лупят отвесно с небес потоки,
Синее пламя слепит глаза!

Вышел из комнаты на балкон,
Струи блестят, как жгуты тугие,
Молвил с почтеньем: – гремит стихия!
Даже не верится: явь иль сон!

Но что это, что это там – внизу:
Словно подбитая с лету птица,
Кто-то застигнутый ливнем мчится
Прямо сквозь ветер и сквозь грозу...

Чуть улыбнулся: – Стихия, гром!
Ну и везет же сейчас бедняге!
Вдруг, пораженный, одним чутьем,
Словно ошпаренный кипятком,
Стал на мгновенье белей бумаги!

Быстро, насколько достало сил,
Стул опрокинув, почти не веря,
Будто по воздуху – прямо к двери!
И, не дождавшись звонка, открыл!

Чудо? Иль шутки творит гроза?!

Стали вдруг ватными сразу ноги...
Женщина молча глаза в глаза –
Мокрой принцессою на пороге...

Падают звонко струи воды
С локонов, сумки, со всей одежды.
Вместо лица – две больших звезды,
Полных отчаянья и надежды.

– Мы... Мы не виделись сотни лет!
Пусть я ужаснее всех на свете...
Хочешь, гони меня, хочешь – нет,
Только окончим мученья эти!..

Знаю: тебя и себя терзала,
Трубки швыряла и все рвала...
А ведь ждала... Каждый день ждала...
Боже, да сжечь меня просто мало!

Можешь простить меня?.. Я не сплю?..
Дождь – как крещенье... Я даже рада...
Господи! Как я тебя люблю!..
– А я еще больше!.. Не плачь... Не надо!

И это не я, это ты прости!
Я тоже свернулся смешней улитки!
– Безумец... Постой обнимать... Пусти!
Да ты же промокнешь сейчас до нитки!.. –

С хохотом кружится человек
С милым промокшим, бесценным грузом!
Кружит земля голубым арбузом,
Кружится звезд серебристый снег.

Ветер, ворвавшись, успел вскричать:
– Видите, люди, как вы не гибки!
Страшно не столько свершать ошибки,
Сколько упрямо на них стоять!

Кружатся мысли и в теле кровь:
Вот оно, самое в мире ценное!
Радостно кружится вся вселенная,
Ибо вселенная есть любовь!

11 февраля 1992 г. Москва

МАГНЕТИЗМ

О, как же мы странно с тобой прощаемся:
Твердим: «До свиданья», твердим: «Пока».
Но только все время в руке рука,
И мы их так слабо разнять пытаемся.

Ужасное время – пора разлуки...
Но, кажется, силы у нас нашлись.
Однако, едва лишь разжались руки,
Как губы вдруг взяли да и слились.

А губы слились – значит, смолкли речи.
Но чуть только мы их смогли обуздать,
Как тут устремились друг к другу плечи
И руки уже обнялись опять.

О, Господи! Что же творит любовь?!
Все планы практически рассыпаются:
То руки мгновенно опять смыкаются,
То губы встречаются вновь и вновь...

А чуть распрощаемся до конца,
Как все будто снова летит по кругу:
То ноги несут нас опять друг к другу,
То тянутся руки, то вновь сердца.

О, люди! Запомните мой совет:
Коль вдруг вот такое у вас случится,
Не мучьтесь, а мчитесь бегом жениться.
Другого решения просто нет!

1994 г.

ВСЕ, ЧТО СЕРДЦУ ДОРОГО И СВЯТО

Не гордитесь пред фронтовиками,
Молодость спалившими в огне,
Что сильны умами и сердцами
И в невзгодах твердыми шагами
Вдаль идут со всеми наравне.

Ну, а тем, кто фыркает на старших,
Отвечая, можем пошутить:
– Не считайте старших за пропавших,
Ибо мы еще девчонок ваших
Можем хоть на вечер, да отбить!

Быть надменным – это очень просто,
Ну а смысл, скажите мне, какой?
Ведь крупнее надо быть не ростом,
А умом, простите, и душой!

И чтоб жил в вас настоящий свет,
Не забудьте мудрые уроки.
Вспомните, как всюду на Востоке
Старших чтут буквально с юных лет.

Вас с отцами сталкивают рьяно,
Но вершите в сердце честный суд.
Жизнь ведь застят вам не ветераны,
Это было б все смешно и странно,
А все те, кто, добавляя раны,
Злей, чем волки, Родину грызут.

Вот на них пусть гнев и направляется
И бескомпромиссно, и сполна.
Родина людьми не выбирается,
И в душе тут сделки не свершаются,
Мир велик, а Родина – одна!

И чтоб самозваная «Фемида»
Не плевала в лица нам при споре,
Не давайте Родину в обиду,
Ни ее героев, ни истории.

И, послав подальше наглецов,
Никогда в душе своей не рвите
Те живые, трепетные нити,
Что идут от дедов и отцов!

Если ж мы на вас и поворчим,
Так затем, что крепко доверяем.
А еще затем, что все ключи
Вам от этой жизни оставляем...

Скоро вьюга каждого из нас
В дальний путь подымет по тревоге.
Только если дух наш не погас,
А остался с вами в добрый час –
Много легче будет нам в дороге.

И пускай звенит у вас в груди
Все, что вечно дорого и свято.
А еще успехов вам, ребята,
И большого счастья впереди!

1992 г.

ВОЛШЕБНАЯ СТРЕЛА

Амур сидел под небом на скале,
Подставив солнцу голову и плечи
И глядя вниз, туда, где на земле
Жило бездарно премя человечье.

Порой, устав от дремы и от скуки
И вспомнив про насущные дела,
Он брал свой лук в божественные руки,
И вниз летела острая стрела.

Где дорог человеку человек,
Там от Амура никуда не деться.
И двух влюбленных поражая в сердце,
Стрела любовь дарила им навек.

Но если уж признаться до конца,
То был Амур трудолюбив не очень
И, долг свой исполняя между прочим,
Не слишком часто поражал сердца.

А раз Амура лень не покидала,
То многого на свете и не жди.
Вот почему любви везде так мало,
А мелких связей – просто пруд пруди!

Но нас судьба забыть не пожелала,
Не быть же вечно нам сердцами врозь,
И сердце мне, как снегиря, насквозь
Стрела, сверкнув, однажды пронизала.

И вот стрела уже к тебе летит,
Туда, где и твое стучит и бьется.
Сейчас она насквозь его пронзит,
И счастье нам навеки улыбнется.

Взлетай же к небу, негасимый пламень!
Сейчас раздастся музыка! И вдруг...
Какой-то странный, непонятный звук,
Как будто сталь ударила о камень.

О, господи, да что ж это такое?!
Неужто цели не нашла стрела?
Увы. Найти – конечно же нашла,
Но сердце оказалось ледяное...

О, сколько дел подвластно человеку:
Взлететь на неземную высоту,
Проникнуть в атом, слить с рекою реку
И сотворить любую красоту.

И все-таки все это не венец,
Пусть он и больше даже сделать сможет,
Но вот от стужи ледяных сердец
Ему сам черт, пожалуй, не поможет!

1992 г.

АНГЕЛ И БЕС

Говорят, что каждому из нас
Дан с рожденья дьявол-искуситель,
А еще – возвышенный хранитель –
Ангел с синью лучезарных глаз.

Вот ходил я в школу – юный лоб.
Мне бы грызть науки, заниматься,
Ну, а дьявол: – Плюнь! К чему стараться?
Вынь Майн Рида и читай взахлеб!

Или видишь вон зубрилку Свету:
Важность! И пятерок целый воз...
Вынь резинку и пусти «ракету»,
Чтоб не задавалась, в глупый нос! –

Против озорства, увы, не стойки мы.
Бес не зря, как видно, искушал:
Я стрелял, хватал пятерки с двойками
И из класса с треском вылетал!

Ангел тоже. может, был поблизости
И свое, наверное, внушал,
Но, как видно, был такой он тихости,
Что о нем я даже и не знал.

На футбольном поле мальчуганы,
Наигравшись, в шумный сели круг
И подоставали из карманов
Кто – табак, кто – спички и мундштук.

– Если ты не маменькин сынок, –
Говорят мне, – на-ка, закури! –
Рядом бес: – Смелее, не дури!
Затянись хотя бы лишь разок! –

Где был ангел? Кто бы мне сказал!
Я, храбрясь, ни капли не хитрил,
Кашлял и отчаянно курил.
Так сказать, быть взрослым привыкал!

Дьявол же, умильный строя лик,
Мне вилял приветливо хвостом.
Так вот я к куренью и привык
И чадил немало лет потом.

А когда тебе в шестнадцать лет
Где-то рюмку весело нальют,
Ангелов тут и в помине нет,
Ну, а бес, напротив, тут как тут!

И потом, спустя немало лет
Бес мой был почти все время рядом
И, смущая голосом и взглядом,
Все толкал на невозможный вред.

Вот сидит девчонка озорная,
Говорит зазорные слова,
Сыплет смех, на что-то намекая,
Я теряюсь, чуть не отступая,
У меня кружится голова.

Только дьявол – вот он, как всегда:
– Ах ты, шляпа! Красная девица!
Да ведь тут не надо и жениться!
Обнимай! И – горе не беда! –

И, моргнув, смеется: – Хе-хе-хе!...
Ну чего теряться понапрасну?
Славно и тебе, и ей прекрасно!
Значит, смысл-то все-таки в грехе!

И когда вдруг встретятся опять
Губы и взволнованные руки,
Не робей и не томись в разлуке,

А старайся шанс не упускать! –

Говорят, что каждому с рожденья
Сквозь огни, сомнения и тьму
Придается дьявол искушенья.
Только вот зачем и почему?!

Впрочем, утверждают, ангел тоже
Придается каждому и всем.
Но тогда пусть нам ответят все же,
Почему же ни душой, ни кожей
Мы его не чувствуем совсем?!

Если ж он подглядывает в щелку,
Чтоб высоким судьям донести,
А отнюдь не думает спасти –
Много ли тут смысла или толку?!

И коли меня хоть на год в ад
Вдруг пошлют по высшему приказу,
Я скажу: – Пусть мне грехи скостят!
Ибо ангел, хоть высок и свят,
Но ко мне он, как в забытый сад,
Так вовек и не пришел ни разу!

1994 г.

НА ОСЕННЕМ ПОРОГЕ

В саду деревья стынут на рассвете,
А ветер, по-напористому злой,
Столбом взвивает листьев разноцветье
И сыплет сверху белою крупой.

А ты сейчас печалишься о днях,
Что улетели птицами на юг.
Глядишь в окно, и у тебя в глазах
Не то морозец, а не то испуг.

Но я прошу: не надо, улыбнись!
Неужто ждать нам лета и весны?!
Ведь климат в сердце, и настрой, и жизнь
Во многом все же нам подчинены.

И, господи! Ведь это ж в нашей власти
Шагать сквозь все на свете холода
И твердо знать о том, что наше счастье,
Какие б вдруг ни грянули напасти,
Уже остыть не сможет никогда!

Давай же вместе вместо вьюг и зим
Мы вечный май любовью создадим!

1994 г.

ВЕЧЕР В ЕРЕВАНЕ

Осенний вечер спит в листве платана,
Огни реклам мигают на бегу,
А я в концертном зале Еревана
В каком-то жарком, радостном тумане
Кидаю душу – за строкой строку.

И как же сердцу моему не биться,
Когда, вдохнув как бы ветра веков,
Я нынче здесь, в заоблачной столице
Армении – земли моих отцов.

А во втором ряду, я это знаю,
Сидит в своей красивой седине
Воспетая поэтом Шаганэ,
Та самая... реальная... живая...

И тут сегодня в зареве огней
Вдруг все смешалось: даты, дали, сроки...
И я решаюсь: я читаю строки,
О нем стихи читаю и о ней.

Я написал их двум красивым людям
За всплеск души, за песню, за порыв
И, ей сейчас все это посвятив,
Волнуюсь и не знаю, что и будет?!

В битком набитом зале тишина.
Лишь чуть звенит за окнами цикада.
И вот – обвал! Гудящая волна!
И вот огнем душа опалена,
И вот уж больше ничего не надо!

Да, всюду, всюду чтут учителей!
Но тут еще иные счет и мера,
И вот букет, размером с клумбу сквера,

Под шум и грохот я вручаю ей!

А ей, наверно, видится сейчас
Батумский берег, чаек трепетанье,
Знакомый профиль в предвечерний час,
Синь моря с васильковой синью глаз,
Последнее далекое свиданье.

Вот он стоит, простой, русоволосый,
К тугому ветру обернув лицо.
И вдруг, на палец накрутивши косу
Смеется: «Обручальное кольцо!»

Сказал: «Вернусь!» Но рощи облетели.
Грустил над морем черноокий взгляд.
Стихи, что красоту ее воспели,
К ней стайей птиц весною прилетели,
Но их хозяин не пришел назад.

Нет, тут не хворь и не души остуда,
И ничего бы он не позабыл!
Да вот ушел в такой предел, откуда
Еще никто назад не приходил...

Шумит в концертном зале Еревана
Прибой улыбок, возгласов и фраз.
И, может быть, из дальнего тумана
Он как живой ей видится сейчас...

Что каждый штрих ей говорит и значит?
Грохочет зал, в стекле дробится свет.
А женщина стоит и тихо плачет,
Прижав к лицу пылающий букет.

И в этот миг, как дорогому другу,
Не зная сам, впопад иль невпопад,
Я за него, за вечную разлуку
Его губами ей целую руку –
«За все, в чем был и не был виноват».

1969-1971 22.

ШАГАНЭ

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

С.Есенин

Ночь нарядно звездами расцвечена,
Ровно дышит спящий Ереван...
Возле глаз собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина –
Шаганэ Нерсесовна Тальян.

Где-то в небе мечутся зарницы,
Словно золотые петухи.
В лунном свете тополь серебрится,
Шаганэ Нерсесовне не спится,
В памяти рождаются стихи:

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что же это: правда или небыль?
Где-то в давних, призрачных годах:
Пальмы, рыба, сулугуни с хлебом,
Грохот волн в упругий бубен неба
И Батуми в солнечных лучах...

И вот здесь-то в утренней тиши
Встретились Армения с Россией –
Черные глаза и голубые,
Две весенне-трепетных души.

Черные, как ласточки, смущенно
Спрятались за крыльями ресниц.

Голубые, вспыхнув восхищенно,
Загипнотизировали птиц!

Закружили жарко и влюбленно,
Оторвав от будничных оков,
И смотрела ты замороженно
В «голубой пожар» его стихов.

И не для тумана иль обмана
В той восточной лирике своей
Он Батуми сделал Хороссаном –
Так красивей было и звучней.

И беда ли, что тебя, армянку,
Школьную учительницу, вдруг
Он, одев в наряды персиянки,
Перенес на хороссанский юг!

Ты на все фантазии смеялась,
Взмыв на поэтической волне,
Как на звездно-сказочном коне.
Все равно! Ведь имя же осталось:
– Шаганэ!

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что ж, они и вправду не открылись.
Ну а распахнись они тогда,
То, как знать, быть может, никогда
Строки те на свет бы не явились.

Да, он встретил песню на пути,
Тут вскипеть бы яростно и лихо!
Только был он необычно тихим,
Светлым и торжественным почти...

Шаганэ... «Задумчивая пери»...
Ну а что бы, если в поздний час
Ты взяла б и распахнула двери
Перед синью восхищенных глаз?!

Можно все домысливать, конечно,
Только вдруг с той полночи хмельной
Все пошло б иначе? И навечно
Две дороги стали бы одной?!

Ведь имей он в свой нелегкий час
И любовь, и дружбу полной мерой,
То, как знать, быть может, «Англетера»...
Эх, да что там умничать сейчас!

Ночь нарядно звездами расцвечена,
Ровно дышит спящий Ереван...
Возле глаз собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина –
Шаганэ Нерсесовна Тальян...

И, быть может, полночью бессонной
Мнится ей, что расстояний нет,
Что упали стены и законы
И шагнул светло и восхищенно
К красоте прославленный поэт!

И, хмелея, кружит над землею
Тайна жгучих, смолянистых кос
Впережку с песенной волною
Золотых есенинских волос!..

1969 г.

ХМЕЛЬНОЙ ПОЖАР

Ты прости, что пришел к тебе поздно-препоздно,
И за то, что, бессонно сердясь, ждала.
По молчанью, таящему столько «тепла»,
Вижу, как преступленье мое серьезно...

Голос, полный холодного отчуждения:
– Что стряслось по дороге? Открой печаль.
Может, буря, пожар или наводнение?
Если да, то мне очень и очень жаль...

Не сердись, и не надо сурового следствия.
Ты ж не ветер залетный в моей судьбе.
Будь пожар, будь любое стихийное бедствие,
Даже, кажется, будь хоть второе пришествие,
Все равно я бы к сроку пришел к тебе!

Но сегодня как хочешь, но ты прости.
Тут серьезней пожаров или метели:
Я к цыганам-друзьям заглянул по пути.
А они, окаянные, и запели...

А цыгане запели, да так, что ни встать,
Ни избыть, ни забыть этой страсти безбожной!
Песня кончилась. Взять бы и руки пожать,
Но цыгане запели, запели опять –
И опять ни вздохнуть, ни шагнуть невозможно!

Понимаю, не надо! Не говори!
Все сказала одна лишь усмешка эта:
– Ну а если бы пели они до зари,
Что ж, ты так и сидел бы у них до рассвета?

Что сказать? Надо просто побыть в этом зное.
В этом вихре, катящемся с крутизны,
Будто сердце схватили шальной рукою

И швырнули на гребень крутой волны.

И оно, распаленное не на шутку,
То взмывает, то в пропасть опять летит,
И бесстрашно тебе, и немножечко жутко,
И хмельным холодком тебе душу щемит!

Эти гордые, чуть диковатые звуки,
Словно искры, что сыплются из костра,
Эти в кольцах летящие крыльями руки,
Эти чувства: от счастья до черной разлуки...

До утра? Да какое уж тут до утра!
До утра, может, каждый сидеть бы согласен.
Ну а я говорю, хоть шути, хоть ругай,
Если б пели цыгане до смертного часа,
Я сидел бы и слушал. Ну что ж! Пускай!

1971 г.

ПОЮТ ЦЫГАНЕ

Как цыгане поют – передать невозможно.
Да и есть ли на свете такие слова?!
То с надрывной тоскою, темно и тревожно,
То с весельем таким, что хоть с плеч голова!

Как цыгане поют? Нет, не сыщутся выше
Ни душевность, ни боль, ни сердечный накал.
Ведь не зря же Толстой перед смертью сказал:
– Как мне жаль, что я больше цыган не услышу!

За окном полыхает ночная зарница,
Ветер ласково треплет бахромки гардин.
Жмурясь сотнями глаз, засыпает столица
Под стихающий рокот усталых машин...

Нынче дом мой как бубен гудит молдаванский:
Степь да звезды! Ни крыши, ни пола, ни стен...
Кто вы, братцы: друзья из театра «Ромэн»
Или просто неведомый табор цыганский?!

Ваши деды в лихих конокрадах ходили,
Ваши бабки, пленяя и «Стрельну» и «Яр»
Громом песен, купцов, как цыплят, потрошили
И хмелели от тостов влюбленных гусар!

Вы иные: без пестрых и скудных пожиток,
Без колоды, снующей в проворных руках,
Без костров, без кнутов, без коней и кибиток,
Вы в нейлоновых кофтах и модных плащах.

Вы иные, хоть больше, наверное, внешне.
Ведь куда б ни вели вас другие пути,
Все равно вам на этой земле многогрешной
От гитар и от песен своих не уйти!

Струны дрогнули. Звон прокатился и стих...
И запела, обнявши меня, точно сына,
Щуря взгляд, пожилая цыганка Сантина
Про старинные дроги и пару гнедых.

И еще, и еще!.. Звон гитар нарастает,
Все готово взлететь и сорваться в ничто!
Песня песню кружит, песня песню сжигает,
Что мне сделать для вас? Ну скажите мне, что?

Вздвогнув, смолкли веселые струны-бродяги,
Кто-то тихо ответил смущенно почти:
– Золотой, ты прочти нам стихи о дворняге.
Ну о той, что хозяин покинул, прочти!

Май над миром гирлянды созвездий развесил,
Звон гитар... дрожь серег... тополиный дурман...
Я читаю стихи, я качаюсь от песен,
От хмельных, обжигающих песен цыган!

Ах вы, песни! Ах, други чавалэ-ромалэ!
Что такое привычный домашний уют?
Все ничто! Все качнулось на миг и пропало,
Только звезды, да ночь, да цыгане поют!

Небо красное, черное, золотое...
Кровь то пышет, то стынет от острой тоски.
Что ж вы, черти, творите со мною такое!
Вы же сердце мое разорвали в куски!

И навек, и навек эту радость храня,
Я целую вас всех и волненья не прячу!
Ну, а слезы... За это простите меня!
Я ведь редко, товарищи, плачу...

1966 г.

ЕЕ ЛЮБОВЬ

*Артистке цыганского театра «Ромэн»
Ольге Кононовой*

Ах, как бурен цыганский танец!
Бес девчонка: напор, гроза!
Зубы – солнце, огонь – румянец
И хохочущие глаза!

Сыплют туфельки дробь картечи.
Серьги, юбки – пожар, каскад!
Вдруг застыла... И только плечи
В такт мелодии чуть дрожат.

Снова вспышка! Улыбки, ленты.
Дрогнул занавес и упал.
И под шквалом аплодисментов
В преисподнюю рухнул зал...

Правду молвить: порой не раз
Кто-то втайне о ней вздыхал
И, не пряча влюбленных глаз,
Уходя, про себя шептал:

«Эх, и счастлив, наверно, тот,
Кто любимой ее зовет,
В чьи объятия она из зала
Легкой птицею упорхнет».

Только видеть бы им, как, одна,
В перештопанной шубке своей,
Поздней ночью спешит она
Вдоль заснеженных фонарей...

Только знать бы им, что сейчас
Смех не брызжет из черных глаз

И что дома совсем не ждет
Тот, кто милой ее зовет...

Он бы ждал, непременно ждал!
Он рванулся б ее обнять,
Если б крыльями обладал,
Если ветром сумел бы стать!

Что с ним? Будет ли встреча снова?
Где мерцает его звезда?
Все так сложно, все так сурово,
Люди просто порой за слово
Исчезали Бог весть куда.

Был январь, и снова январь...
И опять январь, и опять...
На стене уж седьмой календарь.
Пусть хоть семьдесят – ждать и ждать!

Ждать и жить! Только жить не просто:
Всю работе себя отдать,
Горю в пику не вешать носа,
В пику горю любить и ждать!

Ах, как бурен цыганский танец!
Бес цыганка: напор, гроза!
Зубы – солнце, огонь – румянец
И хохочущие глаза!..

Но свершилось! И культ суровый
Рухнул в прах! И сквозь смерчи зла
Все, кто жив, – возвратились снова,
Правда сбила с сердец засовы,
И пришла, наконец! Пришла!

Говорят, что любовь цыганок –
Только пылкая цепь страстей.
Эх вы, злые глаза мещанок,
Вам бы так ожидать мужей!

Сколько было злых январей...
Сколько было календарей...
В двадцать три – распростилась с мужем,
В сорок – муж возвратился к ней.

Снова вспыхнуло счастьем сердце,
Не хитрившее никогда.
А сединки, коль приглядеться,
Так ведь это же ерунда!

Ах, как бурен цыганский танец,
Бес цыганка: напор, гроза!
Зубы – солнце, огонь – румянец
И хохочущие глаза!

И, наверное, счастлив тот,
Кто любимой ее зовет!

1963 г.

«АДАМ» И «ЕВА»

В сирени тонет подмосковный вечер,
Летят во тьму кометы поездов,
И к лунным бликам тянутся навстречу
Закинутые головы цветов.

Над крышами, сгущая синеву,
Торжественно горят тысячелетья...
Раскинув крылья, утомленный ветер
Планирует бесшумно на траву.

Ты рядом. Подожди, не уходи!
Ты и зима, и огненное лето!
А вдруг уже не будет впереди
Ни этих встреч, ни этого рассвета?!

Прости, я знаю, чушь и ерунда!
А впрочем, страхи и тебя терзают.
Ведь если что-то дорого бывает,
Везде и всюду чудится беда.

Но коль сердец и рук не разомкнуть,
Тогда долой все тучи и метели!
Эх, нам сейчас с тобой бы где-нибудь,
Обнявшись, прямо с палубы шагнуть
На землю, не обжитую доселе!

Но «шарик», к сожаленью, обитаем
И вдаль и вширь по сушам и морям.
Но мы – вдвоем и веры не теряем,
Что все равно когда-нибудь слетаем
К далеким и неведомым мирам.

И вот однажды, счастьем озаренные,
Мы выйдем на безвестный космодром,
И будем там мы первыми влюбленными

И первый факел радостно зажжем.

Пошлем сигнал в далекое отечество
И выпьем чашу в предрассветной мгле.
Затем от нас начнется человечество,
Как от Адама с Евой на Земле...

Адам и Ева – жизнь наверняка:
На сотни верст – ни споров, ни измены...
Горят, пылают всполохи вселенной...
Все это так и будет. А пока:

В сирени тонет подмосковный вечер,
Летят во тьму кометы поездов,
И к лунным бликам тянутся навстречу
Закинутые головы цветов.

Пропел щегол над придорожной ивой,
Струится с веток сумрак с тишиной...
А на скамейке, тихий и счастливый,
«Адам» целует «Еву» под луной.

1975 г.

БЕЛЫЕ РОЗЫ

Сентябрь. Седьмое число –
День моего рождения,
Небо с утра занесло,
А в доме, всем тучам назло,
Вешнее настроение!

Оно над столом парит
Облаком белоснежным.
И запахом пряно-нежным
Крепче вина пьянит.

Бутоны тугие, хрустящие,
В каплях холодных рос.
Как будто ненастоящие,
Как будто бы в белой чаше
Их выдумал дед-мороз.

Какой уже год получаю
Я этот привет из роз.
И задаю вопрос:
– Кто же их, кто принес? –
Но так еще и не знаю.

Обняв, как охапку снега,
Приносит их всякий раз
Девушка в ранний час,
Словно из книги Цвейга.

Вспыхнет на миг, как пламя,
Слова смущенно-тихи:
– Спасибо вам за стихи! –
И вниз застучит каблучками.

Кто она? Где живет?
Спрашивать бесполезно!

Романтике в рамках тесно.
Где все до конца известно –
Красивое пропадет...

Три слова, короткий взгляд
Да пальцы с прохладной кожей...
Так было и год назад,
И три, и четыре тоже...

Скрывается, тает след
Таинственной доброй вестницы.
И только цветов букет
Да стук каблучков по лестнице...

1969 г.

ВЕРНАЯ ЕВА

(Шутка)

Старики порою говорят:
– Жил я с бабкой сорок лет подряд.
И признаюсь не в обиду вам,
Словно с верной Евою Адам.

Ева впрямь примерная жена:
Яблоко смущенно надкусила,
Доброго Адама полюбила
И всю жизнь была ему верна.

Муж привык спокойно отправляться
На охоту и на сбор маслин.
Он в супруге мог не сомневаться,
Мог бы даже головой ручаться!
Ибо больше не было мужчин...

1964 г.

НА КРЫЛЕ

Галине Асадовой

Нет, все же мне безбожно повезло,
Что я нашел тебя. И мне сдается,
Что счастье, усадив нас на крыло,
Куда-то ввысь неистово несется!

Все выше, выше солнечный полет,
А все невзгоды, боли и печали
Остались в прошлом, сгинули, пропали.
А здесь лишь ты, да я, да небосвод!

Тут с нами все – и планы и мечты,
Надежды и восторженные речи.
Тебе не страшно с этой высоты
Смотреть туда, где были я и ты
И где остались будни человечьи?!

Ты тихо улыбаешься сейчас
И нет на свете глаз твоих счастливей.
И, озарен лучами этих глаз,
Мир во сто крат становится красивей,

Однако счастье слишком быстротечно,
И нет, увы, рецепта против зла.
И как бы ни любили мы сердечно,
Но птица нас когда-нибудь беспечно
Возьмет и сбросит все-таки с крыла.

Закон вселенский, он и прост и ясен.
И я готов на все без громких слов.
Будь что угодно. Я на все согласен.
Готов к пути, что тяжек и опасен,
И лишь с тобой расстаться не готов!

И что б со мною в мире ни стряслось,

Я так сказал бы птице бысролетной:
Ну что же, сбрось нас где и как угодно,
Не только вместе. Вместе, а не врозь.

1982 г.

СОЛОВЬИНЫЙ ЗАКАТ

Ты смотришь вдаль чуть увлажненным взглядом,
Держа бокал, сверкающий вином.
Мы тридцать лет с тобою всюду рядом,
И ничего нам большего не надо,
Чем быть, и думать, и шагать вдвоем.

О сколько в мире самых разных жен?!
Как, впрочем, и мужей, добавим честно!
Ах, если б было с юности известно:
Как звать «ЕЕ»? И кто тот самый «ОН»?!

Ты помнишь: в тех уже далеких днях,
Где ветры злы и каждому за тридцать,
Мы встретились, как две усталых птицы,
Израненные в драмах и боях.

Досталось нам с тобою, что скрывать,
И бурного и трудного немало:
То ты меня в невзгодах выручала,
То я тебя кидался защищать.

Твердят, что в людях добрые черты
Распространенней гаденьких и скверных.
Возможно, так. Да только зло, наверно,
Стократ активней всякой доброты.

Мы верили, мы спорили, мечтали,
Мы светлое творили, как могли.
А недруги ревнивые не спали,
А недруги завистливо терзали
И козни всевозможные плели.

За что ж они так зло мутили воду?
Злил мой успех и каждый шумный зал.
Хор критиков взрывался и стонал,

А ты несла стихи сквозь все невзгоды,
И голос твой нигде не задрожал.

– Ты с ней! Все с ней, – шипели фарисеи,
– Смени артистку, не дразни собак!
Есть сто актрис и лучше и моднее, –
А я шутил: – Ну, коли вам виднее,
То лопайте их сами, коли так! –

Откуда в мире столько злых людей?
Вопрос, наверно, чисто риторический.
К примеру, зависть, говоря практически,
Порой в сердцах острее всех страстей.

И все же сколько благодатных дней
Стучалось в сердце радостной жар-птицей
В потоках писем и словах друзей,
Стучалось все упрямей и сильнее,
И до сих пор стучалось и стучится!

И разве счастье ярко не сияло
В восторгах сквозь года и города?!
Ты вспомни переполненные залы,
И всех оваций грозные обвалы,
И нас на сцене: рядом, как всегда!

В сердцах везде для нас, как по награде,
Всходило по горячему ростку.
Ты помнишь, что творилось в Ленинграде?
А в Киеве? А в Минске? А в Баку?

Порой за два квартала до дверей
Билетик лишний спрашивала публика.
Ты вспомни: всюду, каждая республика
Встречала нас как близких и друзей!

И если все цветы, что столько лет
Вручали нам восторженные руки,
Собрать в один, то вышел бы букет,

И хвастовства тут абсолютно нет,
Наверно, от Москвы и до Калуги!

Горит над Истрой розовый закат,
Хмелеют ветки в соловьином звоне...
Давай-ка, Галя, сядем на балконе
Вдохнуть цветочно-хвойный аромат...

Про соловьев давно уже, увы,
Не пишут. Мол, банально и несложно.
А вот поют под боком у Москвы,
От звезд до околдованной травы,
И ничего тут сделать невозможно!

Летят, взвиваясь, трели над рекой,
Они прекрасны, как цветы и дети.
Так сядь поближе, и давай с тобой
Припомним все хорошее на свете...

В душе твоей вся доброта вселенной.
Вот хочешь, я начну тебя хвалить
И качества такие приводить,
Какие ну – хоть в рамку и на стену!

Во-первых, ты сердечная жена,
А во-вторых, артистка настоящая,
Хозяйка, в-третьих, самая блестящая,
Такая, что из тысячи одна.

Постой! И я не все еще сказал,
В-четвертых, ты, как пчелка-хлопотунья,
А в-пятых, ты ужасная ворчунья
И самый грозный в доме генерал!

Смеешься? Верно. Я это шучу,
Шучу насчет ворчушки-генерала.
А в остальном же не шучу нимало,
Все правильно. Лукавить не хочу.

Но не гордись. Я зря не восхваляю.
Тут есть одно таинственное «но»:
Я свой престиж тем самым подымаю,
Ведь я же превосходно понимаю,
Что все это мое давным-давно.

Закат, неся еще полдневный жар,
Сполз прямо к речке, медленный и влажный,
И вдруг, нырнув, с шипеньем поднял пар,
А может быть, туман, густой и влажный...

Не знаю я, какой отмерен срок
До тех краев, где песнь не раздается,
Но за спиною множество дорог
И трудных, и сияющих, как солнце.

И наши дни не тлеют, а горят.
Когда ж мигнет нам вечер глазом синим,
То пусть же будет и у нас закат
Таким же золотым и соловьиным.

Но мы не на последнем рубеже,
И повоюем, и послужим людям.
Долой глаголы «было» и «уже»,
Да здравствуют слова: «еще» и «будем»!

И нынче я все то, чем дорожу,
Дарю тебе в строках стихотворений.
И, словно рыцарь, на одном колене
Свой скромный труд тебе приподношу!

И в сердце столько радужного света,
Что впору никогда не умирать!
Ну что ты плачешь глупая, ведь это,
Наверно, счастьем надо называть...

1 июня – 1 ноября 1990 г.

ЧЕРНЫЙ СОН

Сегодня сон мне снился злой-презлой:
Как будто я строю в бывшей квартире
И в этом моем бывшем микромире
Опять гремит неукротимый бой.

Здесь, в этом доме много-много лет
Меня хитро и хищно обирали,
Мне с кем угодно вечно изменяли
И лгали так, что даже гаснул свет.

И вот сегодня – новая гроза!
И женщина, красивая и злая,
Сощутив близорукие глаза,
Кричит, себя нарочно распаяя!

Она кричит, чтоб совесть заглушить,
Чтоб оправдать хмельные похождения,
Запрятать, скрыть любые прегрешенья
И вообще чтобы не дать мне жить.

А я не отвечаю. Не хочу.
Все это абсолютно бесполезно.
Я лишь в кулак собрал себя железно,
Сижу, курю и холодно молчу...

В гостиной буря и посудный звон,
Грохочет стул в падении свободном...
И вдруг внезапно ожил телефон
Заливистым звонком междугородным.

– Алло! Вас вызывает Сахалин! –
И голос твой... из тысяч узнаваем:
– Ну, здравствуй, здравствуй! Ты сейчас один?
Как жизнь? И вообще о чем скучаем?

Читала здесь стихи твои сейчас,
Тебя тут знают, как в Москве, не меньше,
Народу – негде яблоку упасть!
В глазах восторг, особенно у женщин!

Постой, постой! Я что-то не пойму:
Тебя мои слова не окрыляют?
А голос невеселый почему?
Неужто снова молнии сверкают?

Отсюда я – в Хабаровск и Читу.
Но если хочешь, сокращу гастроли
И прилечу быстрее, чем верет в поле,
Примчусь, переоденусь и приду?

– Спасибо! – говорю. – Держусь как барс.
Трудись спокойно. Нервничать не будем.
Читай мои стихи хорошим людям.
Ведь ты и так со мною всякий час! –

Кладу спокойно трубку на рычаг
И вновь упрямо – к пишущей машинке.
А за стеной кипит скандальный мрак
И брань гремит похлеще, чем на рынке.

Да, здесь любому предадут врагу!
И чем ты лучше, тем измены злее!
Вдруг чувствую: я больше не могу!
И сброшу эту тиранию с шеи!

Довольно! Тихо! Хватит! Пробил час!
От гнева я почти что задыхаюсь.
– Я ухожу! Немедленно! Сейчас!
Встаю. Толкаю дверь... и ... просыпаюсь...

Распахнутые окна смотрят в сад...
Листва шуршит под ветром спозаранку.
В цветочный погружаясь аромат,
Свистит на флейте звонкая зарянка...

Стрижи в три черных молнии взвились
И режут утро, слившись с синевою.
А две рябинки юных обнялись
И кружат вальс над розовой рекою.

И среди этой дачной красоты
Я вновь живу, от гнева отрешаясь!
А рядом – ты... А рядом дышишь ты,
Во сне чему-то тихо улыбаясь.

И как я рад, что кончилась «война»,
Что разорвал я дьявольские сети!
Что ты давным-давно моя жена,
И женщина, и друг, и все на свете...

И полный этой доброй тишины,
Живу я гордой жизнью человека.
Пусть только вновь не снятся эти сны,
От этих дней и до скончания века!

13 июня 1993 г. Красновидово

СТИХИ О ТЕБЕ

Галине Асадовой

Сквозь звездный звон, сквозь истины и ложь,
Сквозь боль и мрак и сквозь ветра потерь
Мне кажется, что ты еще придешь
И тихо-тихо постучишься в дверь...

На нашем, на знакомом этаже,
Где ты навек впечаталась в рассвет,
Где ты живешь и не живешь уже
И где, как песня, ты и есть, и нет.

А то вдруг мниться начинает мне,
Что телефон однажды позвонит
И голос твой, как в нереальном сне,
Встряхнув, всю душу разом опалит.

И если ты вдруг ступишь на порог,
Клянусь, что ты любой можешь быть!
Я жду. Ни саван, ни суровый рок,
И никакой ни ужас и ни ни шок
Меня уже не смогут утратить!

Да есть ли в жизни что-нибудь страшней
И что-нибудь чудовищнее в мире,
Чем среди знакомых книжек и вещей,
Застыв душой, без близких и друзей,
Бродить ночами по пустой квартире...

Но самая мучительная тень
Легла на целый мир без сожаленья
В тот календарный первый летний день,
В тот памятный день твоего рожденья...

Да, в этот день, ты помнишь? Каждый год
В застолье шумном с искренней любовью

Твой самый-самый преданный народ
Пил вдохновенно за твое здоровье!

И вдруг – обрыв! Как ужас, как провал!
И ты уже – иная, неземная...
Как я сумел? Как выжил? Устоял?
Я и теперь никак не понимаю...

И мог ли я представить хоть на миг,
Что будет он безудержно жестоким,
Твой день. Холодным, жутко одиноким,
Почти как ужас, как безмолвный крик...

Что вместо тостов, праздника и счастья,
Где все добры, хмельны и хороши, –
Холодное, дождливое ненастье,
И в доме тихо-тихо... Ни души.

И все, кто поздравляли и шутили,
Бурля, как полноводная река,
Вдруг как бы растворились, позабыли,
Ни звука, ни визита, ни звонка...

Однако было все же исключенье:
Звонок. Принятель сквозь холодный мрак.
Нет, не зашел, а вспомнил о рожденье,
И – с облегченьем – трубку на рычаг.

И снова мрак когтит, как злая птица,
А боль – ни шевельнуться, ни вздохнуть!
И чем шагами мерить эту жуть,
Уж лучше сразу к черту провалиться!

Луна, как бы шагнув из-за угла,
Глядит сквозь стекла с невеселой думкой,
Как человек, сутулясь у стола,
Дрожа губами, чокается с рюмкой...

Да, было так, хоть вой, хоть не дыши!

Твой образ... Без телесности и речи...
И... никого... ни звука, ни души...
Лишь ты, да я, да боль нечеловечья...

И снова дождь колючею стеной,
Как будто бы безжалостно штрихуя
Все, чем живу я в мире, что люблю я,
И все, что было исстари со мной...

Ты помнишь ли в былом – за залом зал...
Аншлаги! Мир, заваленный цветами,
А в центре – мы. И счастье рядом с нами!
И бьющийся ввысь восторженный накал!

А что еще? Да все на свете было!
Мы бурно жили, споря и любя,
И все ж, признайся, ты меня любила
Не так, как я – стосердно и стокрыло,
Не так, как я, без памяти, тебя!

Но вот и ночь, и грозовая дрожь
Ушли, у грома растворяясь в пасти...
Смешав в клубок и истину, и ложь,
Победы, боль, страдания и счастье...

А впрочем, что я, право, говорю!
Куда, к чертям, исчезнут эти муки?!
Твой голос, и лицо твое, и руки...
Стократ горя, я век не отгорю!

И пусть летят за днями дни вослед,
Им не избыть того, что вечно живо.
Всех тридцать шесть невероятных лет,
Мучительных и яростно-счастливых!

Когда в ночи позванивает дождь
Сквозь песню встреч и сквозь ветра потерь,
Мне кажется, что ты еще придешь
И тихо-тихо постучишься в дверь...

Не знаю, что разрушим, что найдем?
И что прощу и что я не прощу?
Но знаю, что назад не отпущу.
Иль вместе здесь, или туда вдвоем!

Но Мефистофель в стенке за стеклом
Как будто ожил в облике чугуном,
И, глянув вниз темно и многотумно,
Чуть усмехнулся тонгогубым ртом:

«Пойми, коль чудо даже и случится,
Я все ж скажу, печали не тая,
Что если в дверь она и постучится,
То кто, скажи мне, сможет поручиться,
Что дверь та будет именно твоя?..»

1 сентября 1997 г. Москва

ГОДОВЩИНА

Перед гранитной стелою стою,
Где высечена надпись о тебе.
Где ты сейчас: в аду или в раю?
И что теперь я знаю о тебе?

Сейчас ты за таинственной чертой,
Которую живым не пересечь,
Где нынче вечно-тягостный покой
И не звучит ни музыка, ни речь...

Уж ровно год, как над тобой – трава,
Но я, как прежде, верить не хочу.
Прошу: скажи, ты слышишь ли слова,
Что я тебе в отчаяньи шепчу?!

Стою как возле вечного огня.
Уж ровно год нас мука развела.
Как ты его, Рябинка, провела
Там, в холоде и мраке, без меня?

Но я приду и вновь приму, любя,
То, что когда-то было мне дано,
Ведь все, что там осталось от тебя,
Другим уже не нужно все равно...

А ждать не трудно. В это верю я,
Какой там год суровый ни придет –
С тобой там мама рядышком моя,
Она всегда прикроет, сбережет...

Нам вроде даже в числах повезло,
Ведь что ни говоря, а именины.
Апрель. Двадцать девятое число.
Сегодня именинницы Галины...

Ты нынче там, в холодной тишине...
И не помочь, хоть бейся, хоть кричи!
А как ты птиц любила по весне...
И яркие рассветные лучи...

На даче, в нашем сказочном раю,
По-прежнему под шумный перезвон
Они все прилетают на балкон
И ждут хозяйку добрую свою...

Перед гранитной стелою стою,
Прости мне все, как я тебе прощу.
Где ты сейчас: в аду или в раю?
А впрочем, я надежды не таю:
Мы встретимся. Я всюду отыщу!

29 апреля 1998 г. Москва

МИНИАТЮРЫ

АРГУМЕНТЫ ЛЮБВИ

От слов о любви звенит голова.
Они и красивы, и очень хрупки.
Однако любовь – не только слова,
Любовь – это, прежде всего, поступки.

И тут никому не нужны лазейки.
Доказывай чувства и – весь секрет.
А вот если дел за словами нет,
Любви вашей стоимость три копейки!

1995 г.

X X X

Березка, река, под окном смородина,
Друзей – будто звезд бесконечный свет...
Когда тебя знает и помнит Родина,
То большего счастья на свете нет!

1995 г.

Х Х Х

Бранить дураков мы никак не должны.
Ведь если б глупец не рождался
И были бы все абсолютно умны,
То кто б тогда умным считался?

1991 г.

X X X

Бывает ли в мире любовь сильней
Вот этой вот страсти пылкой?
Он всю душой был привязан к ней
И счастлив был с нею, и только с ней,
С любимой своей бутылкой...

1995 г.

X X X

Бывает ли женщина в жизни хоть раз неправа?
Безумству вопроса нам следует лишь подивиться.
Спросивший такое не просто болван-голова,
Но хуже гораздо: практически самоубийца!

1992 г.

X X X

Будь добрым, не злись, обладай терпением.
Запомни: от светлых улыбок твоих
Зависит не только твое настроенье,
Но тысячу раз настроенье других.

1986 г.

Х Х Х

Будь скромн и не жди от вечности
Ни постоянства, ни сердечности.
Ведь даже самых сильных мира,
Что к славе яростно рвались,
На время возведя в кумиры,
Она затем швыряла вниз.

1991 г.

X X X

В армии ходит шутка: «Жить на планете сложно,
А сердце стремится к радостям, отсчитывая года».
Женщин на свете много, и всех соблазнить невозможно,
Однако стремиться к этому мужчина должен всегда.

1993 г.

X X X

В женщине качеств – полным-полно:
Хитрость, любовь, красота, веселье.
Женщина в сущности – то же вино:
Пить хорошо. Тяжело похмелье.

1991 г.

X X X

В замке у английской королевы
Муж не бегал никогда налево.
Сделайте меня таким же мужем –
Я бы тоже вел себя не хуже.
И не только не бежал налево,
Но не тронул б даже королевы!

1993 г.

«ВЕРНАЯ ЖЕНА»

Как настоящая жена
Она всю жизнь была верна
Знакомым, мужу своему,
Друзьям. И больше никому.
Да, никому на свете, кроме
Мужчин в огромном нашем доме.

Конечно, это очень сложно,
Но при желанье – все возможно!

1994 г.

ВЕСЕЛЫЙ СОВЕТ ЖЕНЕ

Ты служишь имени моему.
Спасибо! Но был бы я рад вполне,
Когда бы и в день, и в ночную тьму
Служила бы ты не столько ему,
Сколько бы лично мне!

1992 г.

X X X

Весна – это свет и в любовь окно.
И выше нет в мире авторитета.
Ее воспевают в стихах поэты
И тянут художники на полотно.

Весна – расслабление и порыв!
И нет ни вредней ее, ни полезней.
Она – обостренье всех чувств людских
И, к сожаленью, вещей иных,
Она – обострение всех болезней...

1994 г.

ВЕЧНАЯ ИСТИНА

Если враг на тебя нацелит рога,
Обозлен твоей славой иль знаний кругом,
Чем смести эту ненависть, как снега?
Надо сделать врага другом.

1992 г.

Х Х Х

В мире столько всяческого зла,
Значит, надо помнить постоянно:
Никогда не поздно и не рано
Совершать хорошие дела.

И чтоб сердцу не было морозно,
Сколько бы ты бед ни натворил –
Никогда не рано и не поздно
Повиниться честно и серьезно
В зле, что ты когда-то совершил.

1991 г.

ВО ВЛАСТИ СТРАСТИ

После первой страстной ночи
Оба любят очень-очень.
После третьей – лишь на треть.
Ну, а суток через двести
До того им трудно всесте,
Впору просто умереть.

Значит, чтоб любовь не стыла,
Сберегите ваши силы,
Рассчитайте их на то,
Чтоб скупее тратить счастье
И хватило вашей страсти
Лет, как минимум, на сто.

1994 г.

X X X

Вор в магазин в полночный час забрался,
Но вышел вон, не взявши ничего.
Быть может, он патрульных испугался
Иль совесть вдруг замучила его?

Нет, все не так. Могу сказать заранее,
От совести тот вор не изнемог.
Но в магазине было столько дряни,
Что даже вор позариться не мог.

1990 г.

X X X

Восточная мудрость гласит от века
О том, что без принципов проще жить
И все человечество легче любить,
Чем рядом конкретного человека.

1994 г.

X X X

В роддоме вышел факт невероятный:
Рождаться начал маленький пострел.
Но тут на нашу жизнь он посмотрел,
Махнул рукою и полез обратно...

1992 г.

X X X

Всем людям, почти как печать к рождению,
Даются эмоции, гены, кровь.
Однако же есть тут одно деление:
Возвышенным людям дана любовь,
Тупицам – способности к размножению.

1990 г.

X X X

Всем хоть раз, да изменяли жены.
А ему – ни разу. В чем секрет?
А секрета никакого нет:
Он был холост. Вот и все резоны...

1993 г.

X X X

В талантливых строчках всегда стократно
И мыслей, и чувств полыхает свет,
А там, где ни чувств и ни мыслей нет –
Стремятся писать непонятно.

1994 г.

Х Х Х

В трамваях, на улицах – всюду подряд
Висит и гремит безобразный мат.
Но только не гневайтесь так сурово –
Теперь это – «гласность», «свобода слова»!

1990 г.

Х Х Х

В трудный час, покидая отеческий кров,
Беглецы за границу несутся.
Называют все это «утечкой мозгов».
Только вдруг это все лишь утечка глупцов,
А мозги-то как раз остаются?

1990 г.

X X X

В чем главный критерий таланта писателей?
Количество знаний, наград, должностей?
Количество книг иль хвалебных статей?
Нет! Просто, наверно, число читателей

1986 г.

X X X

– Вы поэт. Говорят, вам нельзя без любовных терзаний.
Как вам часто для творчества пылкие встречи нужны?
– Я б хотел столько нежных поклонниц и тайных свиданий,
Сколько я их имею по мнению моей жены...

1991 г.

X X X

Герой не тот, кто поднял сгоряча
Громадный груз или построил дом.
В героях нынче тот, кто, не крича,
Использовал доверье силача,
Усевшись прочно на него верхом.

1992 г.

Х Х Х

Гласность в печати, на радио гласность,
И было б все это, наверно, славным,
Когда б ни другая явилась крайность:
Слишком уж многое стало явным.

В газетах, в кино и в журнальном творчестве
Столько прорезалось наглых лиц,
Циников, выскочек и тупиц,
Что волком завывать временами хочется!

1991 г.

Х Х Х

Глядеть надо в оба – твердят нам всегда.
Все так, но одно только здесь учти:
Глядеть надо в оба, туда и сюда,
А дальше – где лучше, туда и иди.

1986 г.

X X X

Говорят: «Нет дыма без огня».
Ерунда! В твоих лукавых фразах
Столько было дыма для меня...
А вот настоящего огня,
Кажется, и не было ни разу...

1992 г.

X X X

Говорят, что богатство – ужасно большое зло,
Оно, как и бедность, уродует людям душу.
Я скажу откровенно и истины не нарушу,
Что на холод и бедность мне в жизни не раз везло.

И теперь, чтоб вопрос справедливости честно решить,
А не праздновать вечно с любыми невзгодами братства,
Пусть меня огорчат, подарив хоть однажды богатство,
Ибо верю: я зло это твердо смогу пережить!

1992 г.

Х Х Х

Говорят, что есть в лесу
Белоснежная ворона.
Все вороны ту красу
Объявили вне закона.

Но, однако, для мужей
Этих яростных ворон
Птица та, что всех белей, –
Вожделенный сон.

1992 г.

Говорят: «Лиха беда – начало!»
Муж стоит с улыбкой на лице:
После свадьбы было три скандала.
Если впрямь лиха беда – начало,
Что же будет, господи, в конце?!

1994 г.

ГОРЬКИЙ ЭКСПРОМТ

Россия! Что было с тобой вчера?
Летела ты вдаль, словно птица-тройка!
Но предали честь твою «кучера»
Под чьи-то команды из-за «бугра»,
Пока не швырнули под вопль «Ура!»
В пропасть по имени «Перестройка».

1993 г.

Х Х Х

Грустно-грустно и чуть устало
Ты ушла в закатную тьму
И на все мои: почему?
Ни словечка мне не сказала.

Только ветер шепнул морозно:
– Не ищи в ней причину зла!
Если б ты пожелал серьезно,
Нет, не как-нибудь, а серьезно,
Никуда б она не ушла...

1986 г.

ГРУБЫЙ ПАРАДОКС

Кто придумал на свете такую разницу:
Вот тыходишь в любовь, словно в светлый храм,
А любимая сердце вручает там,
Где какой-нибудь тип, как последний хам,
Этим сердцем почти вытирает задницу.

1995 г.

X X X

Да, меньшие братья нам преданно служат от века.
Однако жестокого сколько еще вокруг?
Мы часто твердим, что собака – друг человека.
Но вот человек. Он всегда ли собаке друг?

1990 г.

X X X

Да, правду люблю я. Но только такую,
Которая честно меня восхваляет.
А правду, что честно меня критикует,
Я честно и искренне отвергаю.

1986 г.

X X X

Да, хороша ты, Маша, да не наша! –
Так говорит пословица всегда.
Но есть такие Маши иногда,
Что слава богу, что не наша Маша!

1993 г.

ДАЧНАЯ ШУТКА

Красновидовские зори,
Лес, цветы да тишина,
Слева Горин, справа Зорин,
Посредине – Шукшина.

А под лепкою фасадов
Рядом с трассами стрижей
Улыбается Асадов –
Самый скромный из людей.

1996 г.

Х Х Х

До какого времени
Бродит в жилах кровь?
До какого возраста
Мучает любовь?

До какого возраста –
Говорите вы?
Да пока не вешают
Люди головы!

1990 г.

X X X

Должна ли быть умной любовь? Должна!
Иначе возьмет и начнет жена
Ужасные глупости совершать:
Не спорить, не сплетничать, не гулять,
Подруг и соседей бранить не станет,
В доме командовать перестанет
И будет не мазаться-наряжаться,
А в мудрые книги душой вгрызаться.
Начнет даже мужа любить иногда.
А жить в таком случае ей когда?

1990 г.

X X X

До чего ж порой, сограждане, тщеславны вы:
Ударения, и те менять готовы!
Так поэты и художники Ивановы,
Ну, а все, кто неизвестен, – Ивановы,

Только ты к такому не стремись.
Если ты талант, иль даже гений –
Не стыдись ни слов, ни ударений:
Будут знать! Хоть чертом назовись!

1993 г.

Х Х Х

До чего же быстры у нас перемены:
Прикрываясь различной приватизацией,
Все, что прежде звалось у нас спекуляцией,
То зовут теперь «договорные цены».
Впрочем, сколько название ни меняется,
Но стыда там ни капли не прибавляется.

1991 г.

X X X

Дружба с любовью судьбой мне завещаны.
Вот потому-то всю жизнь, вероятно,
Меня любили собаки и женщины,
Что было и дорого, и приятно.

Однако, я думаю, что едва ли
Красавицы смогут простить мне фразу
О том, что женщины мне изменяли,
В то время как псы – никогда и ни разу.

Обид тут не надо! Душа расцвечена
Прекрасною, но фантастической задачей:
Эх, дать бы всем псам напористость женщины,
А женщинам верность внушить собачью.

1993 г.

X X X

Если дама вдруг «смело», нарушив извечный секрет,
Назовет вам свой возраст. Как к этому вам относиться?
Ни за что не поверить! И даже почти возмутиться!
И добавить в душе, так примерно, с десяточек лет...

1992 г.

X X X

Если нету любви – утешали, что «стерпится»!
Дескать, «стерпится – слюбится!» Это ль всерьез?
Если стерпится, значит, никак не отвертится,
Да, бывает, конечно, что «слюбится – стерпится»,
Но надолго ли все это? Вот вопрос!

1994 г.

X X X

Если ты выпил и обнял жену,
И вдруг по щекам схлопотал в ответ,
Не требуй развода! Не лезь в войну!
А прежде деталь уточни одну:
Свою ли ты обнял жену или нет?!

1994 г.

X X X

Если ты любишь, то всем существом –
Что б ни случилось, ты думать будешь
Не о себе, а всегда о нем –
Да, именно: прежде всего о нем,
О том, кого ты беспредельно любишь.

А он в этих случаях всей душою
И в буднях, и в радостях, и в борьбе,
Согласный всегда и во всем с тобою,
Тоже думает о себе...

1991 г.

Х Х Х

Есть о правде и стихи, и повести.
В жизни ж часто все наоборот:
Чем у человека больше совести,
Тем бедней на свете он живет.

Сердце жарким благородством полнится,
А вот деньги никогда не водятся.

1994 г.

X X X

Есть поговорка: «С милым по душе
Рай будет всюду, даже в шалаше».
Но сколько этот нищий «рай» продлится,
Ни слова в ней, увы, не говорится.

1991 г.

X X X

Если радости нас посещают вновь,
Значит, с нами Рука дающая.
Что такое последняя наша любовь?
Это прочно забытая предыдущая!

1992 г.

ЗАГАДКА ЖЕНЩИНЫ

Вы сущность женщины попробуйте поймите:
Перед лицом мужчины, в сплошном смущении
Она всегда нуждается в защите,
Но втайне мыслит лишь о нападении...

1996 г.

ЗЛАТОУСТ

О, как же я счастлив с тобой, родная!
Душа, и улыбка, и голос твой –
Все праздник! И я вообще не знаю
Огромнее счастья, чем быть с тобой!

Я в нем, словно в жарких лучах, купаюсь.
Но вот ты ушла. И, вздохнув вослед,
Я долго стою и понять пытаюсь –
А вправду нужна ты мне или нет?

1990 г.

X X X

Запомни, мой друг, по гроб:
Приметы порой сбываются.
Если зачесется лоб,
Значит, рога пробиваются.

Советов, увы, не дам,
Выводы делай сам!

1994 г.

Х Х Х

Зачем тебе конкурсы красоты?
Взгляни на вопрос и мудрей, и шире:
Ну кто всех прекраснее в этом мире?
Да та, которую любишь ты!

1992 г.

Х Х Х

Зять просит тещу: – Плюньте вот сюда!
Вот в эту склянку. Просьба не стесняться! –
– Да, но зачем мне в баночку плевать?
– Да у меня случилась ерунда:
Вчера упал, и доктор мне тогда
Велел змеиным ядом натираться!

1995 г.

Х Х Х

Женщины в спорте из года в год
По разным причинам идут в поход:
Альпинистки – во имя мужества,
А туристки – во имя замужества.

1989 г.

Х Х Х

Издrevле, щуря счастливый взгляд,
В различных краях отчизны
Родители с гордостью говорят,
Что дети – цветы жизни.

Но радости быстренько прекращаются,
Когда цветочки вдруг «распускаются».

1986 г.

X X X

Какая б ни пала на сердце тень,
Ты верь непременно в завтрашний день.
А если веры такой не останется,
Ты станешь, как в сказке, мгновенно стариться.

1993 г.

X X X

Какая любовь нас порой ожидает?
Свеча или солнца горячий свет?
Не мучьтесь! Ведь здесь лишь один ответ:
Большой или малой любви не бывает,
Любовь либо есть, либо просто нет!

1994 г.

X X X

Какие б вокруг ни кипели страсти,
Запомни: чтоб глупости не свершить,
Счастлив не тот, кто увидел счастье,
А тот, кто сумел его оценить!

1991 г.

X X X

Как избежать измен и горьких сцен?
Что делать, чтоб любовь не расплылась?
Берите милых в столь горячий плен
И так ласкайте их, чтоб для измен
Ни времени, ни сил уж не осталось.

1986 г.

X X X

Как странно иные порой грешат.
Грешат и прощенья просить спешат!
Сто раз поклянутся, кажется,
Но вот от греха не откажутся.

1990 г.

X X X

Какой к добру ты ни горел бы жаждой,
Не торопись предателя прощать.
Ведь тот, кто изменил хотя б однажды,
Навряд ли сможет вновь не изменять.

1990 г.

X X X

Книга учит и книга воспитывает
Только тех, кто читает и впитывает.
А у тех, кто по строчкам несется,
Лишь одна пустота остается.

1992 г.

Х Х Х

Книгу читай не только словами.
Слова – это в жизнь небольшая дверца.
Книгу читай непременно сердцем,
А главное, совестью и делами.

1991 г.

X X X

Когда мы верны и живем, как скромницы,
Тогда жены, напротив, всю нескромны.
Но чем чаще нам дарят сердца любовницы,
Тем надежней и крепче нас любят жены.

1994 г.

X X X

Коль захотят тебя в бараний рог
Согнуть враги, не стоит огорчаться.
Скажи себе, тут главное итог,
Ну что ж, пускай согнут в бараний рог,
Зато отныне будет чем бодаться.

1986 г.

X X X

Командует армией генерал,
Но женщине этого мало.
Лукавый, что женщину создавал,
Ей более хитрый путь указал:
Командовать генералом.

1992 г.

КОНКРЕТНЫЙ РАЗГОВОР

Иди, родная, замуж за меня,
И ты худого не узнаешь дня.
Напротив, будешь счастлива совсем.
Во-первых, я ужасно мало ем.
А пью я и того, пожалуй, меньше,
А что до взоров и объятий женщин,
То я от них мгновенно отвернусь
В тот самый день, как на тебе женюсь!

1991 г.

X X X

Крыловский слонище вдруг в Моську влюбился.
Влюбился и, страшно сказать, женился.
Но Моська наутро, зевнув, сказала:
– Как жаль, но я большего ожидала.

1991 г.

X X X

Кто клятву однажды забвению предал,
Тот сам же себя беспощадно предал.

1991 г.

X X X

Лет на двадцать-двадцать пять
Жизнь твоя продлится,
Если будешь отдыхать
Больше, чем трудиться.
Если ж к праведным делам
Руки вдруг потянутся –
Не горюй: загнешься сам,
А дела останутся.

1992 г.

Любит мужа в доме жена
И, больше того, почти обожает.
Как любит и в чем та любовь видна?
А именно в том, что всегда она
Во всем и везде ему возражает.
На каждое мужнино «нет» всегда
«Да» непременно и только «да!».
Однако на каждое «да» в ответ
Слышится «нет!» и еще раз «нет!».
И тот, кто сумел бы хоть раз понять
Смысл этих дьявольских возражений,
Стократно имел бы право сказать,
Что он и мудрец, и великий гений!

1991 г.

X X X

Любовь дарит радости и печаль,
Восторги, сомнения и мечту.
Любовь – это звездно-хмельная даль
И крылья, несущие в высоту.
И это такой золотой запас,
Что в мире любого ценней богатства.
Но если она унижает вас,
Терзает и мучит до слез из глаз,
Тогда это все не любовь, а рабство!

1990 г.

Х Х Х

Любое дело делайте с душой,
Работайте в упорстве и горенье,
Чтобы никто вас где-то за спиной
Не упрекнул в зазнайстве или лени.

А милых так любите, чтоб из глаз
Душа, как солнце, праздником светилась.
И так целуйте нежно всякий раз,
Чтоб впредь их никому уже за вас
Перецеловывать не приходилось.

1985 г.

X X X

Любые богатства – души распадство.
Здесь борются так, что – из носа кровь,
И только лишь тот, кто обрел любовь,
Обрел действительное богатство.

1992 г.

Х Х Х

Люди дважды от счастья светятся
И два раза от счастья смеются:
В первый раз – когда они женятся,
А второй – когда разведутся.

1993 г.

Х Х Х

Люди не могут порой понять:
Откуда и что у него берется?
Ему б печальные строки писать,
А он то и дело вовсю смеется.

Эх, люди! Взгляните на жизнь пошире:
Неужто я зря на земле шучу?
Ведь я всем невздам в лицо хохочу,
Чтоб никогда не заплакать в мире...

1992 г.

X X X

Людам блаженные снятся сны:
Блеск заграницы и бизнес-рынка.
А мне вот нужны лишь четыре стены,
Губы твои, что любви полны,
Книги да пишущая машинка.

1993 г.

X X X

«Маленькие детки – маленькие бедки».
Поговорке этой много-много лет.
А большие детки, то какие бедки?
А такие: снова маленькие детки...

1994 г.

Х Х Х

Меж умным и глупым различье в чем?
Да в том, между прочим, что год за годом
Умный живет лишь своим умом,
А глупый вечно следует модам.

1995 г.

МИНИ-ШУТКА

Тот, кто имеет успех,
Всегда раздражает всех,
А много друзей имеет
Тот, кто писать не умеет.

Вот и возьмиись решать,
Как жить на планете сей?
То ли стихи писать,
То ли иметь друзей?

1986 г.

X X X

Много ль, мало ль грехов у меня за спиной,
Все ж пугать меня адом не надо:
Для того, кто общался с моею женой
Больше часа, и ныне еще живой –
Чепуха все мучения ада!

1980 г.

X X X

Мы в мире стареем не столько от лет,
Сколько от стрессов и всяких бед.
Когда бы с нас стрессы и беды сняли,
То жить мы намного бы дольше стали.

1992 г.

МУДРЫЙ КРИМИНАЛИСТ

Все мужчины, надежд полны,
Ищут друга в нем и сторонника:
Он нашел на теле жены
Отпечатки пальцев любовника.

1993 г.

X X X

Муж спросил как-то раз: – А скажи, жена,
Ты и вправду была мне всегда верна? –
Та ответила честно и строго: – Да,
Я верна тебе, друг мой, всегда-всегда.
Эта жизнь всей судьбою моей проверена,
И другая мне попросту не нужна! –
Почему так тверда в этот миг жена?
Потому что в молчанье друзей уверена...

1991 г.

X X X

Мученик – не затравленник,
Что в адских кипит котлах.
Мученик – это праведник,
Мечтающий о грехах.

1992 г.

X X X

– На кого же рассчитано ваше творчество:
На народ? На эстетов? На тех, на сех?
– Ах вы, ваше критическое высочество!
Разве душу возможно делить на общества?
Я живу для людей и пишу для всех!

Бьюсь, чтоб каждой строкой поддержать друзей,
А мерзавцев стремлюсь обратить в людей.
Пусть дорога трудна и сложна задача,
Только стоит ли жить на земле иначе?!

1992 г.

X X X

На руках золото – право, ерунда,
Золотые руки – вот это да!
Не стало золота – и нищ человек,
А руки золотые уже навек!

1992 г.

X X X

Наступит ли в мире конец света?
Не знаю. Но думаю, это ложь.
Он с нами всегда – и зимой, и летом
У каждого свой. Потому что это
День, когда ты однажды уйдешь...

А судный наш час? Мы вздохнем невольно,
Ведь жизнь обрывается навсегда.
Какого ж еще нам тогда суда?!
Наверное, смерти вполне довольно.

1991 г.

X X X

На струнах гитары не страшно бренчать:
Струну заменить можно в полмгновения.
А вот на нервах не стоит играть –
Тут может лопнуть терпение.

1992 г.

НЕГОДЯЙСКИЙ РЕЦЕПТ

В чем заключается высшая радость?
Да в том, чтоб кому-нибудь сделать гадость.
А как вдруг блаженство познать, примерно?
Узнать, что кому-то сегодня скверно.

А самое главное наслажденье –
Увидеть чье-нибудь униженье.
И будет душа до того уж рада,
Что лучшего праздника и не надо.

1992 г.

X X X

Не жалеете денег на здоровье!
В жизни это главное условие.
Почему? Да просто потому,
Что без настоящего здоровья
Деньги нам уже и ни к чему!

1990 г.

Х Х Х

Не надо бездарных писать стихов!
Чем тратить зазря слова,
Уж лучше тогда разводить коров
Иль где-то пилить дрова.

А коль не хотите доить и пилить,
Попробуйте стать спортсменом.
А можно еще в конторе служить
Иль сделаться бизнесменом.

Но если вам ближе крылья звенящие,
А к будням и выгодам вы глухи,
Ну что же, пишите тогда стихи,
Но только стихи настоящие!

1994 г.

Х Х Х

Не надо путать малое с большим.
Сопоставлений нет морям и рекам.
Чайковский был не грешным, не святым,
Не голубым, не злым, не золотым,
А просто гениальным человеком.

1991 г.

X X X

Не пробуй подминать мою звезду
И постоянно властвовать в решениях.
Пойми: я уступаю лишь в быту,
Подчеркиваю: только лишь в быту,
Но никогда в строках и убеждениях.

1991 г.

X X X

Не спорьте про молодость! Силы дерзаний
Решают не годы, а сердца пылание.
Ведь юность – не возраст, а состояние
И стоит порою любых состояний!

1996 г.

X X X

Нет, демократия не ерунда!
Однако запомните непреложно:
Начальству хотя бы и осторожно,
Но нынче порой возразить уже можно,
Жене же – по-прежнему никогда.

1988 г.

Х Х Х

Нет, друзья не там, где за столом
Друг за друга тосты возглашают.
Дружба там, где заслонят плечом,
Где последним делятся рублем
И в любых невзгодах выручают.

1993 г.

Х Х Х

Нет, я не с «левыми» и я не с «правыми»,
Я просто с честными и только с правыми.

1992 г.

X X X

Не хочу, не могу, не смирился
И в душе все границы сотру,
Я в Советском Союзе родился
И в Советском Союзе умру!

1992 г.

Х Х Х

Ну что у нас в душах за кутерьма:
Нигде стариков уважать не рвутся –
Мол, старые, выжили из ума!
И чуть не в лицо старикам смеются.
А вот на Востоке – то ль жизнь сама,
Иль люди мудрее порой бывают:
– Он стар. Значит, много нажил ума! –
И всюду почтением окружают.

1992 г.

Х Х Х

Один остряк, не помню уж который,
Сказал. И мысль забавна и верна:
– Имел бы я, друзья, золотые горы,
Когда б не реки полные вина!

1994 г.

ОЗОРНАЯ ШУТКА

– Скажи мне, дорогая, откровенно:
Ты с Намбулатом спишь иль с Седуксеном? –
– Нет, милая моя, гораздо хуже,
Я по привычке с мужем все и с мужем!

1976 г.

Х Х Х

О, как быстро время пролетает.
Вот скупилась юная гордячка.
А теперь – уж дама пожилая,
Вовсе не скупая на подачки.

Ах, когда бы все эти «подачки»,
Что горячей нежности полны,
Да от той, от молодой гордячки!
Им тогда бы не было цены!

1993 г.

X X X

Она была слабою до предела,
И он опекал ее и любил.
Потом, когда робость ей надоела,
Она стала сильной душой и телом,
И тут почему-то он к ней остыл.

О, милые женщины! Ради счастья
Не рвитесь вы к этой проклятой власти!

1990 г.

X X X

Она восхваляла и труд всегда,
И руки труда живые.
И очень любила плоды труда,
Но только такого и только тогда,
Когда трудились другие.

1992 г.

X X X

Она лгала легко, самозабвенно.
И так однажды страшно завралась,
Что вдруг до чистой правды добралась.
А молвив правду, умерла мгновенно.

1991 г.

X X X

Она о любви много лет мечтала,
Надеялась, верила, ожидала.
Когда же ее наконец-то встретила,
То мимо прошла, не заметила.

1992 г.

X X X

Она про возраст лгала без смущенья
И так дохитрилась, себе на беду,
Что даты смерти ее и рожденья
Оказались в одном и том же году.

1992 г.

X X X

О плюсах и минусах в человеке
Суди по тому, как он держит слово:
Правдив, значит, плюсы – его основа,
А лжив – значит, это уже навеки.

1992 г.

О РЕФОРМАХ

Нам рынок возвели в закон,
И все мы теперь за чертою бедности.
Однако я должен сказать не без вредности,
Что хоть мы и все за чертою бедности,
Но только с разных сторон.
С одной стороны – заплаты просителей,
С другой – золотые мешки грабителей.

1994 г.

X X X

О, сколько в молодости хочется
И сколько в юности мечтается!
И только в старости хохочется,
Что ничего-то не сбывается...

1992 г.

X X X

О, сколько мы к счастью путей искали
И все-таки главный секрет забыли:
Ведь если бы люди друг другу не лгали,
Вы только представьте: нигде б не лгали!
То как же бы все превосходно жили!

1995 г.

X X X

– О, сколько я на свете перенес! –
Сказал завскладом. Не ответив только
На скромный, но существенный вопрос:
Когда он перенес? Кому? И сколько?

1992 г.

X X X

О счастье мечтал я, едва только мыслить начав,
И счастье однажды примчалось ко мне, вероятно.
Однако же дома, как видно, меня не застав,
Махнуло рукой и, вздохнув, улетело обратно.

1993 г.

ОТЕЦ НАРОДОВ

Он был мудр, но свиреп и все злей с каждым годом:
И, уйдя от людей за последний порог,
Спрятал тело в могиле от гнева народа,
А вот имени спрятать нигде не мог...

И в народной «любви», что дошла до крайности,
Имя корчилось в страхе то здесь, то там.
И осталось завидовать острой завистью
Всем забытым историей именам...

1991 г.

X X X

Откуда мы знаем, что вьюги бушуют?
Что в мире есть солнце, река и Казбек?
Все знают об этом, пока существуют.
Умрем – и исчезнет весь мир навек.

И вот я спросил себя честно-честно:
А зависть живет ли во мне, как бес?
И было б мне где-нибудь втайне лестно,
Чтоб мир вдруг и вправду со мной исчез?

И сам же ответил без громких слов:
Хоть век наш и краток, и все быстротечно –
Я тысячу раз умереть готов,
Чтоб жизнь на Земле продолжалась вечно!

1990 г.

X X X

«От счастья – счастья не ищут».
Та мудрость за нами рыщет.
А мы о ней вспоминаем,
Когда уже все теряем.

1991 г.

X X X

От хворей много на земле мученья,
Но мир воюет с ними сотни лет.
Теперь от всех болезней есть лечение,
И лишь с одной бедой всегда мученье –
От глупости, увы, лекарства нет.

1994 г.

Х Х Х

Ну о чем человек иногда мечтает,
Безразлично, по праву иль не по праву?
Примитив – тот богатство в мечтах выбирает,
А творец? А творец выбирает славу!

1993 г.

ОШИБКА

Как часто за промах нас ждет беда.
Но судим себя мы довольно гибко:
И, где-нибудь дров наломав, всегда
Твердим снисходительно: «Тут – ошибка!»
За что мы к себе так добры бываем?
Ну, раз оступились – куда ни шло.
Но если ошибку мы повторяем,
Давайте же честно тогда признаем,
Что тут не ошибка уже, а зло!

1995 г.

Х Х Х

Ошибся – казнить себя не спеши.
Успеешь. Оставь этот «труд» для тех,
Кто жаждет судить абсолютно всех
И грызть тебя будет от всей души!

1990 г.

X X X

Парадокс, существующий с давних лет,
И не сыщешь его вернее:
Чем богаче живет на свете поэт,
Тем стихи у него беднее.

1994 г.

Х Х Х

Печальная шутка в стране гуляет:
Охотник-старик шел домой с ружьем.
И кто-то спросил у него о том,
Как он демократию понимает?

Старик отвечал, затянувшись лихо:
– Она – как тайга, что вокруг стоит:
Сверху все время шумит-шумит...
А снизу, однако, все тихо-тихо...

1990 г.

Х Х Х

Поездку в Рим, к теплу испанских вод
Всем господам реклама предлагает.
Канары, Ниццу, белый теплоход...
Не думая, что большинству «господ»
На хлеб и воду денег не хватает.

1995 г.

X X X

Полезно иль вредно на свете любить и страдать?
Вот женщина больше мужчины переживает.
По этой причине, наверное, надо сказать,
Она постоянно мужчину переживает.

1988 г.

ПО МОТИВАМ АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА

- Ах, тетя, мне так тяжело, поверьте.
- Родная моя, не грусти, не плачь,
Твой муж, он скончался своею смертью?
- Своею? О нет, у него был врач.

1991 г.

X X X

Порой говорят, что деньги – вода.
По-моему, это не четко:
Хорошие деньги всегда-всегда –
Довольно волнующая вода
И называется водка.

1994 г.

ПРАКТИЧЕСКИЙ СОВЕТ

Колдун снимает порчу, снимет сглаз.
Но для чего нам этикие корчи?
Куда важнее было бы для нас,
Когда бы не с людей снимал он порчу,
А с порченных сосисок и колбас.

1995 г.

Х Х Х

Президент и министры! Вы жизнь поставили
На колени. Ведь цены буквально бесятся!
Вы хотя б на веревки цены оставили,
Чтобы людям доступно было повеситься!

1993 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Брак несет нам сплошь испытания.
Где же правильное решение?
Изменять жене – преступление,
Ну, а верным быть – наказание...

1994 г.

X X X

Про старика сказали: – В детство впал,
Так стоит ли считаться с ним на свете?! –
А он не в детство впал, а прежним стал,
Естественным, как могут только дети.

1992 г.

Х Х Х

Почему за границей во много раз
Жизнь богаче?
Секретов тут нет никаких:
Потому что работаем мы, как у нас,
А зарплату хотим получать, как у них.

1992 г.

X X X

Почему так гладка у попа жена,
А он день и ночь за нее боится?
Да все потому, что попу дана
Одна-разъединственная жена,
А больше нельзя жениться!

1994 г.

X X X

Радуйся каждому дню всегда.
Любому, едва только светом брызнет!
Ибо не знаешь ведь никогда,
Какой из них будет последним в жизни...

1995 г.

X X X

Ребенка растишь – словно в гору идешь,
Идешь и все чаще вздыхаешь –
Чем больше души ты ему отдаешь,
Тем меньше в ответ получаешь.

1993 г.

РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ

Запомни навек и другим скажи:
Хитрость и ложь все равно откроются.
Счастья нельзя построить на лжи,
Ведь счастья светлые этажи
Только на правде строятся!

1995 г.

Х Х Х

– Родная, прошу вас: при лунном сиянье
Прийти ко мне в сад, где гремят соловьи!
– Я рада... Спасибо вам за вниманье...
Но вы все же старше... И вдруг – свиданье.
– Все так и не так, о мое мечтанье!
Я старше лишь вас, но не старше любви!

1992 г.

X X X

Россия – веселое государство:
Чем меньше спиртного в стране моей,
Тем больше и фирм, и любых врачей,
Что жаждут народ излечить от пьянства.

1991 г.

X X X

Сегодня всюду жулики ликуют.
Красть стало проще, чем сходить на танцы.
А главное, смотреть на все сквозь пальцы –
Те самые, которые воруют.

1992 г.

X X X

Сегодня редко певцы поют.
Сейчас на эстраде всего моднее
Истошно орать. И они орут,
Поскольку ведь петь же всегда труднее.
И надо им, право, сказать сейчас:
Пожалуйста, пойте, а не кричите.
А если же голоса нет у вас,
То будет честнее, коль вы для нас
Просту дружески помолчите.

1988 г.

X X X

«Семь бед – один ответ». Имей в виду –
В таких делах не очень люди тужат.
Когда ж придется за одну беду,
Причем порой совсем за ерунду,
Семь раз держать ответ –
Вот это хуже!

1986 г.

СЕРЕБРО И ЗОЛОТО

«Серебряная свадьба». Почему
Ее вот так в народе называют?
Мне кажется, что это потому,
Что серебро в супружеском дому
Уже в сердцах и волосах сверкает.
А «золотая свадьба»? Это имя
Спустя полвека обретает цвет.
Чтоб выдержать друг друга столько лет
И не сбежать от всевозможных бед –
Сердца и впрямь должны быть золотыми!

1993 г.

X X X

Скажите, способен ли патриот
Быть счастливым развалом страны родной?
Конечно, способен! Но только тот,
Кто в сердце действительно патриот
Не этой страны, а другой.

1992 г.

СКРОМНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Горячо, всей душой, до скончания века
Одного я люблю на земле человека.
Он – прекрасен! И скромно скажу, не тая:
Этот лучший из лучших, конечно же, я!

1992 г.

СЛАВА И ЖИЗНЬ

– О, не встречайся, милая, с другими!
Ведь я известен, у меня есть имя! –
Она сказала просто, без усилия:
– Зачем мне имя? Мне нужна фамилия!
Да, только лишь всего твоя фамилия...

1994 г.

X X X

Словам, что истина в спорах рождается,
Не верьте, друзья мои, никогда.
В спорах рождается лишь вражда,
А истина в страхе от них скрывается.

1991 г.

X X X

Смерть всегда не сладка. Для меня же подобная цель,
Может статься, не так и страшна. Ведь давно не секрет,
Что душа попадает там в темный-претемный туннель.
Но в конце будет все-таки свет, будет все-таки свет!..

1994 г.

X X X

Смерть не в силах людей разлучить навек
И захлопнуть за ними дверцу.
Разве может уйти дорогой человек,
Если он остается в сердце?!

1991 г.

X X X

Спасибо «демократам» за свободу!
За право все минувшее ругать,
Когда жилось всем лучше с каждым годом.
Зато теперь есть право у народа
Свободно и счастливо голодать!

1993 г.

X X X

Средь всяческих хитростей и страстей,
Где столько бывает измен порою,
Есть, к счастью, немало еще людей,
Способных быть верными всей душою.

При этом, мы можем признаться смело,
Что счастье б цвело как огонь живой,
Когда бы все те, кто верны душой,
Верны бы нам были еще и телом.

1992 г.

X X X

С соперниками следует бороться
Не криками домашними, не ревностью,
А все напротив: ласками и нежностью,
Как раз всем тем, что чувствами зовется.
А если теплота не получается
И нежности в душе не отыскать,
Тогда пусть что угодно и свершается,
И на невзгоды нечего пенять!

1991 г.

Х Х Х

Стряслась беда иль зло свершил хулитель –
Не досаждай молитвами богам.
А всякий друг – обычно только зритель.
Запомни, что единственный Спаситель
В любой беде – ты сам, и только сам!

1993 г.

Сутки. Это мало или много?
Как кому! Для творческих людей,
Полных дел и всяческих идей,
Сутки – это краткая дорога.

У лентяев – все наоборот:
Сутки – бесконечность расстояний.
Для лентяев сутки – это год,
Сто пустот, желаний и зеваний.

Жить ли век, воюя и любя,
Иль от праздной пошлости томиться,
Все это зависит от тебя,
А точнее, от жизненных позиций!

1992 г.

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

Если полюбят друг друга двое
И счастье в обоих сердцах рождается,
То светлые чувства всегда слагаются
И счастье становится больше вдвое!

А если беда на дороге встретится,
То легче вдвоем одолеть кручину.
Ведь горе в любви по-иному мерится,
Оно на двоих непременно делится,
А значит, и меньше наполовину!

1995 г.

X X X

Считать себя умным – ни честь, ни слава.
На это любой, пожалуй, мастак.
А вот сказать себе: «Я – дурак»,
Вот тут нужен ум. И немалый, право!

1994 г.

X X X

Такая уж у нас семья:
Жена при стирках и при тесте,
Покупки, хлопоты, друзья,
Газет важнейшие известья...
И где-то на тридцатом месте
На пять минут немножко я...

1992 г.

ТАЛАНТ И БЕЗДАРЬ

Талант – как птица с робкими крылами.
Но поддержи, подкинь его слегка –
И вот он, взмыв, уже кружит над нами,
А вслед за тем орлиными кругами
Уходит в синеву за облака.

А вот бездарность, как с ней ни возись
И сколько ни вздымай ее повыше,
Она вороной кувыркнется вниз
И не взлетит ни разу выше крыши.

Однако так напористо орет,
Что все таланты за пояс заткнет.

1994 г.

X X X

Таланты! Кто хочет иметь успех,
Запомните мудрость одну на всех:
Творчество и ресторанные порции
Находятся только в обратной пропорции.

1987 г.

X X X

«Там хорошо, где нас с тобою нет» –
Такая поговорка всем знакома.
Но не спеши обшаривать весь свет,
Коль хочешь, чтоб прекрасно стало дома,
Шагни за двери. Вот и весь секрет.

1992 г.

«ТВЕРДОЕ СЛОВО»

Сегодня решил я красиво жить –
Светло, широко и по-русски:
Итак, я отныне бросаю пить,
Вот именно: твердо бросаю пить!
Бросаю пить... без закуски!

1995 г.

X X X

Твердит нам пословица там и тут,
Что семеро, мол, одного не ждут.
Нет, милые, ждут, да и как еще ждут!
И льстят, и под ручки порой берут,
Готовы терпеть и кураж, и чванство.
Однако когда? Почему? Отчего
Любят так семеро одного?
Когда тот один – начальство...

1986 г.

X X X

Твердят, что нас вечно смущает бес,
А все наши горести и лишения –
Это суровая кара небес
За всякие прошлые прегрешения.

Пусть так. Я с улыбкою к ним готов
И даже добавлю, что это дешево,
Ибо от всяких моих грехов
Раз в тысячу больше познал хорошего!

1991 г.

Х Х Х

То он захворал, то больна подруга –
Лекарства они без конца глотают.
Ах, если б понять им в часы недуга,
Что там, где действительно любят друг друга,
Болезни практически исчезают.

1992 г.

X X X

Тот, кто давным-давно
Курит, пьет и таскается,
Тот быстренько превращается,
И пусть он не обижается,
Простите, в говным-говно.

1993 г.

X X X

Ты все рвешься держать меня столько лет
В черном теле. Смотри, не пришлось бы каяться.
В черном теле ведь черная мысль рождается –
Вот возьму удеру от тебя, и привет!

1986 г.

X X X

Ты говоришь, улыбки не скрывая,
Что открываешь золотую дверцу
И буду я прописан в твоём сердце,
Владея всем, чего ни пожелаю.

Я очень тронут щедростью твоей!
Пусть твоё сердце вечно будет биться,
Но столько в нём прописано друзей,
Что мне уж там, боюсь, не поместиться.

1992 г.

X X X

Ты говоришь, что счастье невозможно,
Препятствий тьма и все ужасно сложно.
А я считаю: если б мы любили,
То все преграды даже б и не всплыли.

1993 г.

X X X

Ты ждешь, ты мечтаешь найти любовь,
Где столько верности и огня.
Зачем? А не лучше ли вновь и вновь
Вглядеться попристальнее в меня?!

1992 г.

X X X

– Ты знаешь, женился мой брат.

– Да что ты?!

Расчет или жаркий пожар крови?

– Все вместе. Но хитрости ни на йоту:

Невесту он, правда, взял по расчету,

Но деньги искренно, по любви.

1987 г.

X X X

Ты не ревнуй, но я мир не могу не любить.
И хоть душа тебя искренне любит и ценит,
Но даже ты мне не в силах весь мир заменить,
Так же как мир, сколько мне бы ни выпало жить,
Мне ни тебя, ни улыбки твоей не заменит.

1993 г.

X X X

Ты споришь, воюешь, порою ссоришься.
И все же подумай прежде всего:
Что главное в жизни не С ЧЕМ ТЫ БОРЕШЬСЯ,
А РАДИ ЧЕГО. А РАДИ ЧЕГО?

1991 г.

X X X

У кого всех больше прав,
Тот всегда и всюду прав.

1988 г.

X X X

У любви пощады нет:
Скажешь лишнее словцо –
На руке уже кольцо.
И привет!

1990 г.

УЛЫБКА ЛИРИКА

Она обнимала его в ночи:

- Ах, Гена, ты к счастью нашел ключи!
- Но я не Геннадий, а Коля, ясно?
- Ах, пусть, все равно... Все равно прекрасно!

1991 г.

Х Х Х

Умного встретишь – и ум отметишь.
А злого – про зло его помнить будешь.
Хитрого встретишь – и не приветишь,
А встретишь сердечного – и полюбишь.

1991 г.

Х Х Х

Ура! Демократии нашей знамя
Являет нам новую красоту:
Свободы со связанными руками
И гласности с крепким кляпом во рту!

1993 г.

Х Х Х

У сердца и горя ничья не случается.
Человек так легко раним.
И если с горем он не справится,
То горе справится с ним.

1995 г.

УСЛОВНОСТИ ЖИЗНИ

Да, голый король был смешон всегда
Затем лишь, что нормою были наряды.
А будь нашей нормою нагота –
Одежды смешили бы до упаду.

1994 г.

X X X

У соседа-борца, чемпиона мира,
Была восьмикомнатная квартира.
Будь у меня такая квартира,
Я тоже бы стал чемпионом мира!

1993 г.

Х Х Х

– Ухожу от мужа! Надоело!
– Но скажи, родная, отчего?
– Он – тиран! Он хочет, чтоб я ела
То, что я готовлю для него!

1994 г.

Х Х Х

Ушла. Умчалась гордо, словно птица.
Но, встретившись с реальною судьбой,
Что не щадя заставит приземлиться,
Ты будешь тем лишь целый век гордиться,
Что я знаком когда-то был с тобой!

1991 г.

ФРИВОЛЬНАЯ ШУТКА

О, как краток земных превращений миг:
В поздний час за гумном деревенским
Из кустов раздается девичий крик,
Становящийся вскоре женским...

1991 г.

Х Х Х

Хайям вино не почитал за зло
И воспевал во всех стихотвореньях.
Ему, пожалуй, крепко повезло,
Что он родился до постановленья.

Сегодня бы его ждала беда:
В стакане и в стихах одна вода.
Не так-то просто тут повеселиться –
Как важно в жизни вовремя родиться.

1986 г.

X X X

Хватит болтать про народ, господа,
И, пузо надув, вещать о народности!
Ведь после Петра, за годами года,
Правили нашим народом всегда
Разные инородности...

1992 г.

X X X

Хорошо быть красивым иль стать всех сильней,
Славно быть богачом или стать известным!
А каким быть на свете всего трудней?
– Честным...

1990 г.

X X X

Хоть в области знаний критерии зыбки,
Но в чем-то мы можем и разобраться:
Дурак защищает свои ошибки,
А умный умеет в них признаваться.

1995 г.

ХРАБРЕЦ

Садясь под вечер дома на крыльцо,
Любил в душе грозить он всяким мафиям
И смело правду говорил в лицо
Газетным и журнальным фотографиям.

1992 г.

X X X

Писание учит: «Прощайте врагов!»
Но разве так светлые дни настанут?
Ведь если прощать нам своих врагов,
Всех хамов, мерзавцев и подлецов,
Неужто тогда они лучше станут?!

1993 г.

X X X

Художники часто разные средства
Для экскурса в молодость выбирают:
Таланты, творя, воскрешают детство,
Бездарности просто в него впадают.

1994 г.

«ЧИСТАЯ ДУША»

В своей прекрасно-праведной судьбе
Она вовек ни в чем не согрешила.
Но втайне не могла простить себе
Грехов, которых так и не свершила.

1995 г.

Х Х Х

Чтоб обрести друга,
Ты съешь с ним соли две-три сумы.
А чтоб потерять друга –
Дай ему денег займы.

1989 г.

X X X

Чтоб от лжи не страдать в ледяной тоске,
Ты с лгуном говори на его языке.
Не смущайся, любые узлы вяжи.
Пусть изведает сам результаты лжи!

1996 г.

X X X

Что делать, чтоб жить хорошо с женой?
Ухаживать надо за ней, друг мой.
Однако, чтоб вдруг не попасть впросак,
Запомни: ухаживать надо так,
Как ты бы ухаживал за чужой.

1988 г.

X X X

– Что о душе болтать! О, нежный пол! –
Сказал бы Бог почти любой невесте:
– Поведай вам, что милый ваш беспол,
Так вы его, хоть пой он, как щегол,
Пошлете вон с его душою вместе.

1992 г.

Х Х Х

Что такое наша демократия?
Это как, простите, для кого:
Для одних – душевные объятия,
Для других – тюремные объятия,
А другого нету ничего...

1993 г.

X X X

Чувства людские неважно измерены,
Тут без конца ошибаться можно.
Веришь лишь тому, что сто раз проверено,
И только тому, что сто раз надежно.

1993 г.

X X X

Цену себе непременно знайте!
Так люди опытные находят.
Но только цены той не превышайте,
Приписки к хорошему не приводят!

1991 г.

X X X

Шлет погода нам вечно то снег, то воду,
Только мы понапрасну браним погоду,
Если будет погода всегда прекрасна,
То на что же ворчать нам тогда? Не ясно!

1994 г.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ГУЛЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Она была веселою путаной.
Для всех мужчин минутная жена.
И лишь отныне, как это ни странно,
Она впервые будет спать одна.

1993 г.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ЛОВЕЛАСА

Он в чувствах клялся иногда до слез
И мастер был во лжи непревзойденный.
Но раз при встрече правду произнес
И от испуга умер, потрясенный.

1993 г.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ОБЖОРЫ

Он столько съел, что трудно даже счесть,
И жадностью довел себя до смерти,
Однако и в аду он будет есть,
Поэтому остерегайтесь, черти!

1993 г.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ХОЛОСТЯКА

Он был всю жизнь холостяком
И знал невзгод немало.
Зато не умер дураком,
И это утешало.

1993 г.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ЧЕСТНОГО ЧИНОВНИКА

Он крупный пост на службе занимал
И путь прошел свой с праведными думами.
Он честным был. Он лжи не признавал
И взятки в жизни никогда не брал,
По крайней мере маленькими суммами.

1994 г.

X X X

Юность жаждет того и сего,
Юности нужен весь мир навек,
А зрелости нужен больше всего
Один-единственный человек...

1992 г.

Х Х Х

- Я ненавижу мужа своего!
- Ну, так уйди скорее от него.
- Уйти, конечно, просто. Но тогда
Он сразу будет счастлив. Никогда!

1992 г.

X X X

Я прожил жизнь и весело, и сложно
И взятки в мире никогда не брал.
А почему? Да потому, возможно,
Что просто мне никто их не давал.

1994 г.

Х Х Х

День ПОБЕДЫ, войны отрубивший беды!
Только зреют и снова нас жгут мечты:
Я мечтаю сегодня о дне ПОБЕДЫ
Справедливости, Правды и Доброты!

1987 г.

ПОЭМЫ

ГАЛИНА

(Лирическая повесть)

ЧАСТЬ 1

Глава 1. В ТЕПЛОМ ПЕРЕУЛКЕ

1

Крик влетел пронзительный, звенящий
В каждый двор, окошко и чердак.
Он, как вспышка молнии слепящей,
Разорвал вечерний полумрак.

Крик влетел и лопнул, как струна.
Воздух стал вдруг непривычно гулок.
И в настороженный переулок
Вороном упала тишина...

Что случилось? Женщина кричала.
Надо встать и выйти. Робость прочь!
Может быть, в беду она попала.
Нужно выйти, выйти и помочь!

Мужество! Ну где ж ты затаилось?
В Теплом переулке тишина...
Ни одно окно не растворилось.
Дверь не распахнулась ни одна.

Трусость, что ли, в душах колобродит?
Равнодушие ли к чужой судьбе?
Что же: всякий для себя, выходит?
Каждый, значит, только о себе?

Нет, не так! От крепкого удара
Дверь подъезда настезь: – Кто там? Эй! –
Вот уже бегут вдоль тротуара,
Голоса все ближе, все слышней.

Пусть не видно милиционера.
Раз беда – они помочь готовы.
Нет, не все укрылись за портьеры,
Нет, не все задвинули засовы!

2

А случилось так: у Рыбаковых
Праздновался Варин день рожденья.
И хозяйка, рдея от смущенья,
В красном платье, в туфельках вишневых,
В доме принимала поздравленья.

Тридцать семь – не так уж это мало.
Женщина тут вправе и слукавить.
Года три убавить для начала –
Пусть не три, пусть год, а все ж убавить.

Но какой ей год перечеркнуть?
Ведь не тот, что в руки дал букварь,
Год, когда дохнул морозом в грудь
Черно-белый памятный январь.

Скорбный зал... Крутой знакомый лоб...
Алые полотна кумача
И плывущий над рядами гроб
Близкого ребятам Ильича...

Этот год не позабудешь, нет!
Горестный, торжественный и строгий.
Ну а тот, что вырос на пороге,
Когда было Варьке десять лет?

Может, этот год прошел как тень?
Взять – и зачеркнуть его, к примеру.
Только выйдет так, что в майский день
Варька не вступала в пионеры...

И какой бы счет годам ни шел,
Нет такого, чтобы крался тихо:
Этот год – вступленье в комсомол,
А другой – на фабрике ткачиха.

Это юность. Но ведь были годы,
О которых тяжко вспоминать?!
Вот война... дымь до небосвода...
У порога плачущая мать...

Тяжкий след оставила война.
Только как ей сбросить годы эти?
Выйдет ведь тогда, что не она
В полковом служила лазарете.

Выйдет, не она под свист и гром,
Прикрывая раненых собою,
Бинтовала под любым огнем
И несла их, стонущих, из боя.

Кто ж, как не она, порой ночной
Через топь болота ледяного
Вынесла с раздробленной ногой
Старшину Максима Рыбакова?

Рыбаков в санбате стал грустить
И однажды молвил ей, вздыхая:
– Без ноги, как видишь, можно жить,
А вот без тебя как жить, не знаю...

И сейчас вот рядом, за столом,
Он, прошедший вместе с ней войну,
Наполняет свой бокал вином

И глядит с улыбкой на жену.

Пусть не легкий за спиною путь
И у глаз прибавилось морщин,
Только разве можно зачеркнуть –
Что там год – хотя бы день один!

Тридцать семь – не тридцать. Верно. Да.
Тридцать семь – не звонких двадцать пять.
Но, коль с толком прожиты года,
Право, их не стоит убавлять!

Веселились гости за столом,
Возглашали гости тосты разные.
И звенели рюмки хрусталем,
Вспыхивая искрами алмазными...

*

Крик влетел пронзительный, звенящий,
Заглушив застольный звон и гул.
Он как будто стужей леденящей
Прямо в душу каждому дохнул.

Сразу наступила тишина...
– Грабят, – кто-то произнес несмело. –
Только наше дело – сторона.
Никому ведь жить не надоело.

Но хозяин, встав, ответил строго:
– Что мы, люди иль какие звери?
Лезь, мол, в норку, если где тревога... –
И пошел, скрипя протезом, к двери.

Но уже, его опередив,
Кинулась Варвара в коридор.
Вся – один стремительный порыв,

Вниз... скорей! По лестнице во двор...

Пусть на ней не сапоги кирзовые,
Не шинель. Пускай на ней давно
Платье-креп и туфельки вишневые,
Но душа ведь та же все равно!

В ночь метнулись две плечистых тени...
И Варвара тотчас увидала
Женщину, что, подогнув колени,
Как-то странно наземь оседала...

Сжав лицо обеими руками,
Женщина стонала глухо, редко,
А сквозь пальцы темными ручьями
Кровь лилась на белую жакетку.

И когда сознание теряла,
Сотрясая Варю зябкой дрожью,
Все к груди зачем-то прижимала
Сумочку из светло-синей кожи.

Раны, кровь Варваре не в новинку.
Нет бинтов – и так бывало тоже.
С плеч долой пунцовую косынку!
– Милая... крепись... сейчас поможем...

Стали быстро собираться люди:
Слесарь, бабка, дворник, два солдата.
Рыбаков шагнул из автомата:
– Я звонил. Сейчас машина будет.

В это время появился тот,
Кто обязан первым появляться.
Строгий взгляд, фуражка, грудь вперед.
– Граждане, прошу не собираться!

Позабыв давно о платье новом,
Кровь на нем (да разве тут до бала!),

Варя, сев на камень перед домом,
Раненую за плечи держала.

Вот гудок, носилки, санитары...
– Где она? Прошу посторониться! –
Раненая вскинула ресницы
И на миг поймала взгляд Варвары.

Словно что-то вымолвить хотела,
Но опять поникла в забытьи.
Врач спросила Варю: – Вы свои?
Вы подруги? Как здесь было дело?

Впрочем, можно говорить в пути.
Вы могли бы ехать? Дайте свету!
Да, все ясно... Тише... не трясоти...
На носилки... так... теперь в карету!

Варя быстро обернулась к мужу:
– Знаешь, нужно что-то предпринять!
Я поеду. Вдруг ей станет хуже,
Может, дома дети или мать...

Улыбнулась: – Не сердись, мужчина,
Ты ступай к гостям, а я потом. –
Резко просигналила машина
И, взревев, исчезла за углом.

Врач вошла с чеканностью бойца
И сказала, руки вытирая:
– Под лопаткой рана ножевая,
И вторая – поперек лица.

Но сейчас ей легче, и она
После операции уснула. –

Варю угнетала тишина,
Варя быстро поднялась со стула:

– Надо как-то близких отыскать. –
Брови, дрогнув, сдвинулись слегка.
– И какая поднялась рука
Так девчонку располосовать!

Доктор чуть качнула головой:
– Странно, вы чужая ей... А впрочем,
Вы правы, и скверно то, что прочим
Это странным кажется порой.

– Эта сумка, – молвила Варвара, –
Локтем крепко стиснута была,
Несмотря на два таких удара,
Женщина все сумку берегла.

Видно, там не шпильки и не ленты.
Вот возьмите, надо бы прочесть.
Верно, здесь бумаги, документы,
Имя, адрес в них, наверно, есть.

– Сумка? – Доктор сумочку взяла,
Быстро наклонилась, открывая,
И сейчас же посреди стола
Лента развернулась голубая.

Вслед за нею, как птенцы из клетки,
Выпорхнули дружно распашонки,
Чепчик, две батистовых пеленки
И смешные детские баретки...

И глаза у докторши суровой
Как-то вдруг заметно потеплели:
– Целый гардеробчик малышей!
Только как же быть нам, в самом деле?

Это мать. И молодая явно.

Подождите, вот и паспорт здесь:
Громова Галина Николавна,
Теплый переулок. Двадцать шесть.

Вы помочь нам, кажется, готовы?
Хорошо вы знаете Москву?
– Теплый переулок? Доктор, что вы,
Я же в переулке том живу!

Только что нам делать с малышом? –
Доктор улыбнулась: – Погодите,
Все сперва узнайте, а потом
Нам сюда немедленно позвоните,
Едет беспокойная душа.

Мчит, считает каждый поворот!
Только пусть уж едет не спеша,
Ибо никакого малыша
В той квартире Варя не найдет.

Над Москвою полог черно-синий,
В нем мигают звезды иногда.
Нынче плохо Громовой Галине,
У Галины Громовой беда.

А пришла беда совсем нежданно,
Наглою ухмылкой скаля рот,
В образе тупого хулигана
В переулке, около ворот.

Друг читатель! О судьбе Галины
Мы на миг прервем с тобою речь.
Нет беды на свете без причины.
Так неужто зла нельзя пресечь?

Может статься, где-то рядом с нами,
Может быть, у чьих-нибудь дверей
Бродят люди с черными сердцами,
Водкой накачавшись «до бровей».

Да, сегодня горе у Галины.
И, читатель, ты хотел бы знать:
Правда ли, что не нашлось мужчины
Руку хулигана удержать?

Многие кивнули б головою
И сказали: «Мы не знали, нет».
Многие б сказали так... Но трое
Лишь глаза бы спрятали в ответ.

Взгляд отвел бы инженер, тот самый,
Что домой в тот вечер шел с работы.
Да, он видел, как у поворота
К женщине пристали хулиганы.

Увидав, он очень возмутился
(Про себя, конечно, а не вслух)
И, проворством посрамляя мух,
В дверь подъезда, будто в щель, забился...

А бухгалтер Николай Иваныч,
Что живет на первом этаже,
Он любил, окно раскрывши на ночь,
Покурить, листая Беранже.

Как же он? Забил ли он тревогу,
Видя, как два хмурых хулигана,
Сквернословя громко, беспрестранно,
Преградили женщине дорогу?

Николай Иваныч, что ж вы, милый!
Вы ли в этот вечер испугались?
Вы ж частенько похвалялись силой,
Вы ведь даже боксом занимались!

Если ж страх шептал нам, что без толку
Рисковать вот этак головой,
Ну сорвали б со стены двустволку!
Ну пальнули б в небо раз-другой!

Ну хоть закричали б, в самом деле,
Прямо из окна: «Не троньте! Прочь!» –
Только вы и крикнуть не посмели,
Видно, страх непросто превозмочь...

Вы спустили штору не спеша
И тихонько в щелку наблюдали...
Славная, геройская душа,
Доблестней отыщется едва ли!

Впрочем, был и третий ротозей –
Ротозей с душонкою улитки:
Рыжий дворник – дядя Елисей.
Он взглянул и затворил калитку.

– Ну их всех в болото! – он сказал. –
Свяжешься, потом не расквитаться. –
Постоял, затылок почесал
И пошел с женой посоветаться...

Друг читатель! Что нам эти трое?!
Пусть они исчезнут без следа!
Это так... Да только мы с тобою
С ними чем-то схожи иногда.

Вот, к примеру, ловкою рукою
Жулик тянет чей-то кошелек.
Разве мы вмешаемся с тобою?
Чаще нет. Мы смотрим – и молчок...

Разве так порою не бывает,
Что какой-то полупьяный скот
К незнакомой девушке в трамвае,

Ухмыляясь, грубо пристает?

Он шумит, грозитя, сквернословит,
Сотрясает хохотом вагон.
И никто его не остановит,
И никто не скажет: «Выйди вон!»

Никому, как видно, дела нету.
Тот глядит на крыши из окна,
Этот быстро развернул газету:
Тут, мол, наше дело – сторона.

Не встречая никогда отпора
Самой гнусной выходке своей,
Смотришь – этот парень у забора
Уж ночных дежурит «голубей».

«Голубьями» он зовет прохожих.
В самом деле, «голуби», не люди.
Если постовой не потревожит,
Грабь спокойно, ничего не будет.

Наши люди не цветы с окошка.
Воздвигали города в лесах,
Знали голод, видели бомбежку,
Рвали скалы, бились на фронтах.

Почему ж порой у перекрестка
Эти люди пятятся, дрожа
Перед слабым лезвием ножа
В пятерне безусого подростка?!

Мы тут часто оправданье ищем:
Всякое, мол, в лоб ему взбредет,
Вот возьмет и двинет кулачищем
Или даже бритвой полоснет...

Только не затем ли он грозитя,
Не затем ли храбро бритвой машет,

Что отлично видит робость нашу?
Ну а робких, кто же их боится?

Вот и лезет хулиган из кожи,
Вот и бьет кого-то, обнаглев...
И когда молчим мы, присмирив,
Это ж на предательство похоже!

Нынче плохо Громовой Галине.
У Галины Громовой беда.
Мой товарищ! Не пора ли ныне
С той бедой покончить навсегда?!

Глава 2. ОТЪЕЗД

1

Громов ходит быстро вдоль вагона,
Нервно щиплет жесткие усы
И все чаще смотрит на часы,
Что сияют в глубине перрона.

Как нескладно все выходит, право,
Стрелки так стремительно бегут!..
Вот до отправления состава
Остается только семь минут.

Он понять не может: в чем причина?
Что случилось? Ведь не может быть,
Чтоб Галина, верная Галина,
Не примчалась мужа проводить!

До сих пор все складывалось славно,
Он, Андрей, окончил институт:
– Ну, жена, Галина Николавна,

Вот диплом, а вот уж и маршрут.

Я геолог. Неплохое званье!
Ну не хмурься... Я ж приеду скоро.
Значит, Лешка, я и Бойко Таня
Едем под командой Христофора.

Христофор Иваныч! Сказка прямо!
Автор добрых тридцати трудов
Нас берет на поиски вольфрама.
«Самых, – говорит, – беру орлов».

Есть речушка со смешным названьем...
Вспомнил: «Каква»... Знаешь, лес... Урал...
Наших трое: Лешка, я и Таня...
Впрочем, это я уже сказал...

Нам на все три месяца даны.
– Эх, Андрюшка, мне ли привыкать!
Тот, кто ждал любимого с войны,
Уж, поверь мне, научился ждать.

У Галины крыльями ресницы,
А глаза – два темных василька.
Улыбнется Галя – и река,
Улицы, деревья, облака –
Все в глазах смеется и дробится.

Вышло так: вдруг кем-то почему-то
Был маршрут «проверен», «уточнен»,
И отъезд в последнюю минуту
На день раньше был перенесен.

Как тут быть? Галинки нету дома,
А сегодня ехать... Вот задача!
Он поспешно позвонил знакомым,
На работу – всюду неудача!

Вещи все уложены давно

Нежными стараниями Гали.
Он письмо оставит. Решено.
И жену дождется на вокзале.

И сейчас вот быстро вдоль вагона
Он шагает, теребя усы,
То и дело глядя на часы,
Что сияют в глубине перрона.

Пять минут... Ведь это очень мало...
А Галины до сих пор все нет.
Может быть, письма не прочитала?
Где-то задержалась? В чем секрет?!

– Эй, Андрюша, погоди немножко! –
И с площадки, прожевав галету,
Быстро прыгнул веснушчатый Лешка. –
Знаешь, есть счастливая примета:

Эта вот платформа – номер три.
И вагон наш третий... Нет, серьезно...
Место третье у тебя, смотри!
Поезд тоже третий... Грандиозно!

Стой! И три минуты до отхода!
Ты счастливец! Вот взгляни, сейчас
Из гудящей сутолки народа
Вспыхнет пара темно-синих глаз...

Я ведь знаю, будет все в порядке.
Галя – это ж золотник урана! –
В это время вышла на площадку
Статная, высокая Татьяна.

На друзей спокойно поглядела
И сказала: – Граждане, в вагон!
Христофор Иваныч возмущен.
Был свисток, и тут стоять не дело.

Взгляд похож нередко на людей:
Тот в улыбке доброй расплывется,
Этот строг и важен, как музей,
Тот сердит, а этот вон смеется...

Танин взгляд был чем-то вроде лорда:
Не смеялся он и не страдал,
А при встрече холодно и гордо
Словно б вам два пальца подавал.

2

Мчит состав, по стеклам бьют дождинки,
Канул в ночь вокзала яркий свет...
Эх, Галинка, милая Галинка!
Прибежит, а поезда уж нет...

Впрочем, ладно. И не так случилось...
Был состав, и с Галей был Андрей.
Но хотя прощанье состоялось,
А на сердце было тяжелей.

*

Сорок первый. Грохот эшелонов,
В новенькой пилотке, в сапогах,
В толкотне стоял Андрюша Громов,
Ветку липы теребя в руках.
Видел он, как старшина кого-то
Распекал за смятый котелок,
Как супруга командира роты
Все совала мужу узелок.
Тот не брал: – Оставь, снеси ребятам...
Ну не плачь, Маруся... ничего... –
И смущался, видя, что солдаты

Из вагонов смотрят на него.
Десять лет Андрей учился с Галей.
Галя – друг. Да мало ли друзей?
Почему же нынче на вокзале
Он с тоскою думает о ней?
Как вчера он с Галей попрощался?
«Не забудь, пиши мне...» Эх, дубина!..
Лжешь, что дружба, лжешь, а не признался,
Испугался синих глаз Галины.
«Не забудь, пиши мне...» Ну и пусть!
Так тебе и надо, жалкий трус!
Забирай теперь в дорогу грусть,
Увози неразделенный груз!
Но когда Андрей шагнул к вагону,
Каблуком притопнув по окурку,
То увидел вдруг в конце перрона
Легкую знакомую фигурку.
Галя шла, бежала все быстрее,
Словно что-то потерять боясь,
И, когда увидела Андрея,
Вдруг густым румянцем залилась.
Грудь ее порывисто вздымалась,
Руки были холодны как лед.
– Знаешь, я как раз не собиралась..
Впрочем, нет... Совсем наоборот...
Был таким рубиновым закат,
Что хоть кисть макни в него – и вот
На стене появится плакат:
«Комсомольцы, дружно все на фронт!»
Лязгал штык, команды раздавались,
Где-то под гармошку напевали...
Возле эшелона на вокзале
В первый раз они поцеловались.
И увез он марш военных труб,
Полный горя синий взгляд Галинки,
Вкус ее сухих горячих губ
И солоноватый вкус слезинки...
Про любовь Галина не сказала.
Взгляд на все ответил откровенно.

Ну а писем разве было мало?
Два письма в неделю непременно.
Что письмо?! Но если приглядеться,
Это ж ведь и есть любовь сама.
Ровно триста сорок два письма.
Триста сорок две частицы сердца!..

3

Это было десять лет назад,
А сдается, что совсем недавно...
Эх, жена, Галина Николавна,
Где же нынче был твой синий взгляд?

Что могло с тобою приключиться?
За окошком полночь. Холодок...
Сел Андрей. Не хочется, не спится!
– Лешка, брось мне спичек коробок.

Таня спички со стола взяла,
Кинула Андрею, усмехнулась:
– Что, геолог, нележки дела? –
И, локтями хрустнув, потянулась.

Хороша Татьяна, что скрывать:
Строгий профиль, как из-под резца,
Мягкая каштановая прядь,
Блеск зубов и матовость лица.

Только это ни к чему Андрею,
Он спокойно на нее глядит.
Таня – это статуя в музее,
Хороша, а сердце не болит...

За окошком черною лисицей
Ночь несется, к травам припадая.
Эх, Андрей, чего грустить, вздыхая?!
Надо спать. Да вот никак не спится.

– Это скверно: ждать и не дожидаться, –
Таня вдруг сурово изрекла. –
Я вот тоже как-то раз, признаться,
Милого напрасно прождала.

Первый курс... Девчонка... Дура дурой.
И взбрело ж мне в голову тогда,
Что с моим лицом, с моей фигурой
Покорю я парня без труда.

Он был славный, добрый, беззаботный,
С полуслова друга понимал.
А со мной хоть и шутил охотно,
Но любви моей не замечал.

Да, любви. Но мне открылось это
Слишком поздно. Так-то, побратимы.
В этом нет уже теперь секрета,
Все ушло и пролетело мимо...

Но тогда мне, помню, показалось,
Что вздыхать, робея, ни к чему
И что, коль со счастьем повстречалась,
Взять его должна я и возьму.

По каким неписаным законам
С давних пор уж так заведено,
Что о чувствах девушкам влюбленным
Первым говорить запрещено?!

Любит парень – парню все возможно:
Признавайся, смотришь – и поймут...
А девчонка – лютик придорожный:
Жди, когда отыщут и сорвут.

Только я не робкого десятка.
Что мне было понапрасну ждать?!
Для чего играть со счастьем в прятки?

Он молчит, так я должна сказать!

Помню шумный институтский вечер.
Хриплые раскаты радиолы.
Я решила: нынче эта встреча
Будет не бездумной и веселой.

Пусть она не в парке состоится,
А вот здесь, под меди завыванья.
Что ж, так даже легче объясниться:
Хоть не будет тяжкого молчанья.

Тот пришел с подружкой, тот – с женою.
Танцы, смех, веселый тарарам...
Я ж застыла, будто перед боем,
Взгляд и душу устремив к дверям.

Лешка приподнялся моментально
И спросил нетерпеливо: – Ну?
Что же дальше? – Дальше все печально,
Дальше мой фрегат пошел ко дну.

Мой герой явился. Только рядом,
Рядом с ним, сияя, шла другая.
Щурилась подслеповатым взглядом...
Рыжая, толстенная, косая...

– Ну а как же он? – воскликнул Лешка.
– Он? – Татьяна зло скривила губы: –
Он блестел, как новая гармошка,
А в душе небось гремели трубы!

Он смотрел ей в очи, ей-же-богу,
Как дворняга, преданно и верно.
Ну, а я, я двинулась к порогу.
Что скрывать, мне очень было скверно...

Сразу стал ничтожным, как букашка,
Разговор наш. Он влюблен. Он с нею!

Да, Андрюша, не дожидаться – тяжело,
Потерять же – вдвое тяжелее...

– Таня, брось! – вздохнув, промолвил Лешка. –
Что прошло, того уж не вернешь.
Грусть ли, снег – все тает понемножку,
А виски вот ты напрасно трешь.

Есть примета – постареешь рано.
А для женщин – это ж сущий ад! –
И, поймав его беспечный взгляд,
Улыбнулась строгая Татьяна.

– Слушай, Лешка, – вдруг сказал Андрей. –
Ты приметы сыплешь, будто дождик.
Впрямь ты, что ли, веруешь в чертей?
Ты же комсомолец и безбожник.

Лешка прыснул: – Вот ведь чудачина!
Не во мне таится корень зла.
Просто моя бабка Акулина
Без примет минуты не жила.

И, от бед оберегая внука,
Без сомнений и без долгих дум
Бабка той мудреною наукой
Набивала мой зеленый ум.

Мне плевать на бога и чертей!
Стану ли я глупости страшиться!
Только надо ж как-то разгрузиться
Мне от ноши бабушки моей!

Вдруг профессор приоткрыл ресницы
И сквозь сон сердито пробурчал:
– Что вам, полуночники, не спится?
Ночь давно. Кончайте свой кагал!

Он еще побормотал немножко,

Сонно потянулся и зевнул.
Щелкнул выключатель у окошка,
И вагон во мраке потонул.

– Есть примета, Христофор Иваныч, –
Улыбнулся Лешка. – Верьте мне:
Никогда нельзя сердиться на ночь –
Домовой пригрезится во сне...

Глава 3. НОВЫЙ ДРУГ

1

– А все же это хорошо, Варвара,
Что мы с тобой так славно подружились!
Опять бренчит соседская гитара.
Смотри, смотри-ка, флоксы распустились!

Все эти дни возбуждена Галина.
Едва домой вернувшись из больницы,
Она то вдруг заплачет без причины,
А то, вскочив, со смехом закружится...

Трюмо теперь ей враг: неся печали,
Оно напоминает без конца
Про голову остриженную Гали
И шрам пунцовый поперек лица.

Зло – это зло. А все ж, коли угодно,
Теперь ей души новые открылись.
– Да, да, Варюша, это превосходно,
Что мы с тобой так славно подружились!

Ты знаешь, там, в больнице, мне казалось,
Что все твои визиты лишь рисовка.

Увидела – почувствовала жалость,
Ну и приходишь гладить по головке.

Сердечный взгляд. Букет на одеяло...
Приходишь каждый вечер, как на службу...
Прости, Варюша! Я тогда не знала,
Что доброта есть первый вестник дружбы.

Да, между прочим, в сумочке тогда
Наткнулись вы на детские вещицы.
Малыш! И ты приехала сюда
Помочь ему, да не нашла следа:
А он под сердцем у меня стучится.

Варвара улыбнулась: – А забавно
Меня в квартире встретили у вас.
Скажи, кто эта Эльза Вячеславна
В такой пижаме цвета «вырви глаз»?

– Как кто? Да просто мужняя жена.
Служила где-то в главке, у Арбата.
Но, выйдя замуж, обрела сполна
Все то, о чем мечталось ей когда-то.

Борис Ильич, супруг ее, всецело
Научною работой поглощен.
Зато у Эльзы три любимых дела:
Кино, универмаг и стадион.

Притом добавлю, что соседку нашу
Не Эльзою, а Лизою зовут.
Но имя Эльза кажется ей краше,
А Лиза – это скучно, как хомут.

Варвара усмехнулась: – Понимаю,
Когда в тот вечер я сюда примчалась,
То эта Эльза, двери открывая,
Мне помнится, ужасно испугалась.

«Какой ребенок?! – ахнула она.-
Что за кошмар? Тут кто-то нас дурачит.
Борис, ты где, я так поражена!
Больница... Галя... Что все это значит?»

Прохлада... Сумрак... За Москвой-рекой
Последние лучи уже потухли,
Лишь зябкий вечер ворошил клюкой
Заката дотлевающие угли...

– Не надо, Галя, света зажигать!
Так вроде бы уютней и теплее.
Да, кстати, ты хотела рассказать
Немного про себя и про Андрея.

Затем о чуде звонком, долгожданном...
Скажи: как назовете вы его?
– Сейчас, Варюша. Но сперва о главном:
Андрей пока не знает ничего.

Но по порядку: в день, когда Андрюша
Вернулся с фронта, я его встречала
Не школьницей, как прежде провожала,
А педагогом. Веришь ли, Варюша,

Ходя четыре года в институт,
Я бредила во сне и наяву
Вот этим днем. Но, понимаешь, тут
Стою пред ним, как дура, и реву.

Но нет, постой, я вовсе не об этом.
Я о другом... Ведь, знаешь, в этот день
С земли ушла, исчезла злая тень.
Конец войне. Мир залит ярким светом!

Какая-то старушка вдруг спросила:
«Кого встречаешь, дочка?» А Андрей,
Обняв меня, вдруг гаркнул что есть силы:
«Супруга, бабка! Муж приехал к ней!»

И вдруг, смутясь, в глаза мне заглянул:
«Галинка, правда?» Я кивнула: «Да».
Вокзал в цветах и музыке тонул,
Шумел народ, свистели поезда...

С тех пор навеки в памяти моей
Остались этот солнечный перрон
И загорелый радостный Андрей
В пилотке и шинели без погон.

Андрей сказал, вернувшись: «Так-то, Галя,
Пока мы шли сквозь пламя в грозный час,
Вы все тут институты покончили
И вроде б даже обогнали нас.

Сидишь теперь, плечистый да усатый,
На лекциях с конспектом под рукой,
А рядом ясноглазые девчата
И пареньки без пуха над губой».

А я смеюсь: «Молчи, такой удел,
Смиренье ум и душу возвышает.
Христос, вон тетя Шура утверждает,
Похлестче унижения терпел!»

Я, Варя, нынче точно в лихорадке,
Все чепуху какую-то плету.
Да мне ль сейчас играть с тобою в прятки!
Я, знаешь, все жалею красоту.

Ну ладно, пусть не красоту, но все же
Хоть что-нибудь да было же во мне!
А тут взгляни: гримаса, гадость, рожа,
Кошмар в каком-то непонятном сне!

Поникнув, плечи быстро задрожали,
В усталом взгляде – колкая зима.
– Не надо, слышишь? Ну не надо, Галя!

Не так все плохо, ну суди сама:

Теперь такие шрамы медицина,
Конечно же, умеет убирать.
Ну, будет, будет... Вспомни-ка про сына,
Тебе нельзя мальчишку волновать.

– Кого мы ждем? – Галина просветлела. –
Сережку жду. Наверно, будет славный!
– Ну то-то же, вот так другое дело.
Нельзя хандрить, Галина Николавна.

– Да, да, нельзя. Но ты не думай только,
Что я с Андрюшей встретиться боюсь.
Андрей мой не пустышка и не трус,
И шрам его не оттолкнет нисколько.

И хоть в нем много мягкого тепла,
Но он, как я, от горя не заплачет.
Любовь же наша сквозь войну прошла,
А это тоже что-нибудь да значит!

А главное, тут ждет его сюрприз,
Который буйствует уже, стучится...
Вот дай-ка руку... Чувствуешь? Как птица
В тугом силке, он бьется вверх и вниз.

Андрей однажды мне сказал: «Галина,
Что скромничать – мы хорошо живем,
Но если б нам с тобой еще и сына...» –
И он, вздохнув, прищелкнул языком.

В работе нашей, в радости, в борьбе
Бывают дни-враги и дни-друзья.
Но день, когда затеплилась в тебе
Иная жизнь, ни с чем сравнить нельзя!

Сначала я о радости такой
Хотела сразу рассказать Андрею.

Но тотчас же решила: «Нет, стой!
Сама-то я всегда сказать успею».

Так слишком просто: взять вот и сказать.
Но нет, пусть это глупость, пусть каприз,
Однако я решила наблюдать,
Когда он сам заметит мой «сюрприз».

Пробушевав, осыпалась весна,
И Громов мой окончил институт.
Пришел и крикнул весело: «Жена!
Вот мой диплом, а вот уж и маршрут!»

И, собирая мужу чемодан,
Решила я: теперь скрывать не надо.
Три месяца не сделали мой стан
Покуда примечательным для взгляда.

Но о «сюрпризе» глупо говорить!
Вот, Варенька, забавная задача!
«Сюрпризы» полагается дарить,
К тому же и внезапно, не иначе.

Ну как тут быть? Смекалка, выручай!
Стоп! Я куплю для малыша приданое
И на вокзале в самый миг прощания
Открою сумку, будто невзначай.

Тогда исчезнет сразу грустный взгляд!
Глядишь, глаза Андрея потеплели...
«Галинка! – он воскликнет. – Неужели?
Теперь нас будет трое? Как я рад!»

Он бережно возьмет меня за плечи
И, наклонившись, скажет мне, любя:
«Спасибо, моя славная! До встречи!
Теперь нас трое. Береги себя!»

Да, так вот я и думала, когда

В тот вечер торопилась на вокзал.
И тут, как гром, неожиданная беда,
Глухая брань... Удар... Потом – провал...

Запомнились лишь две фигуры в кепках,
Две пары крепко сжатых кулаков,
Две пары глаз, холодных, наглых, цепких,
Из-под нависших низко козырьков.

«А ну, стой! – один промолвил хмуро. –
Какой такой под мышкой тащишь клад?»
«Замри, – вторая буркнула фигура. –
Гляди, не вздумай кинуться назад!»

Когда большая грубая рука
Схватила сумку, я вдруг моментально
Не столько с целью, сколько машинально
К себе рванула сумочку слегка.

Ударили меня сначала в спину.
Потом... А, право, хватит вспоминать!
Как холодно у нас, я просто стыну.
Давай чай, Варюша, распивать.

Мигнул в окошко вечер фонарем
И лучик протянул к душистой булке.
– Как странно, Галя, мы с тобой живем
Вот здесь, в одном и том же переулке,

А прежде не встречались никогда.
Хоть, может быть, и видели друг друга.
– Пусть так... Но там, где грянула беда,
Куда надежней и верней подруга.

ЧАСТЬ 2

Глава 4.

Хлещет дождь по листьям и по веткам,
Бьет, гудит, упругий и прямой.
Дальний берег скрыт за плотной сеткой,
Дымчатой, холодной, слюдяной.

Пляшет дождь веселый, голоногий,
Мутные взбивая пузыри.
Пляшет вдоль проселочной дороги,
Бьет чечетку с утренней зари.

Мало стука – он ударит градом.
Лес шумит от ледяной шрапнели...
А они стоят недвижно рядом
Под плащом высокой статной ели.

Дождь застал их на глухом проселке,
По дороге к лагерю. И вот
Третий час колючие иголки
Их в лесу спасают от невзгод.

С четырех сторон – стена воды...
Кажется, ни людям, ни зверям
Не сыскать их даже по следам.
Впрочем, в дождь какие уж следы?!

В рюкзаке мешочек с образцами
Да промокших спичек коробок,
Маленький пакетик с сухарями,
Шесть картошин, соль да котелок.

Влажный ветер, рыща по округе,
Холодком колючим донимает
И озябших путников друг к другу
Все тесней и ближе придвигает.

Как странны невольные объятья!
Все яснее у груди своей
Грудь девичью под намокшим платьем
Чувствует взволнованный Андрей.

Надо б как-то сразу распрямиться.
Пощутить беспечно, отстраниться.
Только он, как раз наоборот –
Не назад подался, а вперед.

Что виной тут: тихий посвист птицы,
Ветра ли пьянящего глоток,
Танины ли длинные ресницы,
Он и сам ответить бы не мог.

А Татьяна? Что же нынче с нею?
Где ледок ее спокойных глаз?
Почему так ласково к Андрею
Вдруг прильнула девушка сейчас?

Кто сумеет разобраться в этом?
Право, глупо спорить и гадать!
Легче звезды в небе сосчитать,
Чем сердечным овладеть секретом.

Все сейчас красноречивей слов:
Тихий вздох, пожатие руки...
Что же это: новая любовь
Иль минутной вспышки огоньки?

С вышины сквозь толщу серых туч
Вниз скользнул веселый теплый луч,
А за ним, как будто в море хлеба,
Вспыхнул васильком кусочек неба.

Он был влажный, он был синий-синий,
Будто взгляд, знакомый с детских лет.
И казалось, он воскликнул: «Нет!»

Крикнул с болью голосом Галины.

Да, конечно, только показалось.
Ну какой там голос в самом деле?!
Только радость словно б вдруг сломалась
И метнулась в гущу старых елей.

Что ж потом? Ведь из любимых глаз
Хлынет столько неподдельной муки!
Огонек свернулся и погас...
Сжались губы, и ослабли руки...

– Что костер? Нет, нам не до костра. –
Голос сух и непривычно колок.
– Дождь уже кончается. Пора.
Скоро вечер. Поспешим, геолог!

– Нам, – сказал Андрей, – идти немного,
Лагерь наш вон там, за тем бугром.
Что ж, пошли, пока видна дорога.
Через час, я думаю, дойдем.

Вот и холм. И вмиг застыли двое:
Лагерь словно бурю смело,
А внизу чернело небольшое
Вовсе не знакомое село.

– Заблудились! – ахнула Татьяна. –
Ну, геолог, драть тебя и драть.
Так всегда бывает, как ни странно,
Если карт и компаса не брать.

Где же нам искать теперь ночлега?
– Здесь, – ответил Громов, – решено. –
Позади вдруг скрипнула телега
И раздался зычный голос: – Но-о-о!

На подводе высилась старуха,
В сапогах, в большом дождевике,

В заячьем залатанном треухе
И с кнутом в морщинистой руке.

– Бабка! Далеко ль до Белых Кочек?
И какое там внизу село?

– Это вон Аркашино, сыночек...

– Ишь куда нас, Громов, занесло!

– А до Кочек сколько?

– Верст двенадцать. –

Бабкин голос – ерихонский бас.

– Бабушка, а вы домой сейчас?

– Да куда же мне еще деваться?

Медсестру вон отвезла в район.

Вымокла и все кляла дорогу.

А по мне, что взмокла – слава богу!

Жить в деревне был ей весь резон,

А она, прожив здесь три недели,

Застонала: «Скука, тошнота...

Доктор строг. Все книжки надоели.

Так-де и завянет красота».

Вот и отвезла я стрекозу.

А про вас мне баяли словечко.

Вы тут камни ищите на речке.

Лезьте. Я к себе вас отвезу.

Таня тихо: – Может, неудобно?

Может, мы стесним? У вас семья?

– Я семью вам опишу подробно:

Вся семья – мой серый кот да я...

Только пусть я бабка, пусть седая,

Но силенки все ж во мне крепки.

Да и должность у меня мужская,

Я колхозный конюх, голубки.

Вечереет... Солнце кистью яркой
Прикоснулось к каждому листу
И в большую радужную арку
Вставило всю эту красоту.

В маленьком багряном озерке
Алые, в густых лучах заката,
Утка и пунцовые утята
Медленно плывут невдалеке.

Вон березка белый стан сгибает
И, стыдливо прячась за кустом,
Свой наряд зеленый отжимает,
Ежась под холодным ветерком.

Да, в тот вечер все вокруг сверкало
Тысячами радостных огней.
– Хорошо! – Татьяна прошептала.
– Очень! – тихо вымолвил Андрей.

Все небо к ночи снова занесло,
По стеклам зябко покатались слезы,
Но в хате бабки Аннушки тепло,
Здесь пряный запах меда и березы.

Бормочет, остывая, самовар.
С его загаром медным, как ни странно,
Отважно спорит бронзовый загар
Хозяйки дома, моющей стаканы.

У печки на протянутом бруске
Висят костюмы мокрые гостей,
А их самих, одетых налегке,
Усталых и прозябших до костей,

Отправила старуха на лежанку,
Сказавши басом: – Грейтесь-ка пока.
Дорога в дождь, конечно, не сладка.
Ну, ничего, зато уж спозаранку –

Куда тебе ненастье иль гроза –
Погода будет ясной, как слеза.
Коль говорю, так вы уж верьте мне,
Ведь мой «баромет» у меня в спине.

Приятно после слякотной дороги,
Пужинав, улечься на печи
И почувствовать, как спину, плечи, ноги
Под шубой согревают кирпичи.

Посуду всю убрав в пузатый шкаф,
Уселась бабка важно за газету.
Вдруг кто-то, в раму часто застучав,
Протяжно крикнул: – Тетка Анна, где ты?!

Хозяйка, перегнувшись через стол,
Взволнованно спросила: – Что ты, Настя?
– Да с нашей Резвой, бабушка, несчастье,
Ей бык на ферме шею распорол!

Где ломота в коленях?! Быстро, споро
Метнулась бабка, будто на пожар.
Схватила телогрейку: – Я не скоро...
Вы отдыхайте... Грейте самовар...

Дверь хлопнула. Прогрохали ступени,
И тишина... Они теперь вдвоем...
И сразу же неловкое смущенье
Их молчаливо стиснуло кольцом.

– Люблю я сказки страшные, Танюша.
Ты б рассказала? – пошутил Андрей.
– Ну что же, пострашней так пострашней,
Могу, геолог, коли хочешь, слушай.

Жила-была принцесса... Впрочем, хватит!
Ты помнишь наш дорожный разговор
О затонувшем парусном фрегате,
Про институтский бал и мой позор?

Верней, не про позор, а про обиду
На то, что он не понял ничего,
Пришел с другой... Взглянул и не увидел,
А я ждала, я так ждала его!

Потом я часто думала о ней.
О той... Другой... Ну чем приворожила?
Ведь я лицом не хуже, ей-же-ей!
Ум? Но и тут я вряд ли б уступила.

– Но ты сказала, – Громов рассмеялся, –
Что он был с бочкой, рыжею, кривой... –
Однако смех мгновенно оборвался.
– Постой, ты плачешь? Таня, что с тобой?!

– Эх ты, геолог! – проглотив слезу,
Сказала Таня с невеселым вздохом. –
Ведь я же знаю – нынче там, в лесу,
Ты обо мне небось подумал плохо.

Решил, конечно: что ей до того,
Что я женат? Она и крохам рада...
Ты, как всегда, не понял ничего...
Нет, подожди, перебивать не надо.

Сейчас поймешь. О ней я солгала.
Однако верь мне: вовсе не со зла,
Так было проще. А она иная:
Не рыжая, увы, и не кривая.

Ее глаза (и это уж не ложь)
Большие, темно-синие и чистые.
А волосы, как перед жатвой рожь,

Такие же густые и пушистые.

Он ею жил, а я – пустой мечтой.
Ну вот тебе и сказочки конец!
Жила-была принцесса, а герой
Пошел совсем не с нею под венец...

Татьяна попыталась улыбнуться,
Но к горлу снова подступил комок.
– Графин с водой... вон там стоит, на блюдце...
Сходи, не поленись, налей глоток...

Мир как-то сразу спутался, смешался.
– Так, значит, Таня... Значит, ты меня?..
– Уже пять лет. А ты не догадался?
Совсем стемнело. Разыщи огня...

– Зачем, Танюша?
– Да уж поздно. Вечер.
В других домах уже давно огни. –
Под легкой кофтой так округлы плечи...
А губы близко, рядом... Вот они!..

Он как в чад. Он все забыл отныне.
И, как бы вечер ни синел сейчас,
В душе Андрея цвет небесной синий
Закрыли тучи темно-серых глаз.

Все мутит разум: и слова хмельные,
И тонкий запах девичьих волос,
И губы... губы влажные, тугие,
Слегка солоноватые от слез.

Татьяна Бойко, статно-горделивая,
Краса и гордость институтских стен,
Твоя теперь – покорная, счастливая
И ничего не ждущая взамен.

Ночь сползла в овраги. Рассвело.
Во дворах дымятся самовары.
А с плетней гремят на все село
Петухов победные фанфары.

Щелкнул за околицей пастух,
Разошлась туманная завеса,
И громадный огненный петух
Медленно взлетел над спящим лесом.

Все пока истомою объято...
Но уже, проворны и легки,
Солнечные желтые цыплята
Понеслись к селу вперегонки.

Через стекла яркою лавиной
В дом, в уют, в жилую теплоту!
Вот уж двое прыгнули на спину
Серому ленивому коту,

Эти трое бродят по буфету,
Те рядком уселись на окне,
А вон тот забрался на газету
И полез беспечно по стене...

*

Дверь открыв, вошла хозяйка в хату,
Полушалок скинула на стол.
– Здравствуйте-ка, с солнышком, ребята!
А «баромет» мой-то не подвел!

И, повесив ватник возле печи,
Гулко пробасила: – Ну, дела,

Я всю ночь сегодня не спала.
Бык-то крепко лошадь покалечил.

Только что ж вы, милые, молчите?
Может, я не то все говорю?
Или просто вы так крепко спите?
Ну-ка, ну-ка, дай-ка посмотрю!..

Так и есть: ладони разметав.
Парень спал, плечистый, смуглолицый,
А она, к плечу его припав,
Крепко сжав пушистые ресницы.

Все во сне губами шевелила.
Что шептал с улыбкой этот рот?
Может статься, говорил он: «Милый!..»
Может... Впрочем, кто их разберет!

Бабка вдаль задумчиво взглянула,
Видно, что-то вспомнила, вздохнула.
Что ж, и ей когда-то, может быть,
Довелось такое ж пережить.

Ласково гостей перекрестила,
Что-то прошептала горячо
И полой тулупчика прикрыла
Девичье открытое плечо.

Глава 5. ПИСЬМО

– Андрей! Татьяна! Филины лесные!
Как можно трое суток пропадать?
«Колумб» велел уж нынче вас искать,
Ан вот и «выплывают расписные»!

И Лешка, сдвинув кепку набекрень,

Весь просиял веснушками своими.
Потом со вздохом Тане: – Каждый день
Я повторял в молитвах ваше имя!

Умолк и вдруг воскликнул: – Ну дела!
Да кто ж из вас сегодня именинник?!
Одна, как вишня в поле, расцвела,
Другой блестит, как новенький полтинник?!

А впрочем, хватит, прежде о делах:
Иди, Андрей, на взбучку к Христофору,
Потом склонись передо мной во прах,
Или спляши, иль влезь на ту вон гору.

Что, догадался? Правильно, герой!
Сегодня почту привезли верхами.
«Вас, – говорят, – в чащобине такой
Не сыщут даже черти с фонарями».

Без мала месяц письма пролежали.
– Отдай, Алешка, ну? Не то сейчас...
– Пусти, дракон! Да, вот письмо от Гали.
От той, что ждет и не смыкает глаз.

Держи еще, вот третье... Тут, брат, впору
С тебя сто грамм... Да шут с тобою, пусть!
Ну, вы ступайте, братцы, к Христофору,
А я пойду в речушке окунусь.

Нынче жарко. Сонная река,
Кажется, застыла... Не течет...
Впрочем, нет: вон там, издалека
Двигается огромный длинный плот.

Проплывает чуть зеленоватый,

Будто щука. А за ним вразброд
Бревна, как веселые щурята,
Крутятся, носами тычась в плот.

Таня с Лешкой брызжуются, хохочут,
То ныряют, то плывут к плоту.
Теплый ветер лица им щекочет,
Осушая кожу на лету.

– Таня, брось меж бревнами крутиться!
С лесосплавом, знаешь, не шути!
– Ничего, Алешка, не случится,
Я ж как рыба плаваю, учти!

*

У палатки на мохнатой кочке
Он сидит недвижимый и немой.
Только писем легкие листочки
Чуть шуршат в руке его порой.

Взгляд скользит бесцельно по травинкам,
Мчит сквозь лес в далекие края.
«Галя, Галя, милая Галинка,
Звездочка весенняя моя!

Значит, в час, когда, в толкучке стоя,
Ждал тебя я, пасмурный и злой,
Тихо дверь больничного покоя
Где-то затворялась за тобой...

А сейчас ты ждешь меня, вздыхаешь
И уж вновь заботами полна
(Нет, так можешь только ты одна),
На сюрприз какой-то намекаешь.

Что там: шляпа? Трубка? Эх, Галинка!

Все сюрпризы мелочь. В них ли суть?!
Да за взгляд твой, за одну слезинку
Я весь мир готов перевернуть!

Впрочем, стоп! Восторги эти прочь!
Ведь и впрямь те слезы недалече...»
Он вдруг вспомнил дождик, хату, ночь...
Вспомнил Танин шепот, губы, плечи...

«К черту ночь. Ночь позади осталась!
Знаю. Пусть все это не пустяк.
Но ведь и с другими так случалось?!
Ах, да что мне – так или не так?!

Вон глаза: они такие чистые!
В них моря, сады и соловьи...
Галка, Галка, волосы пушистые
И ресницы черные твои...

Ты слаба. Так этого ль стыдиться?
Пишешь «подурнела» – ерунда!
Раз мы вместе – все нам не беда.
Вот вернусь, и съездим подлечиться.

Трудно мне. Ведь я в глуши лесной.
Ах, не то! Не в этом вся причина!
Да, я виноват перед тобой!
Но ведь ты простишь меня, Галина?

Только что я? У нее беда,
Я ж примчусь кудахтать, словно квочка:
«Ах, ошибся...» Глупость! Ерунда!
Ничего тут не было – и точка!»

– Ну, геолог, что сидишь в печали? –
Танин голос будто в сердце нож! –
Отчего купаться не идешь?
Письма, что ли, душу истерзали?

Громов вспыхнул, встал и, помолчав,
Произнес, не подымая взгляда:
– Я не знаю, кто и в чем был прав,
Только больше нам нельзя... Не надо...

Вышло так... Нет, ты не думай, Таня,
Что я трус... Что я не дорожу...
Я не знал... Я не хотел заране,
Погоди... Ты сядь. Я расскажу.

С Галей плохо. – И пока, сбиваясь,
Говорил он о своей беде,
Танин взор скользил, не отрываясь,
По кустам, по бревнам и воде...

Вон пришла к реке купаться ива.
Подошла, склонилась над водой
И струю прохладную пугливо
Трогает зеленою рукой.

Что у ивы, например, за боли?
Веточку сломаешь – отрастет...
Громов все рассказывал о школе
И о письмах Галиных на фронт.

Руку взял – руки не отняла.
– Таня, ты ведь добрая, я знаю...
– Да, Андрей, ты прав... Я понимаю.
Ну, довольно! – Встала и пошла.

Обернулась. Посмотрела твердо.
Нет, прощаясь, взгляд не упрекал,
А, как встарь, насмешливо и гордо
Словно бы два пальца подавал.

Вряд ли Громов сам себе признался,
Что, стремясь к Галине всей душой,
Он тогда почти залюбовался
Горделивой этой красотой.

Ночь идет, планету убирая,
Звездный ковш наполнила водой,
Отпила и, щеки надувая,
Целый мир обрызгала росой.

Из тумана сшила занавеску,
Чтобы рыбам крепче спать в пруду,
Лунный таз начистила до блеска
И, подняв, надела на звезду.

И повсюду тишина такая,
Будто звуков в мире больше нет.
Ходит ночь, планету убирая,
Звезды льют свой золотистый свет...

Сон, как потревоженная птица,
Что в испуге вьется над гнездом,
Над Андреем мечется, кружится,
То вдруг тихо сядет на ресницы,
То умчится с легким ветерком.

«На душе небось у Гали скверно...
Что вдохнет ей в сердце теплоту?
Мой приезд! Ведь у нее, наверно,
Каждая минута на счету.

Я вернусь – и вмиг отставка горю.
«Галка, все печальное забудь!
Улыбайся, собирайся в путь.
Прямо завтра и поедем к морю!»

– Извини, Андрей, не помешала? –
Вновь Татьяна! Что за тяжкий рок?! –
Вижу, папироска замерцала,

Я и забрела на огонек.

Ты небось подумал: «Вот дурная!
Как сказать ей, что в конце концов...»
Нет, геолог, не стонать пришла я
И не штопать рваных парусов.

Было б слишком глупо унижаться,
Да и чувств слезами не вернуть.
Просто я пришла, чтоб попрощаться,
Просто, чтоб сказать: «Счастливым путь!»

В двадцать пять уже не верят в чудо.
Вот и все, геолог... Поезжай...
Ну а если в жизни станет худо,
Помни: я люблю тебя. Прощай!

ЧАСТЬ 3

Глава 6. В МОСКВЕ

1

Сквозь стайку дач, спеша в Москву,
Состав промчался с грузом хлеба
И, растревожив тишину,
Швырнул гудок, как камень, в небо.

А вот курьерский. Он летит,
Он товарняк перегоняет,
Ведь там Галинка ждет, не спит,
Он это знает-ет, знает-ет, знает-ет...

Вокзальный свод в лучах сверкает,
Как сказочная стрекоза...

Дома, зевая, протирают
Свои квадратные глаза.

Ночь темный спрятала покров
В кусты газона, за скамейку.
Светает... Радугой цветов
Блеснула клумба-тюбетейка.

Тюльпан расправил лепестки,
Пион с плеча стряхнул росинку.
Заря в струе Москвы-реки
Полощет алую косынку.

И от улыбки той зари
В проулок удирает тень.
Смущенно гаснут фонари –
Приходит день.

*

– Шофер! Такси свободно?
– Да, прошу!
– Мне нужно в Теплый. Знаете дорогу?
– Еще б не знать! Живу там, слава богу.

– Вот и отлично. Едем. Я спешу!
Шофер машину ловко развернул,
Потом спросил: – А дом у вас который?
– Дом двадцать шесть. – Тот весело кивнул:
– А знаете, есть странные шоферы.

Волшебники! Вот хоть бы я сейчас:
Хотите, ваше имя угадаю?
Вы муж Галины Громовой. И вас
Зовут Андреем. Так я понимаю?

Андрей воскликнул: – Так! Но кто же вы?

Как вас-то звать?
– Максимом Рыбаковым.
– Теперь понятно. Галя из Москвы
Вас часто теплым поминала словом.

А Варя ваша просто суший клад.
Сердечный, настоящий человек!
Спасибо вам... Я очень, очень рад...
Такое не забудется вовек!

Максим нахмурил брови: – Ерунда.
С людьми живем, а не в глухом болоте.
Случись с другим такая же беда,
И вы небось ведь мимо не пройдете?!

Андрей сказал: – Я, кстати, вот о чем:
У вас нога, а вы... Я извиняюсь... –
Максим кивнул: – Маресьев за рулем! –
И улыбнулся: – Ничего, справляюсь.

Ну вот мы и приехали! Пока!
Галина ждет. В глазах небось огонь.
Счастливы вам! – И сильная рука
Андрею крепко стиснула ладонь.

Как странно все: не вышла на звонок...
Открыла дверь соседка – тетя Шура.
– Андрей? Входи! Ну как дела, сынок?
Ой, что же это я стою, как дура?!

Иди, иди, совсем ведь заждалась.
Волнуется, поди-ка, ретивое?!
Все на вокзал звонила... Извелась...
Ах, господи, вот горе-то какое!

– Да будет вам! – Но все-таки в тревоге
Рванул он дверь, шутливо прогудев:
– Встречай, жена! Домой вернулся лев! –
И замер, удивленный, на пороге...

Она сидела боком у стола,
Лица не поворачивая к свету.
Вся жизнь в тот миг, казалось, перешла
Лишь в пальцы, теребящие газету.

Пред ним была она и не она.
И близкая, и словно бы чужая:
Куда девалась нежно-золотая
Ее волос пушистая волна?

Уже не пряди, вешним солнцем сотканы,
Теперь, как странно глазу, у жены,
Как после тифа, крохотные локоны
Из-под косынки были чуть видны.

Вдруг обернулась, ко всему готовая,
И тотчас в сердце, как заряд свинца, –
Полоска шрама, тонкая, пунцовая,
От уха к носу поперек лица...

Хотела встать, но отказали ноги.
Он подскочил к ней, обнял, зашептал:
– Сиди, сиди... И к черту все тревоги,
Вот я и дома... Ехал... Тосковал...

Она к нему прижалась головой.
И он умолк. Какие тут уж речи!
И тотчас ощутил, как под рукой
Вдруг задрожали тоненькие плечи.

– Ну, будет, будет!.. Это ни к чему...
Не так все плохо... Нет, ты не права. –
Ах, что он говорит ей! Почему?
Куда вдруг делись главные слова?

Те самые, что, сидя у реки,
С любимой разлученный дальней далью,
Под шум тайги, в минуту злой тоски
Он повторял ей с тихою печалью?

Так что ж, он позабыл их? Растерял?
Иль чем-то, может, вдруг разочарован?
Да нет же, нет! Он попросту устал
И этой встречей горькою взволнован!

Она, вдруг смолкнув, тихо руку мужа
Сняла с плеча и опустила вниз,
Туда, где пояс с каждым днем все туже:
– Ну вот тебе, Андрей, и мой «сюрприз»..

Рука его как будто испугалась,
Едва заметно дернулась назад...
Но нет, ей это только показалось!
Он крикнул: – Галка, я ужасно рад!

Нас будет трое! Превосходно! Славно!
А я-то там никак не мог понять...
Теперь уж вам, Галина Николавна,
Нельзя слезинки даже проливать!

Ну, я побреюсь, подзарос в дороге! –
Что рассказал, что скрыл любимый взгляд?
И сердце билось в страхе и тревоге:
Рад или нет он? Рад или не рад?..

Неделя прошла, а за нею другая,
Жизнь словно бы гладко и мирно течет.
Ни горя, ни песен, ни ада, ни рая...
Пусть так. Но чего же еще она ждет?

Веселья? Да нет же! Она не про это.
С весельем успеем. Веселье – потом.
Иной холодок тут средь теплого лета:
Андрей... Что-то новое прячется в нем.

Нет, внешне он тот же: приветливый, ровный,
С рассветом он в главке, к закату – домой.
Порою обнимет, погладит любовно
И слово сердечное скажет порой.

А то вдруг пошутит: – А ну-ка, Галина!
Ты знаешь: ведь лжи я терпеть не могу.
Ты в самом ли деле подаришь мне сына?
Смотри, коль девчонку, на полюс сбегу.

И все-таки сердце все чаще сжималось:
Порою украдкой он глянет, вздохнет,
И вдруг точно грусть или легкая жалость,
Как тень, в его темных зрачках промелькнет.

Мелькнет, будто птица помашет крылом,
И снова все ровно, спокойно и складно.
Но женским, но тайным каким-то чутьем
Она понимала: «Нет, что-то неладно!»

Готовилась к школе, над планом сидела.
«Все думы тревожные – глупость, пустяк!»
Но сердце как будто иглой то и дело
Кололо: «Нет, Галка, здесь что-то не так!»

Но что же не так? Может, чувства остыли?
Нет, это неправда! Андрей не такой.
А может быть, недруг преследует? Или
Гнетет его скука бумаги и пыли
И сердцем он рвется к работе живой?

Что ж, может быть, пусть он встряхнется немножко!
Пускай! Ведь живая работа нужна.

Но я тогда как же? А как же Сережка?
Ведь это уж скоро... А я здесь одна...

Но что, если он и не мрачен нисколько
И это лишь глупые нервы шалят?
Что, если все это мне кажется только?
Ах, вздох его грустный! Ах, горестный взгляд!

Он сам засмеялся бы: «Сгинь, ураган!
Куда я поеду? Нашла же заботу!
Итак, педагог, доставай-ка свой план.
Поныла – и хватит! Теперь за работу!»

4

Лунный свет лежит на одеяле...
– Спишь, Галина? – Он слегка привстал. –
Знаешь, мне сегодня приказали
Возвращаться к нашим, на Урал.

Только не волнуйся. Я ведь скоро!
Ровно через месяц и назад.
Еду по запросу Христофора.
Что же, он начальство, я солдат.

«Так и есть!» Она тоскливо сжалась.
«Вот он, вздох, и вот он, грустный взгляд!
Значит, ничего не показалось...
Но ведь он не сам, ему велят!»

Прошептала: – Ну, а как же я-то?
Ведь теперь уж скоро я должна...
Знаешь, мне немножко страшновато:
Вдруг случится что, а я одна...

– Как одна? Да тут кругом друзья!
Вспомни хоть про Варю Рыбакову.

– Не сердись, Андрей, я просто к слову.
Раз нельзя, ну значит, и нельзя.

И, обняв порывисто его,
Прошептала ласково и тихо:
– Ничего, конечно, ничего...
Просто я ужасная трусиха.

Он погладил худенькую шею
И сказал с улыбкою: – Не трусь!
Я же через месяц возвращусь
И ко всем событиям успею.

С первым снегом, утренней порошею
Прикачу я. Все сомненья прочь!
Спи, Галинка, спи, моя хорошая...
Спи спокойно... За окном уж ночь...

Тьма вокруг все гуще, все плотнее.
Бьют часы – рассвет еще далек.
Скверно нынче на душе Андрея,
Он лежит и смотрит в потолок.

Что ж он, сердцем, что ли, измельчился?
Почему он Гале не сказал,
Что «Колумб» ни строчки не писал
И что ехать сам он напросился?

Испугался честных глаз Галины?
Да, пожалуй. Видно, в чем-то слаб.
Но зачем же ехать? Где причины?
Сам себе-то объяснил хотя б?

Объяснять? Но тут бессильны речи!
Погоди, когда ж все началось?
В день приезда. Да, тогда при встрече
Словно б что-то в нем оборвалось.

Галка та и больше уж не та!

Что ж, выходит, и любовь пропала?
Что ж, выходит, только красота
В ней всегда Андрея привлекала?

Нет, конечно, глупость, ерунда!
Тут не это, тут совсем иное.
Ну, а что, Андрюша? Что такое?
Разлюбил? «Да нет же, никогда!

Шрам? Неужто этакая малость...
Впрочем, нет, пусть это не пустяк,
Только я не поступил бы так.
Просто мне сейчас мешает жалость.

Я еще привыкнуть не могу.
Ну, да это, право, и понятно.
А отъезд? Но я же не бегу!
Я ведь через месяц и обратно.

Съезжу, поработаю, встряхнусь.
Дело там горячее, живое.
Шум таежный вмиг развеет грусть.
И домой! И снова я с тобою.

Надо спать. Часы пробили три.
Скоро ночь огни свои потушит.
И зажгутся факелы зари.
Надо спать... И вдруг чуть слышно в душу –

Тихий голос... Но зачем? Откуда?
«Да, ты прав, геолог, поезжай.
Ну а коли станет в жизни худо,
Помни: я люблю тебя. Прощай!»

К черту! Хватит! Мне не так уж плохо.
Грусть пройдет, развеется, как дым.
Он затих и с еле слышным вздохом
Прошептал: – Ну ладно, поглядим...

Лунный свет лежит на одеяле,
По ночному столику скользит...
Нет, сегодня он уснет едва ли.
А Галина спит или не спит?

Только нет, видать, и ей не спится.
И хоть мрак еще висит ночной,
Но он ясно чувствует щекой,
Как дрожат Галинины ресницы.

Глава 7. НЕСЧАСТЬЕ

1

– Ты что же это, друг, лежишь с газетой?
Жена с работы – прямо в магазины,
Тащи, как лошадь, свертки да пакеты,
А он пришел, и нет ему кручины!

Ну, хоть бы ужин разогрел, солдат!
Ведь знаешь, что жена вернется злая.
Возьму-ка я сейчас вон тот домкрат
Да косточки твои пересчитаю!

Максим накрылся в ужасе газетой:
– Постой, не бей младенца, пощади!
Все разогрел: и кашу и котлеты.
Вон там снимай подушку и гляди.

– Ах, господи! – Варвара застонала. –
Ну как тебе хозяйство доверять?
Кастрюлю прямо дном на покрывало...
Помог. Спасибо. Нечего сказать!

Потом, надев домашний сарафан

И доставая свертки из корзины,
Частила: – Вот сосиски, вот сазан,
А это вот севрюга для Галины.

Смотри какая, правда, хороша?!
А то ведь Галка, ну буквально тает.
В чем, право, только держится душа?
Не спит, не ест, все мужа поджидает...

А муж хорош: не пишет и не едет.
Копает где-то камни у ручья.
Эх вы, мужчины! Нет у вас, медведи,
Где надо, настоящего чутья!

– Но-но! – Максим с улыбкою сказал. –
Давай за стол! К чему шуметь без толку?
А я таких огурчиков достал...
Мечта! Ты любишь пряную засолку?

У нас суббота нынче, не страдай...
Ведь тут пустяк... Совсем пустяк в графине...
– Огурчики? Постой, не открывай!
Огурчики я отнесу Галине.

– Ну что ж, отлично! – молвил Рыбаков. –
Рюмашка есть – закуска не кручина.
– Для рюмки, милый, кстати, есть причина:
Перехожу теперь на шесть станков!

У нас на «Красной Розе» порешили
Такие вскоре выпустить шелка,
Что все другие смежные текстили
От зависти сгорят наверняка!

Представь: на синем поле без узора...
Ах, нет! Чтоб ты наглядней представлял,
Дай карандаш! – Но тут из коридора
В дверь кто-то еле слышно постучал.

Она вошла, шагнув тяжеловато,
Осыпанная снегом и дождем,
И, улыбнувшись как-то виновато,
Вдруг прислонилась к косяку плечом.

– Галина! – Варя бросилась к порогу,
Порывисто подругу обняла. –
У нас испорчен лифт, а ты, ей-богу,
Одна на пятый... Ведь с ума сошла!

– Постой, Варюша! Я же вся в снегу.
Где вешалка? Мне помнится, в передней? –
Максим шагнул: – Позвольте, помогу,
Я кавалер как будто не последний!

Галина взгляд на Варю подняла.
А в нем тоска... Безжизненное море...
– Что, Галка? Что? Неважные дела?
Беда случилась? – Нет, Варюша, горе!

Прошла... Безмолвно села на диван,
Смотрела в сумрак строго и печально.
Взяла зачем-то поданный стакан
И все крутила ложкой машинально.

Потом взглянула в круглое трюмо:
– Что ж, тут любой, наверно, отшатнется...
Мне, Варя, нынче принесли письмо.
Андрей... Он не приедет... Не вернется...

Слова звенели холодно, как льдинки.
Казалось, что душе ее сейчас
Чужды все чувства. Ни одной слезинки
Не пролилось из потемневших глаз.

– Он пишет мне... постой-ка, что ж он пишет?
Ах да!.. О том, что он не может лгать,
Что мой привет в таежном ветре слышит,
А сам в душе не в силах отыскать

Ни ласки, ни ответного огня,
В нем, как он пишет, что-то вдруг сломалось.
Нет, он не то чтоб разлюбил меня,
Но «жалость, Галка, понимаешь, жалость!»

Она, как спрут, мне сердце оплела.
Прости, я знаю: жалость унижает.
Но если сердце с ней не совладает,
Любовь уйдет. И вот она ушла...

Нет, даже не ушла, но рядом с нею
Живет вот этот леденящий спрут.
Суди сама: ну разве так живут?
Живут – любя и вместе с тем жалея?

Нет, ты ни в чем, ни в чем не виновата!
Но я никак привыкнуть не могу...
И, все бывшее сохраняя свято,
Я честно ухожу, а не бегу.

Прости, Галина, мне ужасно больно.
Ведь я сижу, как Каин, над письмом...»
А дальше он... Но, кажется, довольно!
Хотя постой. Тут вот еще о чем.

Еще одна томит его кручина:
Мне будет трудно. Я же скоро мать!
А он отец. Он не забудет сына.
Он нам обоим станет помогать.

Вся эта многослойная постройка
Имеет и довольно прочный гвоздь:
В конце он пишет про Татьяну Бойко...

Да, без того, видать, не обошлось.
Нет, Варя, мне не надо сострадания.
Я думала. А впрочем, что слова?!
Прочти сама «сердечное» посланье.

А вдруг и я тут где-то не права.
Прочтя письмо, Варвара помолчала.
– Нет, не на том стоит, Галинка, мир! –
И вдруг со злобой тихо прошептала
Презрительно и твердо: – Дезертир!

2

– Вот я и дома! Ничего, Варюша,
Теперь, спасибо, я дойду одна.
А час теперь который? Ты послушай,
Какая вдруг повисла тишина!

Свежо. Морозит. Ну, Максим, давайте
Увесистую вашу пятерню.
Нет, нет, благодарю, не провожайте!
Да, завтра непременно позвоню.

Они ушли. И слабую улыбку
Вмиг будто ветром сдунуло, смело.
«Что ж, может, вправду сделала ошибку,
Иль мне, как говорят, не повезло?»

По лестнице взошла, не отдохнула.
Ну что усталость? Это ли печаль?
Дверь комнаты привычно распахнула
И долго, опершись о спинку стула,
Смотрела в ночь, в заснеженную даль.

Потом, раздевшись, села, оглянулась.
Все пусто, странно, как нелепый сон.
Такое чувство, будто бы вернулась
Сейчас она с тяжелых похорон.

Как будто бы из комнаты недавно,
Ну, может статья, с час назад всего...

Брось! Перестань, Галина Николавна!
Ты не одна! Не забывай о главном:
Не забывай про сына своего!

Но он еще для жизни не разбужен,
А от него уже и отrekliсь...
«Теперь ты, видно, только мие и нужен,
Мой несмышленный маленький «сюрприз!»

Кто б ей на все вопросы мог ответить?
Кто мог бы самый мудрый дать совет?
Скажи: есть человек такой на свете?
– Да, есть! А впрочем, может быть, и нет.

К нему прийти б с любой бедой-кручиной,
К щеке припасть, заплакать наконец.
Но кто же этот человек, Галина?
– Кто? Николай Васильич – мой отец.

Вот он на фотографии альбомной
В буденовке и с шашкой на ремне,
Плечистый, загорелый, запыленный,
Сидит на сером в яблоках коне.

А здесь он на субботнике копает
Для домны котлован на пустыре,
По пояс голый в гуле и жаре...
Устал, наверно, а глаза сияют.

А вот он с милой синеглазой Маней
Сидит у речки, робок и суров.
Она – в цветистом легком сарафане,
С большим букетом полевых цветов.

Тут ряд цехов, дымы до небосвода,
Кружатся листья, будто мотыльки...
И он, директор, во дворе завода
Осматривает новые станки.

А это школьный лагерь под Красковым.
Веселая, живая детвора,
А в центре папа в галстучке пунцовом
Сидит у пионерского костра.

Ей вспомнилось, как слушали ребята
Буденновского славного бойца
О сабельных атаках, и охватах,
И выходе из вражьего кольца.

Он с ними пел о красных эскадронах.
Потом фанфарный прозвенел сигнал,
И лучший звеньевой Аидрюша Громов
Ему на шею галстук повязал.

Мать – ласковая, добрая... И все же
Галина, неизвестно почему,
Бывало, с тем, чего понять не может,
Не к маме шла, а к строгому – к нему.

И что бы дочь порой ни натворила,
Все разберет по совести отец.
Нахмурит брови – значит, заслужила,
Похвалит – значит, вправду молодец!

Но как-то зимней сумрачной порою,
Когда в домах укладывались спать,
Случилось вдруг нелепое, такое,
Чего ни объяснить и ни понять...

*

По большому ледяному кругу
С каждой секундой все быстрее
Галя с Зиной – школьные подруги –
Мчались мимо лунных фонарей.

Толстенская Зина отставала
И пицала где-то позади:
– Галка! Галка! Ты же обещала...
Так нечестно... Слышишь, подожди!

Ветер бил в лицо упруго, колко,
Грохотал оркестр издалека.
И большая огненная елка
Отражалась в зеркале катка.

А потом, держа коньки под мышкой,
Шли подруги весело домой.
Вдруг какой-то озорной парнишка
Их нагнав, шутливо крикнул: – Стой!

Обернулись. Громов! Вот так встреча!
– Вы куда, девчонки? Я в кино.
В «Арсе» – «Цирк», причем последний вечер.
И билетов, я звонил, полно!

Вы домой идете? Подождите!
До кино всего кварталов шесть.
Двинемся все вместе! Ну, хотите?
У меня и деньги, кстати, есть.

Зина понимающе вздохнула:
– Нет уж, извините, я пойду, –
И в толкучку с хохотом нырнула.
Подмигнув подруге на ходу.

Возвращались поздно. Падал снег,
Будто с елки, пышный и блестящий.
Галя вдруг сказала: – А ведь негр,
Ну, малыш тот, он ведь настоящий.

– Вот еще! – Андрей захохотал. –
Где в Москве достанешь негритенка?
Просту гример замалевал
Самого обычного ребенка.

– Ну, а губы? Губы? Никогда
Губ таких у наших не бывает!
– Что там губы? Губы – ерунда!
Губы тоже клеем прилепляют.

Галя стала спорить: – Вот и нет! –
А потом подумала: «К чему?
Дома папа. Расскажу ему,
Он-то сыщет правильный ответ».

Все ж у дома робко повздыхала.
Папа скажет: «На дворе уж ночь.
Это где ж ты столько пропадала?
Ну, вконец избаловалась дочь!»

Подымаясь лестницей, храбрилась:
«Папа, но ведь я же в первый раз...
Папа, – я скажу, – у нас сейчас
Вышел спор...» И вдруг остановилась:

Свет в прихожей... Дверь полуоткрыта...
Это в час-то ночи! Ну, дела!
Видно, мама тоже так сердита,
Что в расстройстве дверь не заперла.

В кабинете за портьерой свет.
Папа ждет. Сейчас он глянет строго...
Ну, да будь что будет! И с порога
Девочка шагнула в кабинет.

Дальше было все как в лихорадке...
Нелегко об этом вспоминать!
Папы нет... Все вещи в беспорядке,
Бледная, встревоженная мать.

– Что случилось? – А уж сердце бьется.
Тихий мамин голос: – Ничего...
Тут ошибка, Галя. Он вернется,

Просто с кем-то спутали его.

Сам сказал мне: «Завтра же приеду.
Погоди, заране не тужи!
Значит, завтра, ровно в три, к обеду.
И Галинке это же скажи!»

Да ошибся, видно, просчитался!
Мчались дни, тянулась цепь годов,
Но домой не шел, не возвращался
Николай Васильевич Ершов.

*

Эх, Андрюшка! В трудные года
Ты не трусил косности людской.
Почему ж ты храбрым был тогда,
А теперь сробел перед бедой?

Что с тобой случилось в самом деле?
Красота... Да в ней ли только суть?
Шрам!
Скажи, Андрюша, неужели
Он любовь способен зачеркнуть?

Если б вдруг тебе пришлось вернуться
С фронта без руки или без глаза,
То, клянусь, мне не пришла б ни разу
Мысль, чтобы уйти иль отвернуться.

Говорят: «То женская любовь!»
А мужская разве не такая?
Что за глупость: женская... мужская...
Ведь у нас одни душа и кровь!

Впрочем, дело даже не в крови.
Остывает ведь и сталь кипящая.

Просто есть подобие любви
И любовь – большая, настоящая!

ЧАСТЬ 4

Глава 8. СЫН

1

И вот он – сын! Ножонками суча,
Глядит на мир спокойно и открыто
И клюв у целлулоидного грача
Беззубым ртом сжимает деловито.

Ему всего три месяца, и он
Еще ни дум не знает, ни забот.
Без туч над ним синее небо свод,
А мир его – еда да крепкий сон...

Но мать уже до острой боли любит
И то, как сын смешные бровки супит,
И золотой пушистый хохолок,
И жилку, что бежит через висок.

Ей иногда не верится, что он,
Вот этот сверток чуть побольше книжки,
Не выдумка, не сказка и не сон,
А настоящий маленький сынишка!

И смех и грех смотреть, как он порой,
Барахтаясь в короткой рубашонке,
Через себя фонтанчик пустит тонкий,
Подушку всю облив за головой.

Подобных «дел», нескромных и сумбурных,

Немало доведется наблюдать.
В три месяца всех «навыков культурных»
Не в силах человек еще понять.

Да не беда! Вот станет повзрослее
И все постигнет. А пока что сын
Глядит на мать... И нет его роднее!
Ведь он такой для матери один!

2

– Можно к вам, Галина Николавна? –
В дверь пролез заснеженный букет.
За букетом девочка вослед.
– Вы, ребята? Вот как это славно!

Как я рада! Ну, прошу, входите.
Да смелее. Сколько же там вас?
Нина, Лена, два Алеши, Митя...
О, да тут почти что целый класс!

В платьях, отутюженных заране,
В галстуках, что зорь любых алей,
Вот они уселись на диване
Стайкой красногрудых снегирей.

Староста Петров, как самый главный,
Произнес с торжественным лицом:
– Мы пришли, Галина Николавна,
Рассказать, что мы вас очень ждем.

Двойки есть... Ослабла дисциплина... –
И, смутившись, отошел к окошку.
– Брось! – вскочила черненькая Нина. –
Можно, мы посмотрим на Сережку?

– Он не спит, Галина Николавна?

– Нет, не спит, поближе подойдите.
Только чур: спокойно, не галдите!
– Нет, мы тихо... Ой, какой забавный!

– А глаза большущие какие!
– Карие, совсем не как у вас... –
Ким утешил: – Это так сейчас.
Подрастет – и станут голубые.

– Вот как все предугадали славно!
До чего же, право, мы мудры! –
И, смеясь, Галина Николавна
Потрепала детские вихры.

Нина, розовея смуглой кожей,
Подошла к ней: – Я хочу спросить:
Можно иногда нам приходиться
Посидеть и поиграть с Сережей?

Через час – в квартире тишина...
Щебеча, умчались снегирята...
А она стояла у окна,
Вслед им улыбаясь виновато.

Любят, ждут... Нет, эти но солгут!
Взгляд ребячий не привык лукавить.
А она? Давно ль хотела тут
Все забыть, все бросить и оставить...

Думалось: районный городок...
Школа, дом, за окнами картошка,
Из трубы клубящийся дымок,
Книги, труд и маленький Сережка...

Школа, труд... А разве здесь не труд?
Разве нет и тут друзей горячих?
А ребята? Разве же бегут
От таких вот чистых глаз ребячьих?

Струсила? Обида сердце гложет?
Пусть! Тут важно только не сломаться.
Трус не тот, кто может испугаться.
Трус – кто страха одолеть не сможет!

Сын промолвил с важностью: – Агу!
– Да, малыш, уйдет, затихнет гром.
Никуда-то я не побегу,
Мы и здесь с тобою заживем.

3

– Галина, можно? – Распахнулась дверь,
И появилась Эльза Вячеславна.
– Не спит малыш?
– Не спит.
– Ну вот и славно!

На, детка, зебру – презанятный зверь.
Одета гостя ярко и нарядно:
Шелка, сережки, кольца, кринолин...
Все бьет в глаза, все пестро, все нескладно.

Сама точь-в-точь как зебра иль павлин!
– Мы, Галочка, квартиру получаем.
Хлопот по горло: с мебелью беда!
То купим шкаф, то кресло прозеваем...

Вот все обставлю, приходи тогда.
– Что ж, как-нибудь визит такой устроим.
Сейчас же попрошу я вот о чем:
С полчаса побудь с моим героем,
Пока я отлучусь за молоком.

– Ах, я не прочь! Но тут меня тревожит
Боязнь: а вдруг чего недогляжу?
К тому же платье... Подызмяться может...

А впрочем, ладно, мчись, я посижу.

Она с надрывом что-то стала петь,
Потом младенцу показала рожки.
Но край пеленки, там, где были ножки,
Вдруг начал подозрительно влажнеть.

Авария! Что делать новой «маме»?
Она к кровати робко подошла
И пальцами с блестящими перстнями
Пеленки край брезгливо подняла.

Увидев незнакомое лицо,
А может статья, ощутив на теле
Чужой руки холодное кольцо,
Малыш заплакал горько в колыбели.

Он так сучил озябшими ногами,
Так громко плакал, стиснув кулачки,
Что временной и неумелой «маме»
Осталось лишь схватиться за виски.

Нет, где уж этой барыньке столичной,
Чья лишь в нарядах и живет душа,
Управиться с хозяйством непривычным –
Одеть и успокоить малыша?!

Но что это: мираж? Метаморфоза?
Сняв быстро брошь и положив в карман,
Она накидку цвета чайной розы
Швырнула вдруг, как тряпку, на диван.

Откуда эта быстрая сноровка?
Галина поразилась бы донельзя,
Увидев, как уверенно и ловко
Ее Сережку пеленает Эльза.

Но Эльзы нет здесь. Нету, право слово!
Нет дамы в ярких кольцах и наколках.

Есть просто Лиза – дочка горнового,
Девчонка из рабочего поселка.

Отец – в цеху, мать целый день стирала,
А старшая, вскочив еще спросонок,
Уже кормила, мыла, пеленала
Своих чумазных братьев и сестреночек.

Но годы шли, и прошлое забылось.
Богатый муж... Безделье и шелка...
Когда она душою опустилась,
Теперь нельзя сказать наверняка.

Не в тот ли день и час, когда решила,
Что труд придуман только для мужей,
И весь свой пыл душевный посвятила
Кокетствам да наружности своей?

Ответить трудно. Только мир стал тесен.
Вся жизнь: прилавки, моды и кино.
Мурлыканье пустых, пошлейших песен...
И грустно, и противно, и смешно...

Но нынче звонкий, горький плач ребячий
На миг какой-то всю ее встряхнул,
Как будто в омут плесени стоячей
С размаху кто-то камень зашвырнул.

И разом точно встала тень былого:
Нет Эльзы в брошах, кольцах и наколках.
Есть просто Лиза – дочка горнового,
Девчонка из рабочего поселка.

Надолго ль это сердце встрепенется?
Ворвется ль в омут свежая струя?
Иль плесень снова медленно сомкнется?..
О том пока и сам не знаю я.

Глава 9. НОЧЬ

Вешняя безоблачная ночь,
Ветер клейко пахнет тополями...
Сколько губ в такой вот час не прочь
Говорить сердечными стихами?

Хмелем бьет зеленое вино
От корней травы до небосвода.
Все сегодня лирики полно:
И дома, и люди, и природа...

Любит ветер вот такую ночь:
Зашумел вдруг, точно стая галок,
И, сорвав, умчал со смехом прочь
Белый тополиный полусалок.

Вон, покинув пестрый хоровод,
На трубе сидит звезда-красавица,
А гуляка-месяц, будто кот,
К ней по гребню крыши пробирается.

Мерно плещет спящая река...
А над нею песнь и звон гитары.
Песнь любви... В ней радость, и тоска,
И покой, и вьюги, и пожары...

Петь ее с подругою вдвоем
Хорошо! И все же, скажем честно,
Не под каждой дверью и окном
Песне этой прозвучать уместно.

Не всегда. Да вот хотя б сейчас
В комнате, за этой вот гардиной,
Мать сидит и не смыкает глаз
У кровати маленького сына.

На диване в пестром беспорядке
Кубики, жирафы и слоны,
Зайцы, носороги и лошадки
Дремлют в блеске матовой луны.

Спит «зверье» беспечно, тихо, мирно...
Лишь солдатик – честная душа,
Сжав приклад и став по стойке «смирно»,
Верно охраняет малыша.

Что мальчишке этой ночью снится?
Впрочем, может быть, и ничего.
Он уснул. А матери не спится.
Мать сидит и смотрит на него.

Вот он спит, не знающий тревоги,
Тот, кому в большую жизнь идти.
Перед ним открытые дороги,
Но уже с ухабами в пути.

Он шагнет, он солнцу улыбнется,
Но, хоть трижды будь он молодец,
Сколько раз он больно ушибется,
Встретясь со словами: «Твой отец».

Да, отец... Он не войдет открыто,
Не посадит сына на плечо,
Не подбросит к синему зениту,
Не сожмет в объятьях горячо;

Не притащит ежика в газете,
Не набьет за пазуху конфет.
«Твой отец...» Он хоть и есть на свете,
Но считай, что все равно, что нет!

Он придет, но не путем победным.
Нет, не старшим другом, не отцом,
А всего лишь сереньким, судебным,
Жалким «исполнительным листом».

За окошком дальний звон гитары...
Сыплет с неба звездный листопад...
Под луною всюду нынче пары,
И везде о чувствах говорят.

«Я люблю!» – взволнованная фраза.
Сколько тут заманчивых огней!
Все ж прошу, товарищи, не сразу,
Повстречавшись, обращайтесь к ней.

Не ханжа я. И нравоученья
Мне смешны. А тут вот не смешно.
Слишком уж огромное значенье
В этих двух словах заключено.

Мы ль суровы, или жизнь сурова,
Я не знаю. Только ты пропал,
Если вдруг, сказав большое слово,
Чувств больших при том не испытал.

И когда придет к тебе иное
И объявит радостно: «Ты мой!»,
Как ломать все то, что ты построил,
Как с другою поступить судьбой?

Все долой? Ведь тут пришло большое!
Но постой! Проверим, поглядим.
Может быть, и это все пустое?
Может быть, и это только дым?!

Кто б ты ни был: женщина ль, мужчина,
Все продумай, прежде чем решать,
Чтоб кому-то у кровати сына
Горьких слез потом не проливать.

Сон смежил мальчишечьи ресницы.
Тихо ночь над крышами плывет...
Спит малыш, а матери не спится,

Мать ему вполголоса поет.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Бьется в стекла звездная метель
Вместе с тополиною порошею.
Пусть, малыш, летят к тебе в постель
Бабочками сны твои хорошие.

Нам пока тревоги не видны,
Что ж, на то и сетовать не станем.
Спи, мальчишка, – голубые сны
Снятся людям только в детстве раннем.

Хорошо о подвигах мечтать,
Мчаться к звездам, плыть по бурным рекам,
Только, прежде чем героем стать,
Стань сначала честным человеком.

Будь таким во всем и до конца,
А преграды – пусть они встречаются!
Знай, что горы, звезды и сердца
Только честным в жизни открываются.

Млечный Путь, мерцая, смотрит вниз,
Дремлет ива с вербою-подружкой...
А вверху торжественно повис
Месяц золоченой погремушкой.

Речка чуть дрожит под ветерком...
Полночь уж сменилась с караула...
Где-то нынче, чмокая рожком,
Гордая любовь твоя уснула...

Встреча ваша, милый, впереди.
С крепкой дружбой, с песней, с соловьями...
Только не обидь ее, гляди,

Злыми и ненужными словами.

Скоро день, фанфарами трубя,
Брызнет светом ярко-золотистым.
Пусть же будет счастье у тебя
Вот таким же солнечным и чистым!

Бьется в стекла звездная метель
Вместе с тополиною порошею.
И летят, летят в твою постель
Бабочками сны твои хорошие.

Глава 10. НЕГАДАННЫЙ ПРИЕЗД

1

С портфелем и тетрадками под мышкой
Галина быстро шла по переулку.
Она спешила: как-то там сынишка?
Ходил ли с тетей Шурой на прогулку?

Надет ли шарф? Накормлен ли малыш?
Вот так всегда: уходишь на работу,
А в сердце бесконечная забота,
И целый день торопишься, спешишь.

Но скоро, видно, кончится тревога.
И мама рада, и Сережка рад.
Через неделю – первая дорога:
Малыш пойдет к ребятам в детский сад.

Пока же мать, по сторонам не глядя,
Спешит, земли не чуя под собой.
В руке – портфель, под мышкою – тетради
И детский синий шар над головой.

В прихожую вошла, заторопилась,
Поспешно пробежала коридор,
Но возле двери вдруг остановилась,
Услышав непривычный разговор.

Мгновенно сердце сжалось и упало,
Охвачено волнением и тоской.
Два голоса Галина услышала,
Два голоса: Сережкин и мужской.

Андрей пришел? Ах, нет... Ошибка. Где там?
Но чей же это голос? Чей же? Чей?
И вдруг мгновенно нестерпимым светом
Пронзили душу тысячи лучей!

Рванула дверь, и вдруг ослабли ноги,
Как будто кто-то налил в них свинец,
И, тихо покачнувшись на пороге,
Она чуть слышно крикнула: – Отец!

Все закружилось в странной карусели...
Шагнуть хотела – не хватило сил.
Померкло солнце... Окна почернели...
И пол куда-то медленно поплыл...

Упал портфель, рассыпались тетради...
Цветистый шар взлетел под потолок,
И видел сын, как незнакомый дядя
Мать, подхватив, к груди своей привлек.

Значит, жив он! Жив и снова дома!
Это все действительность, не сон!
Здесь вот, рядом... Настоящий он!
Как же все до боли в нем знакомо!

Все такой же рослый и плечистый,
Та ж привычка гладить жесткий волос.
Тот же взгляд, внимательный и быстрый,
И все тот же басовитый голос.

Только стал сутулиться сильнее,
И морщин прибавилось у рта.
Стал весь как-то строже и белее,
Молчаливей (новая черта).

– Говоришь, надеялись и ждали?
Что ж, как видишь, буря улеглась.
Вновь мы вместе. И долой печали!
Жаль, вот только мать не дождалась...

Слышал... Знаю... Помолчи, не надо...
Это после... Расскажи-ка вот,
Что за внук здесь у меня растет
И дорос уж даже до детсада?

Он, брат, мне тут все порассказал,
Дал понять, что он в душе пилот. –
Николай Васильевич привстал
И легонько внука ткнул в живот.

Внук смущенно к матери прижался
И сказал: – А я и не боюсь.
– Не боишься? Ну, коли не трус,
Мы друзья. – И дед заулыбался.

От улыбки и веселой фразы,
Отгеснивших хмарь минувших дней,
В комнате Галины как-то сразу
И уютней стало и теплей.

Льется мягкий свет от абажура,
Внук уснул, сказав: – Спокойной ночи! –
На стене колышутся фигуры,

Тихо чайник на столе бормочет...

Галю нынче просто не узнать:
Щеки пышут, голос стал звенящим.
Как ей много надо рассказать
О плохом и светлом, настоящем.

Было все: хорошая любовь
И обида, острая, как жало.
Но хоть вся любовь и не пропала,
Да быломu не вернуться вновь.

Что ж, права пословица о том,
Что друзей познаешь лишь в беде,
И они находятся везде,
Там, где мы их даже и не ждем.

У отца замороженный взгляд:
Как в кино, проходят перед ним
Педагоги, шумный класс ребят,
Тетя Шура, Варя и Максим.

– Знаешь, папа, в день, когда Сережа
Должен появиться был на свет,
У меня вдруг холодок по коже –
Вдруг беда, а близких рядом нет?!

Вдруг беда... Но, честное же слово,
Дня того мне в жизни не забыть.
Нам с тобой Максима Рыбакова
Нужно, право, век благодарить.

Так и вышло: в трудную минуту
Не случилось рядом никого,
Только вдруг как ветром почему-то
Занесло мне именно его.

Знаешь, как мы мчались на «Победе»?!
В нитку – светофоров огоньки...

Красный свет! А мы несемся... Едем!
В стекла – ветер... Позади – свистки...

По когда мы вышли из машины,
Мне вдруг стало худо... Мир качался...
А шофер... – И тут, смеясь, Галина
Показала, как он растерялся.

– Знаешь, он большой такой, забавный,
Топчется, а щеки побурели.
«Можно мне, Галина Николавна,
Вам помочь?.. Мы вот уже... У цели...»

Я шепчу: «Спасибо... Где же вам?..»
Но уж он меня, как нянька, обнял,
Мягко, будто перышко, приподнял
И понес к распахнутым дверям.

А ведь у него, я говорила,
Нет ноги. Ты умный, ну скажи:
Разве тут физическая сила?
Тут не то. Тут красота души.

И вот так всегда, я убедилась:
В трудный час повсюду есть друзья.
Впрочем, я совсем заговорила,
Только о себе все: я да я!

Главное – ты дома! Ты вернулся!
И отныне вместе мы навек!.. –
Николай Васильевич улыбнулся:
– Верно, мой хороший человек!

Я же обещал вам, что приеду.
Даже время указал: в обед. –
Дочь вздохнула: – И пришел к обеду
С опозданием на семнадцать лет...

Он собрал морщины возле глаз

И сказал: – Мы шли к огромной цели,
Но не все в дороге разглядели.
Что ж, не раскисать же нам сейчас!

Что скрывать: куда как горько было
Знать, что зря нагрянула беда...
Только верь мне: ленинская сила
Нас не покидала никогда!

Завтра точно жди меня к обеду.
Утром мне вручают партбилет.
Что глядишь? Теперь-то уж приеду.
Ни на миг не опоздаю. Нет!

Дел у нас теперь невпроворот.
Даром, что ли, мы с тобой Ершovy?
Завтра ж из райкома на завод.
Отдыхать? Забудь ты это слово!

Кстати, вот что я хотел спросить:
Ты теперь ведь не Ершова, знаю.
Ну а он? Как он-то хочет жить?
Ты прости, коль что не понимаю.

Про него ты только намекнула.
Мой характер – все сносить молчком.
Что ж, вы разошлись или подуло
Просто в сердце зимним холодком?

Дочь качнула тихо головой
И оказалась, отстранись от света:
– Он для нас совсем теперь чужой.
Был и нет... И кончено про это.

– Ну, а вдруг (ты потерпи немного),
Вдруг потом развеется гроза? –
И, как в детстве, ласково и строго
Посмотрел ей пристально в глаза.

– Жизнь сложна: порой одно лишь слово –
И от всех барьеров только след...
Вдруг, представь, увидите вы снова.
Сердце дрогнет? Дрогнет или нет?

И отметил с гордостью невольной
В синем взгляде легкий блеск свинца.
Да, такая, пусть ей очень больно,
Твердой быть сумеет до конца!

– Знаешь, папа, да, меня тревожит
Мысль о встрече где-нибудь в пути...
Ну а сердце... Кто ж предвидеть может,
Как оно начнет себя вести?

Только нет, не жду я перемены.
Наша встреча? Есть ли в ней нужда?
Впрочем, он и сам-то в эти стены
Не придет, пожалуй, никогда.

Глава 11. **ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР**

Но он пришел. Негаданно, нежданно...
Войдя, смутился, робко помолчал...
Потом спросил Галину Николавну
И в дверь жены чуть слышно постучал.

Она сидела с кипюю тетрадей
Перед столом, не поднимая глаз.
И шум услышав, молвила не глядя:
– Вам перцу, тетя Шура? Я сейчас!

А возле шкафа над солдатским строем
Пыхтел малыш. Его малыш. Его!
И так вдруг захотелось взять героя,
Прижать к себе, и больше ничего...

Как все нелепо! Мирная картина –
Жена и сын! И не его семья...
И, вновь взглянув на тоненькую спину,
Он тихо молвил: – Галя, это я...

Она не ожидала этой встречи.
И точно от внезапного толчка,
Он видел, как спина ее и плечи
Вдруг, покачнувшись, дрогнули слегка.

И все же, если честно говорить,
Об этом часе думала Галина.
Пусть с ней расстался. Но не может быть,
Чтоб не пришел он посмотреть на сына!

Ведь сколько раз бессонными ночами
Она решала, как себя держать,
Во что одеться? Что ему сказать?
И долго воспаленными глазами

Смотрела в ночь, в заснеженную даль,
Боря в душе обиду и печаль.
На все: на труд и на улыбки даже
У хрупкой у нее хватало сил.
Все было ясно, как кивнет, что скажет,
Но время шло, а он не приходил.

А жизнь вокруг бурлила, клокотала,
Сережка рос веселый, озорной,
И боль ее сдавалась, отступала,
Сменяясь на спасительный покой.

И вот сегодня точно выстрел грома
Былое вдруг плеснул через края –
Раздался голос близкий и знакомый,
Сказавший тихо: – Галя, это я...

Взглянув назад, Галина быстро встала.

Пошла... Остановилась перед ним.
И тут слова, что прежде подбирала,
Вдруг разом улетучились как дым.

Решала встретить сухо, деловито.
А с губ слова иные сорвались.
И вместо: – Здравствуй, тронута визитом! –
Она сказала: – Ну входи, садись...

Нет, он почти совсем не изменился,
Вот разве только малость похудел.
Немного подбородок заострился,
Да волос чуть, пожалуй, поредел.

А так все тот же: статный, кареглазый,
Все с тем же взлетом смоляных бровей,
Все так же мягко произносит фразы,
Да, перед нею он – ее Андрей!

Ее? Да нет же, не ее, понятно!
А все-таки зачем же он пришел?
Ну, посмотреть на сына, вероятно,
А сын за мамин спрятался подол.

И, распахнув глазенки удивленно,
Из-под бровей насупленных глядит,
Как незнакомец, словно бы смущенно,
О чем-то тихо маме говорит.

– За то, что я... Ты извини, Галина...
Впервые за такой солидный срок
Решил вдруг навестить тебя и сына...
Но ты поверь: иначе я не мог!

Прийти – ведь это значит объясняться,
А что я мог сказать тебе тогда?
Двоим, я знал, бессмысленно встречаться,
Коль между ними выросла беда.

И я не мог... Ты понимаешь, Галя?
Придя, услышать горький твой упрек.
И там, в тайге, и после, на вокзале,
Я думал, собирался... И не мог...

Она молчала, у окошка стоя,
Подставив щеки струям ветерка,
И только пальцы быстрые порою
По раме барабанили слегка.

Все тот же профиль, та же нежность кожи
И та же синь больших спокойных глаз.
Знакомо все до мелочей, и все же
В ней было что-то новое сейчас.

Быть может, в том и пряталась причина,
Что вместо пышных золотых волос
Венок из двух тугих, тяжелых кос
Кольцом лежал на голове Галины.

От этого казалось, что она
Чуть выше стала ростом и моложе.
Той и не той была теперь жена,
То мягче вроде б, то как будто строже...

Одно мешало в этот час Андрею
Назвать ее красивой до конца –
Шрам, что, полоской тонкою белея,
Бежал под глазом поперек лица.

Но при любви что значит эта малость?
Любовь? А разве он ее хотел?
Ведь он же сам писал тогда про жалость...
И гость, смутясь, неловко покраснел.

– Я часто думал про тебя, про сына...
Чего искал я? И куда забрел?
Нашел я привлекательность, Галина,
А красоты душевной не нашел.

Нет, ты не думай, я ее не хаю,
Какой мне смысл туманить ясный свет?
Она, быть может, вовсе не плохая,
Да вот тепла в ней подлинного нет.

Она красива, в этом нет секрета.
Улыбка, голос, горделивый взгляд...
А мне порою красота вся эта –
Как будто в будни праздничный наряд.

И не глупа, и инженер хороший,
А вот понять ни разу не могла,
Что жизнь без дружбы, ласки и тепла
Становится нередко скучной ношей.

И сам не понимаю: в чем причина?
Последний год все думаю, брожу...
Все так нескладно... Но прости, Галина,
Что я сейчас бывшее бережу...

– Нет, ничего... – Галина усмехнулась. –
О том забудь. Раз хочешь, говори.
Но грусть твоя не поздно ли проснулась?
Ведь тут не год, а вроде б целых три...

И чуть в сердцах не обронила фразу:
«Ты все о ней... О трудном, о своем...
А вот не вспомнил, не спросил ни разу:
А что же я? Как мы-то здесь живем?»

И, будто в мысли заглянув Галины,
Понуря взгляд, Андрей проговорил:
– Небось считаешь, что тебя и сына
Я позабыл? А я не позабыл.

Я вижу вас. Но ты о том не знаешь.
Ну хочешь, вот скажу тебе сейчас,
Где ты с Сережкой вечером гуляешь?

В том сквере, где палатка «Хлебный квас».

Сказать по правде, мне ужасно стыдно,
Таясь, вот так за вами наблюдать.
Молчи. Я знаю, как тебе обидно,
И знаю все, что можешь ты оказать!

Я много думал... Трудно нам, не спорю.
И все же я решил тебя спросить:
Скажи, могла б ты, пересилив горе,
Вдруг разом все мне тяжкое простить?

Нет, я совсем не тороплю решенья.
Но помни: та не новая жена!
Что было там? Ошибка... Увлечение...
– Предательство! – отрезала она.

Негромкий голос будто слит из стали.
Андрей в глаза ей быстро посмотрел,
А в них такие молнии сверкали,
Что он, смутясь, на миг оторопел.

– Ты был на фронте, шел сквозь пламя боя.
Ответь же: кем считался там у вас
Боец, который, оробев душою,
Мог бросить друга в самый трудный час?

А разве час мой легче был в ту пору?
Недели две, как сняли бинт с лица,
И... будем откровенны до конца...
Мой «стан чудесный» превращался в гору...

С таким лицом куда мне было деться?
Но верилось: он любит... Ничего!
И чтоб в трюмо напрасно не смотреться,
Я закрывала попросту его.

И дождалась... Но говорить про это
Нет, право, ни желанья, ни сил.

Припомни сам то «радостное» лето!
И вспомни только, как ты поступил...

Нет, я тебя, Андрей, не упрекаю.
Зачем упрек? Да в нем ли суть сейчас?!
Ошибка? Я ошибки понимаю,
Но тут все было хуже во сто раз!

Речь шла не просто про меня с тобою
И не про то, кто жестче, кто нежней
Нас было трое, слышишь, Громов, трое!
И третьему ты был всего нужней!

Не ты встречал тогда его с цветами,
А Варя, друг... сердечная душа!
Не ты сидел бессонными ночами,
Склонившись над кроваткой малыша.

Порой хворал он... Тронешь ночью темя,
Оно огонь... Губешки шепчут: «Пить!»
А ты, быть может, с кем-то в это время...
Да нет, чего уж... Хватит говорить!

И что за толк, что ты на нас порою
Глядишь, бывшее вспоминая вновь?
Без громких фраз, пойми хоть раз душою,
Ты сам все предал: сына и любовь!

Такому трудно отыскать забвенье,
Вчера ли то случилось иль давно.
Любовь хрупка. И после оскорбленья –
Пусть и жива – не та уж все равно!

Тебе сегодня худо. Понимаю.
Не потому ль ты и пришел сюда?
А если бы, скажи мне, та, другая,
Была б добрей и лучше, что тогда?

Постой, не спорь! Резка я, может статья,

Могу же я хоть раз такую быть!
Ведь ты пришел в нелегком разобратся,
Пришел узнать, смогу ли я простить?!

У женщин не всегда хватает силы
Быть твердыми. Поверь мне, я не лгу.
Что ж, за себя б я, может, и простила,
Но за него не в силах, не могу!

К чему смягчать? Не хмурься и послушай.
Пойми хотя бы сердцем наконец:
Предатель-муж почти не муж, Андрюша!
Отец-предатель вовсе не отец!

Глава 12. РЕШАЙ, ГАЛИНА!

Пять лет недавно минуло Сережке.
Он в той счастливой, боевой поре,
Когда любая палка во дворе
Легко летит то в птицу, то в окошко.

Над ним шумят седые тополя,
Сияет солнце что ни день щедрее,
По-майски улыбается земля,
Задорною травую зеленея.

В углу двора, где тает бурый снег
И прячется последняя прохлада,
Большой ручей, звеня, берет разбег
И мчит к воротам пенистым каскадом.

И здесь с Алешкой, лучшим из друзей,
Борясь с волной и свистом урагана,
На время превращается Сергей
Из пацана в лихого капитана.

Пусть не фуражку носит голова,
Не бескозырку с надписью «Грозящий»,
А просто шлем, и то не настоящий,
С полоской букв: «Вечерняя Москва».

Не в этом суть, а в том, что «храбрый флот»,
Не раз бывавший в гибельных сраженьях,
Идет сейчас отважно на сближенье
С «врагом», что в страхе замер у ворот.

Но в миг, когда раздался первый выстрел
И в воду рухнул «вражеский матрос»,
Алешка вдруг задумчиво присвистнул
И, посмотрев направо, произнес:

– Гляди, Сережка, за соседним домом,
Там, где забор... Да вон же, позади,
Опять стоит тот дядька незнакомый.
К тебе небось. Поди же, посмотри.

Через плечо приятельское глядя,
Сергей сказал с суровым холодком:
– То папа мой, а никакой не дядя,
И я уж с ним давным-давно знаком.

Потом медаль потрогал на груди,
Поправил на нос сползшую газету
И звонко крикнул: – Папа, заходи!
Иди, не бойся! Мамы дома нету!

Отец взглянул на сына, улыбнувшись,
На миг, примерясь, посмотрел во двор,
Потом, вдруг по-мальчишески пригнувшись,
Одним прыжком преодолел забор.

И, сидя на скамейке возле сына,
Он жадно гладил плечи малыша
И повторял: – Да ты совсем мужчина!
Орел! Герой! Матросская душа!

Потом умолк. И, с тона разом сбившись,
Притиснул к сердцу: – Ах ты, мой матрос! –
«Матрос» же вдруг спросил, освободившись:
– А ты принес?
– Ну как же... вот... принес!

И развернул упрятанный в бумагу
Большой зеленый парусный фрегат.
Он лихо мчался под пунцовым флагом.
– Ну как, ты рад? – И сын ответил: – Рад!

Затем, спросив о мощи урагана,
Сережка вдруг, смутившись, замолчал.
И, проследив за взором мальчугана,
Взглянув назад, Андрей поспешно встал.

Войдя, как видно, только что во двор,
Стояла Галя, строгая, немая,
Портфель тяжелый к боку прижимая
И глядя прямо на него в упор.

И он, как школьник, разом растерявшись,
Как будто что-то удержать спеша,
В одно мгновенье, вдруг вперед подавшись,
Схватил и крепко стиснул малыша.

Он, как птенца, прикрыл его собою
И всей спиною чувствовал сейчас –
Да, именно затылком и спиною! –
Укор и холод темно-синих глаз.

Укор и холод... Острые, как жало.
Но что оказать, когда она права?!
На миг вдруг в горле странно защипало...
Слова? Да нет! Нужны ли тут слова?!

Укор и холод... Нет, не в этом дело!
Все было здесь и больше и сложней.

Укор... Но разве так она смотрела?
И разве это подымалось в ней?!

Сияло солнце, вешнее, большое,
Бежал ручей во всю лихую прыть...
А у скамьи стояли молча трое,
Еще не зная, как им поступить.

Да, Галя, это трудная минута.
Но стать иной, скажи, смогла бы ты?
Ведь после стужи даже самой лютой
Цветут же снова рощи и цветы!

Хоть, правда, после зимней непогоды
Не все деревья расцветают вновь.
Однако то не люди, а природа.
Природе же неведома любовь!

Молчит Галина... Может быть, впервые
За много лет так трудно ей сейчас.
И только слезы, светлые, большие,
Бегут, бегут из потемневших глаз...

1958 г.

ПОЭМА О ПЕРВОЙ НЕЖНОСТИ

1

Когда мне имя твое назвали,
Я даже подумал, что это шутка.
Но вскоре мы все уже в классе знали,
Что имя твое и впрямь – Незабудка.

Войдя в наш бурный, грохочущий класс,
Ты даже застыла в дверях удивленно, –
Такой я тебя и увидел в тот раз,
Светлою, тоненькой и смущенной.

Была ль ты красивою? Я не знаю.
Глаза – голубых цветов голубей...
Теперь я, кажется, понимаю
Причину фантазии мамы твоей.

О, время – далекий розовый дым, –
Когда ты мечтаешь, дерзишь, смеешься!
И что там по жилам течет твоим –
Детство ли, юность? Не разберешься!

Ну много ль, пятнадцать-шестнадцать лет?
Прилично и все же ужасно мало:
У сердца уже комсомольский билет,
А сердце взрослым еще не стало.

И нету бури еще в крови,
А есть только жест напускной небрежности.
И это не строки о первой любви,
А это строки о первой нежности.

Мне вспоминаются снова и снова
Записки – голуби первых тревог.

Сначала в них ничего «такого»,
Просто рисунок, просто смешок.

На физике шарик летит от окошка,
В записке – согнувшийся от тоски
Какой-то уродец на тонких ножках.
И подпись: «Вот это ты у доски!»

Потом другие, коротких короче,
Но глубже глубоких. И я не шучу!
К примеру, такая: «Конфету хочешь?»
«Спасибо. Не маленький. Не хочу!»

А вот и «те самые»... Рано иль поздно,
Но гордость должна же плеснуть через край!
«Ты хочешь дружить? Но подумай серьезно!»
«Сто раз уже думал. Хочу. Давай!»

Ах, как все вдруг вспыхнуло, засверкало!
Ты так хороша с прямою своей!
Ведь если б ты мне не написала,
То я б не отважился, хоть убей!

Мальчишки намного девчат озорнее,
Так почему ж они тут робки?
Девчонки, наверно, чуть-чуть взрослее
И, может быть, капельку посмелее,
Чем мы – герои и смельчаки.

И все же, наверно, гордился по праву я,
Ведь лишь для меня, для меня зажжены
Твои, по-польски чуть-чуть лукавые,
Глаза редчайшей голубизны!

В толпе не пройти! Никого не найти!
Музыка, хохот, взрывы картечи,
Серпантина и конфетти.

И мы кружились, как опьяненные,
Всех жарче, всех радостней, всех быстрее!
Глаза твои были почти зеленые –
От елки, от смеха ли, от огней?

Когда же, оттертые в угол зала,
На миг мы остались с тобой вдвоем,
Ты вдруг, посмотрев озорно, сказала:
– Давай удерем? – Давай удерем!

На улице ветер, буран, темно...
Гремит позади новогодний вечер...
И пусть мы знакомы с тобой давно,
Вот она первая наша встреча!

От вальса морозные стекла гудели,
Били снежинки в щеки и лоб,
А мы закружились под свист метели
И с хохотом грохнулись в сугроб.

Потом мы дурачились. А потом
Ты подошла ко мне, замолчала
И вдруг, зажмурясь, поцеловала.
Как будто на миг обожгла огнем!

Метель пораженно остановилась.
Смущенной волной залилась душа.
Школьное здание закружилось
И встало на место, едва дыша.

Ни в чем мы друг другу не признавались,
Да мы бы и слов-то таких не нашли.
Мы просто стояли и целовались,
Как умели и как могли!..

Химичка прошла! Хорошо, не видала!
Не то бы, сощурившись сквозь очки,
Она бы отдельно и сухо сказала:
– Давайте немедленно дневники!

Она скрывается в дальней улице,
Ей даже мысль не придет о том,
Что два старшеклассника за углом
Стоят и крамольно во всю целуются...

А так все и было: твоя рука,
Фигурка, во тьме различимая еле,
И два голубых-голубых огонька
В клубящейся белой стене метели...

Что нас поссорило? И почему?
Какая глупая ерунда?
Сейчас я и сам уде не пойму.
Но это сейчас не пойму. А тогда?..

Тогда мне были почти ненавистны
Сомнения старших, страдания от бед.
Молодость в чувствах бескомпромиссна:
За или против – среднего нет.

И для меня тоже среднего не было.
Обида горела, терзала, жгла:
Куда-то на вечер с ребятами бегала,
Меня же, видишь ли, не нашла!

Простить? Никогда! Я не пал так низко.
И я тебе это сейчас докажу!
И вот на уроке летит записка:
«Запомни! Больше я не дружу!»

И все. И уже ни шагу навстречу!
Бессмысленны всякие оправдания.
Тогда была наша первая встреча,
И вот наше первое расставанье...

Дворец переполнен. Куда б провалиться?
Да я же и рта не сумею разжать!
И как только мог я, несчастный, решиться
В спектакле заглавную роль играть?!

Смотрю на ребят, чтоб набраться мужества.
Увы, ненамного-то легче им:
Физиономии, полные ужаса,
Да пот, проступающий через грим...

Но мы играли. И как играли!
И вдруг, на радость иль на беду,
В антракте сквозь щелку – в гудящем зале
Увидел тебя я в шестом ряду.

Холодными стали на миг ладони,
И я сразу словно теряться стал.
Но тут вдруг обиду свою припомнил
И обозлился... и заиграл!

Конечно, хвалиться не очень пристало,
Играл я не то чтобы там ничего,
Не так, как Мочалов, не так, как Качалов,
Но, думаю, что-нибудь вроде того...

Пускай это шутка. А все же, а все же
Такой был в спектакле у нас накал,
Что, честное слово же, целый зал
До боли отбил на ладонях кожу!

А после, среди веселого гула,
В густой и радостной толкотне,
Ты пробралась, подошла ко мне:
– Ну, здравствуй! – и руку мне протянула.

И были глаза твои просветленные,
Словно бы горных озер вода:
Чуть голубые и чуть зеленые,
Такие красивые, как никогда!

Как словно, забыв обо всем о прочем,
Смеяться и чувствовать без конца,
Как что-то хорошее, нежное очень
Морозцем покалывает сердца.

Вот так бы идти нам, вот так улыбаться,
Шагать сквозь февральскую звездную тьму
И к ссоре той глупой не возвращаться,
А мы возвратились. Зачем, не пойму?

Я сам точно рану себе бережил,
Как будто размолвки нам было мало.
Я снова о вечер том спросил,
Я сам же спросил. И ты рассказала.

– Я там танцевала всего только раз,
Хотя совершенно и не хотела... –
А сердце мое уже снова горело,
Горело, кипело до боли из глаз!

И вот ты сказала почти с укоризной:
– Пустяк ведь. Ты больше не сердисься? Да? –
И мне бы ответить, что все ерунда.
Но юность страдает бескомпромиссно!

И, пряча дрожащие губы от света,
Я в переулке сурово сказал:
– Прости. Мне до этого дела нету.
Я занят. Мне некогда! – И удрал...

Но сердце есть сердце. Пусть время проходит,
Но кто и когда его мог обмануть?
И как там рассудок не колобродит,

Сердце вернется на главный путь!

Ты здесь. Хоть дотронься рукой! Так близко...
Обида? Ведь это и впрямь смешно!
И вот «примирительная» записка:
«Давай, если хочешь, пойдём в кино?»

Ответ прилетает без промедленья.
Слова будто гвоздики. Вот они:
«Безумно растрогана приглашеньем.
Но очень некогда. Извини!»

4

Бьет ветер дорожный в лицо и ворот.
Иная судьба. Иные края.
Прощай, мой красивый уральский город,
Детство мое и песня моя!

Снежинки, как в медленном танце, кружатся,
Горит светофора зеленый глаз.
И вот мы идем по знакомой улице
Уже, вероятно, в последний раз...

Сегодня не надо безумных слов,
Сегодня каждая фраза значительна.
С гранита чугунный товарищ Свердлов
Глядит на нас строго, но одобрительно.

Сегодня хочется нам с тобой
Сказать что-то главное, нужное самое!
Но как-то выходит само собой,
Как будто назло, не про то, не про главное.

А впрочем, зачем нам сейчас слова?!
Ты видишь, как город нам улыбается,
И первая встреча у нас жива,

И все хорошее продолжается...

Ну вот перекресток и твой поворот.
Снежинки печально летят навстречу...
Конечно, хорошее все живет,
И все-таки это последний вечер.

Небо от снега белым-бело...
Кружится в воздухе канитель...
Что это мимо сейчас прошло:
Детство ли? Юность? Или метель?

Помню проулок с тремя фонарями
И фразу: – Прощай же... Пора... Пойду... –
Припала дрогнувшими губами
И бросилась в снежную темноту.

Потом задержалась вдруг на минутку:
– Прощай же еще раз. Счастливый путь!
Не зря же имя мое – Незабудка.
Смотри, уедешь – не позабудь!

Все помню: в прощальном жесте рука,
Фигурка твоя, различимая еле,
И два голубых-голубых огонька,
Горящих сквозь белую мглу метели...

И разве беда, что пожар крови
Не жег нас средь белой, пушистой снежности!
Ведь это не строки о первой любви,
А строки о первой мальчишней нежности...

Катится время! Недели, недели...
То снегом, то градом стучат в окно.
Первая встреча... Наши метели...

Когда это было: вчера? Давно?

Тут словно бы настежь раскрыты шторы,
От впечатлений гудит голова:
Новые встречи, друзья и споры,
Вечерняя, в пестрых огнях, Москва.

Но разве первая нежность сгорает?
Недаром же сердце иглой кольнет,
Коль где-то в метро иль в давке трамвая
Вдруг глаз голубой огонек мелькнет...

А что я как память привез оттуда?
Запас сувениров не сверхбольшой:
Пара записок, оставшихся чудом,
Да фото, любительский опыт мой.

Записки... Быть может, смешно немножко,
Но мне, будто люди, они близки.
Даже вон та: уродец на ножках
И подпись: «Вот это ты у доски!»

Где ты сейчас? Велики расстоянья,
Три тысяч верст между мной и тобой.
И все же не знал я при расставанье,
Что снова встретимся мы с тобой!

Но так и случилось, сбылись чудеса.
Хоть времени было – всего ничего...
Проездом на сутки. На сутки всего!
А впрочем, и сутки не полчаса!

И вот я иду по местам знакомым:
Улица Ленина, мединститут,
Здравствуй, мой город, я снова дома!
Пускай хоть сутки, а снова тут!

Сегодня я вновь по-мальчишьи нежный.
Все то же, все так же, как той зимой.

И только вместо метели снежной –
Снег тополей да июльский зной.

Трамвай, прозвенев, завернул полукругом,
А вон, у подъезда, худа, как лоза,
Твоя закадычнейшая подруга
Стоит, изумленно раскрыв глаза.

– Приехал? – Приехал. – Пстой, когда?
Ну рад, конечно? – Само собой.
– Вот это встреча! А ты куда?
А впрочем, знаю... И я с тобой!

Пойми, дружище, по-человечьи:
У как этот миг без меня пройдет?
Такая встреча, такая встреча!
Да тут рассказов на целый год.

Пстой-ка, пстой-ка, а как это было?..
Что-то мурлыча перед окном,
Ты мыла не стекла, а солнце мыла,
В ситцевом платье и босиком.

А я, прикрывая смущенье шуткой,
С порогом басом проговорил:
– Здравствуй, садовая Незабудка!
Вот видишь, приехал, не позабыл.

Ты обернулась... На миг застыла,
Радостной синью плеснув из глаз.
Застенчиво ворот рукой прикрыла
И кинулась в дверь: – Я сейчас, сейчас!

И вот, нарядная, чуть загорелая,
Стоишь ты, смешинки тая в глазах,
В цветистой юбочке, кофте белой
И белых туфельках на каблучках...

– Ты знаешь, – сказал я, – когда-то в школе...

Ах нет... Даже, видишь, слова растерял...
Такой повзрослевшей, красивой, что ли,
Тебя я ну просто не представлял.

Ты просто опасная! Я серьезно.
Честное слово, искры из глаз.
– Ну что ж, – рассмеялась ты, – в добрый час!
Тогда влюбляйся, пока не поздно...

Внизу, за бульваром, в трамвайном звоне
Знойного марева сизый дым,
А мы стоим на твоём балконе
И все друг на друга глядим... глядим...

Кто знает, возможно, что ты или я
Решились бы что-то поведать вдруг,
Но тут подруга вошла твоя.
Зачем только бог создает подруг?!

Как часто бывает, что двое порой
Вот-вот что-то скажут сейчас друг другу,
Но тут будто черт принесет подругу –
И все! И конец! Хоть ступай домой!

А впрочем, я, кажется, не про то.
Как странно: мы взрослые, нам по семнадцать!
Теперь мы, наверное, ни за что,
Как встарь, не решились бы поцеловаться.

Пух тополиный летит за плечи...
Темнеет. Бежит в огоньках трамвай.
Вот она, наша вторая встреча...
А будет ли третья? Поди узнай.

Не то чтоб друзья и не то чтоб влюбленные,
Так что же, по сути-то, мы с тобой?
Глаза твои снова почти зеленые
С какою-то новою глубиной.

Глаза эти смотрят чуть-чуть пытливо
С веселой нежностью на меня.
Ты вправду ужасно сейчас красива
В багровых, тающих бликах дня.

А где-то о рельсы колеса стучатся,
Гудят беспокойные поезда...
Ну вот и настало время прощаться...
Кто знает, увидимся ли когда?

Знакомая, милая остановка!
Давно ли все сложности были – пустяк!
А тут вот вздыхаю, смотрю неловко:
Прощаться за руку или как?

Неужто вот эти светлые волосы,
И та вон мигнувшая нам звезда,
И мягкие нотки грудного голоса
Уйдут и забудутся навсегда?

Помню, как были глаза грустны,
Хоть губы приветливо улыбались.
Эх, как бы те губы поцеловались,
Не будь их хозяйева так умны!..

Споют ли когда-нибудь нам соловьи?
Не знаю. Не ставлю заранее точек.
Без нежности нет на земле любви,
Как нет и листвы без весенних почек.

Пусть все будет мериться новой мерой,
Новые встречи, любовь, друзья...
Но радости этой, наивной, первой,
Не встретим уж больше ни ты, ни я...

– Прощай! – и вот уже ты далека,
Фигурка твоя различима еле,
И только два голубых огонька
В густой тополиной ночной метели.

Они все дальше, во мраке тая...
Эх, знать бы тогда о твоей судьбе!
Я, верно бы, выпрыгнул из трамвая,
Я б кинулся снова назад, к тебе!..

Но старый вагон поскрипывал тяжко,
Мирно позванивал и бежал,
А я все стоял и махал фуражкой
И ничего, ничего не знал.

6

Столько уже пробежало лет,
Что, право же, даже считать не хочется.
Больше побед или больше бед?
Пусть лучше другими итог подводится.

Юность. Какою была она?
Ей мало, признаться, беспечно пелось.
Военным громом опалена,
Она, переплавясь, шагнула в зрелость.

Не ведаю, так ли, не так я жил,
Где худо, где правильно поступая?
Но то, что билет комсомольский носил
Недаром, вот это я твердо знаю!

Так и не встретились мы с тобой!
Я знал: ты шагаешь с наукой в ногу,
С любовью, с друзьями, иной судьбой.
А я, возвратившись с войны домой,
Едва начинал лишь свою дорогу.

Но нет за тобой никакой вины,
И сам ведь когда-то не все заметил:
Письмо от тебя получил до войны,

Собрался ответить и... не ответил...

Успею! Мелькали тысячи дел,
Потом сирены надрыв протяжный.
И не успел, ничего не успел.
А впрочем, теперь уже все не важно!

Рассвет надо мной полыхал огнем,
И мне улыбнулись глаза иные,
Совсем непохожие, не такие...
Но песня сейчас о детстве моем!

Не знаю, найдутся ли в мире средства,
Чтоб выразить бьющий из сердца свет,
Когда ты идешь по улицам детства,
Где не жил и не был ты столько лет!

Под солнцем витрины новые щурятся,
Мой город, ну кто бы тебя узнал?!
Новые площади, новые улицы,
Новый, горящий стеклом, вокзал.

Душа – как шумливая именинница,
Ей тесно сегодня в груди моей.
Сейчас только лоск наведу в гостинице
И буду обзванивать всех друзей.

А впрочем, не надо, не так... не сразу...
Сначала – к тебе. Это первый путь.
Вот только придумать какую фразу,
Чтоб скованность разом как ветром сдуть.

Но вести, как видно, летят стрелой,
И вот уже в полдень, почти без стука,
Врывается радостно в номер мой
Твоя загадочнейшая подруга.

– Приехал? – Приехал. – Постой, когда? –
Вопросы сыплются впереводку.

Но не спросила: – Сейчас куда? –
И не добавила: –Я с тобой! –

Сколько же, сколько промчалось лет!
Я слушаю, слушаю напряженно:
Тот – техник, а этот уже ученый,
Кто ранен, кого уж и вовсе нет...

Голос звучит то светло, то печально,
Но отчего, отчего, отчего
В этом рассказе, таком пространным,
Нет имени твоего?!

Случайность ли? Женское ли предательство?
Иль попросту ссора меж двух подруг?
Я так напрямик и спросил. И вдруг
Какое-то странное замешательство...

Сунулась в сумочку за платком,
Спрятала снова и снова вынула...
– Эх, знаешь, беда-то какая! – и всхлипнула.
– Поймай, ты про что это? Ты о ком?!

Фразы то рвутся, то бьют как копыта:
– Сначала шутила все сгоряча...
Нелепо! От глупого аппендицита...
Сама ведь доктор... И дочь врача...

Слетая с деревьев, остатки лета
Кружатся, кружатся в безутешности...
Ну вот и окончилась повесть эта
О детстве моем и о первой нежности.

Все будет: и песня, и новые люди,
И солнце, и мартовская вода,
Но третьей встречи уже не будет,
Ни нынче, ни завтра и никогда...

Дома, как гигантские корабли,

Плывут за окошком, горя неярко,
Да ветер чуть слышно из дальней дали
Доносит оркестр из летнего парка...

Промчалось детство, ручьем прозвенев...
Но из ручьев рождаются реки.
И первая нежность – это запев
Всего хорошего в человеке.

И памятью долго еще сберегаются:
Улыбки, обрывки наивных фраз.
Ведь если песня не продолжается –
Она все равно остается в нас!

Нет, не гремели для нас соловьи.
Никто не познал и уколов ревности.
Ведь это не строки о первой любви,
А строки о первой и робкой нежности.

Лишь где-то плывут, различимые еле:
В далеком, прощальном жесте рука
Да два голубых-голубых огонька
В белесой, клубящейся мгле метели...